Ландшафт Мировой Филантропии

WINGS
WORLDWIDE INITIATIVES
FOR GRANTMAKER SUPPORT

О WINGS

Всемирные программы по поддержке грантодателей (WINGS) — это сеть, объединяющая около 100 благотворительных ассоциаций и организаций в 40 странах мира, целью которых является укрепление, развитие и обеспечение ведущей роли филантропии и социальных инвестиций.

Руководитель: Бенжамин Беллеги
Координатор: Муриэль Ассераф
Автор издания: Эндрю Милнер
Редактор: Кэролайн Хартнелл
Дизайнер: Хитер Найт

Опубликовано в январе 2018 г.
Всемирной программой по поддержке грантодателей(WINGS)

WINGS
WORLDWIDE INITIATIVES
FOR GRANTMAKER SUPPORT

Содержание

2 Источники информации
3 Предисловие
4 Краткое содержание
4 Более полное содержание

6 1. Введение
7 Значение филантропии
8 Внешние угрозы филантропии

10 2. Частное пожертвование
11 Пожертвования со стороны частных лиц
13 Новые формы пожертвований
15 Пожертвования со стороны обеспеченных слоев населения (HNWIs)
16 Денежные переводы и пожертвования со стороны диаспор

18 3. Корпоративное пожертвование
19 Фонды – растущий сектор
21 По каким направлениям фонды делают пожертвования?
23 Грантовые фонды или операционные?
24 Стратегическая филантропия
24 Склонность к риску или уклонение?
26 Роль фондов в будущем
26 Будущие тренды
27 Восприятие корпоративной филантропии

28 4. Благотворительность местных сообществ
29 Фонды местных сообществ
29 Роль фондов местных сообществ
30 Как средства доноров из стран глобального Севера могут дойти до грантополучателей в странах глобального Юга

32 5. Что существует помимо грантов: различные виды использования благотворительных средств
33 Венчурная филантропия
33 Социальное инвестирование
34 Социально ответственное инвестирование (SRI)
35 Рост социального предпринимательства/ социального бизнеса
37 Размывание границ

38 6. Сотрудничество
39 Сотрудничество между фондами
40 Сотрудничество между филантропией и государством
42 Цели устойчивого развития (ЦУР)

46 7. Филантропия, государство и гражданское общество
47 Двойственное отношение со стороны правительства
49 Государственный контроль через регулирование и его отсутствие
50 Будущее гражданского общества
52 Налоговые льготы и субсидии

54 8. Инфраструктурные организации
55 Неравномерное распределение благотворительной инфраструктуры
60 Роль благотворительных инфраструктурных организаций
61 Как инфраструктурные организации могут работать лучше?
60 Жизнеспособна ли эта бизнес-модель?

62 9. Послесловие
63 Помощь организациям гражданского общества
64 Конфликты и миграция
64 Цифровые технологии
65 Всеобъемлющая роль глобальной филантропии

66 Литературные ссылки
67 Приложение A
68 Приложение B

Источники информации

Отчет основан на данных из трех главных источников:

- Интервью с двадцатью практическими специалистами и экспертами в области благотворительности из разных стран мира. Все интервью будут процитированы в тексте.
- Собрание тематических рабочих групп на мероприятиях в Йоханнесбурге, Мехико и Аммане.
- Исследование материалов из открытых отчетов, статей и сайтов, которые имеют отношение к данной тематике.

В большей степени, этот отчет основан на данных, которые были получены в ходе проведения интервью, поскольку именно эта информация наиболее достоверна и оперативна. Выбор тем частично исходил из того, что говорили респонденты. Полученная таким образом информация, в основном, является качественной. В результате, доклад строится вокруг обсуждения событий, а не изложеных фактов.

Изначально предполагалось, что все интервью будут выстроены по схожему сценарию, однако их структура менялась в зависимости от профессиональной компетенции собеседника.

Мнения и доводы лиц, проходивших интервью, в значительной степени разнятся. В целях получения наиболее полной картины, мы не стали ограничивать наших собеседников строгими рамками заданных тем и региональной привязанностью обсуждаемой тематики. Нам кажется необоснованным структурировать информацию под изначально заданную тематику в эпоху, когда проблемы становятся все более взаимосвязанными и комплексными.

Однако, ради сохранения структуры текста, материал данного отчета был разбит по нескольким основным тематикам, многие из которых оставляют поле для обсуждения. В некотором смысле такого рода незаконченность и наличие поля для дискуссий отображают нынешнее состояние мировой благотворительной деятельности. В то время, как сравнительно несложно подвести черту под некоторыми достижениями в отрасли благотворительности, существует много трендов, таких как развитие благотворительности в онлайн сфере, будущее целевого социального инвестирования, воздействие цифровой информации – назовем только эти три тенденции, чье развитие в целом, несмотря уже на развитие каждой из них, невозможно спрогнозировать даже наиболее осведомленным экспертам.

Прежде всего мы благодарны трем группам людей:

- Люди, согласившиеся дать интервью (список лиц приведен в Приложении А), которые великодушно уделили нам время и поделились своим опытом.
- Рабочая группа, которая спроектировала и осуществляла контроль над составлением отчета, а также помогла сформировать финальную версию: Бенджамин Беллеги, Памела Рибейро и Муриэль Ассераф (WINGS); Ларри МакГилл и Лорен Брэдфорд (Центр Помощи, США); Бэрри Найт (CENTRIS, Великобритания). Также мы выражаем благодарность Джулии Катани, которая организовывала интервью и занималась разрешением текущих вопросов.
- Наконец, многочисленные участники трех региональных рабочих групп, чьи имена представлены в приложении В, которые также внесли свой вклад в составление данного отчета. Даже если высказанные ими взгляды не находят прямого отображения в отчете, они сформировали многие идеи, которые здесь присутствуют.

Предисловие

Одними из стратегических задач WINGS, которые также включены в данный отчет, являются развитие разнообразных форм благотворительности, идентификация трендов и культурных аспектов, влияющих на благотворительность в разных уголках света, освещение задач, которые все еще стоят на пути более эффективного и стабильного процесса осуществления благотворительности, и предложение путей для построения более взаимосвязанного и понятного поля для ведения деятельности.

Основываясь на информации, полученной из более чем 20 интервью с передовыми представителями и экспертами в сфере благотворительности, и от трех рабочих групп, в состав которых входили профессионалы и практикующие специалисты из организаций гражданского общества, фондов, инфраструктурных организаций и исследовательских центров, данный отчет включает в себя и продолжает работать над уже проведенными исследованиями, сделанными в рамках WINGS Global Institutional Philanthropy Report 2010, и представляет качественный обзор отрасли, основываясь на следующих 7 аспектах:

- Частное пожертвование;
- Пожертвования местных сообществ;
- Пожертвования со стороны общественных организаций;
- Различные виды использования средств, помимо грантов, выделяемых на благотворительность;
- Совместные проекты;
- Власть и гражданское общество в благотворительной сфере;
- Инфраструктурные организации.

В условиях растущего числа задач, как внутренних, так и внешних, контролируемых, так и не поддающихся управлению, данный отчет также задает некие векторы дальнейшего развития. В частности, в рамках данного отчета показано, как технологии могут стать мощным инструментом в руках НКО, как организации гражданского общества должны защищать себя от тенденции к сокращению поля для их деятельности, каким образом инфраструктурные организации могут и должны переосмыслить круг своих задач и обязанностей, и как благотворительная отрасль в целом должна решать вопросы неравенства и распределения ресурсов.

Мы очень признательны всем тем, кто внес свой вклад в подготовку этого доклада. Мы надеемся, что это поможет выработать новый подход к роли и цели филантропии, в котором ведущую роль играет и будет играть WINGS.

Мария Черток
CAF Russia
Председатель правления WINGS

Барбара Ибрагим
Американский Университет в Каире
Глава Программного Комитета WINGS

Бенджамин Беллеги
Исполнительный директор WINGS

Краткое содержание

Данный отчет пытается раскрыть всю суть благотворительной индустрии и представить всеобъемлющую и провокационную картину текущих тенденций и задач, которые наблюдаются во всем мире – от форм частного пожертвования до форм общественного пожертвования и структурированных форм благотворительности со стороны организаций. Также затрагиваются некоторые вопросы и проблемы, являющиеся основными и наиболее важными для развития филантропии – от воздействия новых технологий и сокращения поля для деятельности организаций гражданского общества до изменений в отношении властей к благотворительной отрасли и тенденций в этой сфере, а также меняющейся роли и формы благотворительности. Кроме того, в этом отчете проиллюстрировано, что доминирующие североамериканские и европейские модели, на которые, как правило, ссылаются, принимают, ассимилируют или же отвергают другие представители отрасли, на самом деле являются лишь частью общей картины. В данном отчете отображены мысли и высказывания наиболее профессиональных и выдающихся экспертов благотворительной отрасли, и на основании их суждений можно сделать вывод о том, насколько сложной и разносторонней является эта сфера.

БОЛЕЕ ПОЛНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Частные пожертвования

Практически повсеместно объем пожертвований увеличивается, как со стороны богатых, так и со стороны менее обеспеченных слоев населения. Объем частных пожертвований практически везде превышает объем пожертвований со стороны организаций, несмотря на то, что большую их часть невозможно отследить.

В основном пожертвования от частных лиц не претерпевают изменений в плане формы и адресатов, а объем благотворительности в пользу церкви остается существенным даже в светских государствах. Объем пожертвований в пользу НКО не настолько высок, в силу недоверия людей к этим учреждениям.

Набирают силы и новые виды пожертвований, связанные с развитием технологий – онлайн-пожертвования, посредством СМС и краудфандинг. Тем не менее, доля таких видов пожертвований не всегда невелика. Несмотря на то, что онлайн-пожертвования зачастую являются спонтанной реакцией на произошедшие катастрофы, это направление имеет возможность сплотить людей и оказать взаимную поддержку.

Пожертвования со стороны обеспеченных слоев населения все в большей степени подвергаются влиянию молодого поколения, которое больше стремится к нетрадиционным видам благотворительности. Объем пожертвований со стороны обеспеченных слоев населения мог бы возрасти, если бы доноры больше говорили об их деятельности. Однако, кое-где СМИ и общественность настроены враждебно, и это не стимулирует обеспеченных людей совершать больше пожертвований.

Пожертвования со стороны организаций

В целом, количество фондов растет, особенно это можно наблюдать в Европе и в некоторых странах глобального Юга. Два ключевых фактора, которые этому способствуют – это растущий уровень благосостояния и заинтересованность властей в развитии благотворительной отрасли, поскольку она помогает взять на себя часть бюджетных расходов. В то же время существует и другой тренд – обеспеченные слои населения совершают пожертвования в обход традиционных благотворительных фондов.

Несмотря на то, что в теории фонды имеют возможность принимать на себя некоторые риски, на практике большинство из них консервативны, и осуществляют благотворительную деятельность в таких «безопасных» отраслях, как образование, здравоохранение и социальное обеспечение. Сравнительно немногие фонды изъявляют желание оказывать поддержку в вопросах, связанных с социальной справедливостью. Корпоративные фонды более склонны к риску, нежели частные. Как правило, это обусловлено тем, что корпоративные фонды больше руководствуются тем, что от них ожидает общественность, нежели тем, что действительно необходимо благополучателям. В целом, можно сказать, что такого рода фонды заявляют общественности о проведении более консервативной политики, чем это есть на самом деле.

Несмотря на то, что целевое пожертвование постепенно набирает обороты, лишь небольшое количество фондов уже работает по этому направлению, за исключением англоговорящего мира, где количество таких фондов выше. Активными темпами идет и стратегическое развитие филантропии, хотя некоторые считают, что это направление потенциально может оказать негативное влияние.

Все четыре ключевых аспекта в работе фондов – инновации, заполнение пробелов в работе, поддержка гражданского общества и планирование долгосрочной работы – все это в какой-то степени зависит от желания фондов принимать на себя риски.

Филантропия местных сообществ

Общественные фонды повсеместно распространены, и они уже адоптировались к местным требованиям и условиям. Такие фонды рассредоточены крайне неравномерно. Их задачи также сильно разнятся – от создания местных сообществ до оказания донорской помощи. Кроме того, зачастую местные сообщества неформально оказывают благотворительную помощь.

Помимо грантов: различные пути использования средств, выделяемых на благотворительность

Фонды все чаще ищут новые пути использования своих средств. Как правило, фонды направляют их на венчурные проекты благотворительности, целевое социальное инвестирование, социально ответственное инвестирование, а также прибегают к нематериальным формам помощи, таким как предоставление экспертных консультаций, использование своего репутационного и организационного потенциала. Не стоит излишне преувеличивать значимость этих тенденций. К примеру, несмотря на то, что многие организации планируют работать по такому направлению, как социально ответственное инвестирование, оно все еще не столь широко развито. Вместе с тем наблюдается рост социального предпринимательства, и это направление считается высоко приоритетным во многих странах мира.

Все чаще наблюдается размывание границ между коммерческим и некоммерческим сектором. Становится все более заметно, что социальные организации отличаются своей гибридностью – организации с разной юридически-правовой формой адоптируются к различному спектру средств для осуществления своей деятельности. Следовательно, термины «благотворительность» и «благотворители» включают в себя все больше понятий и участников. Такая тенденция потенциально может помочь в решении нарастающего числа взаимосвязанных проблем.

Сотрудничество

Сотрудничество, как между участниками благотворительной отрасли, так и с представителями других отраслей, все больше воспринимается как средство максимизации эффекта от проведения благотворительной деятельности. Несмотря на это, такой подход все еще недостаточно широко распространен. Сдерживающими факторами являются приверженность к независимости фондов, большое количество времени, которое требуется для достижения успеха и недостаток человеческих ресурсов в благотворительных организациях. Сотрудничество между властями и представителями благотворительной отрасли затрудняется ввиду непонимания мотивов другой стороны и незнания того, что именно стороны могут предложить друг другу.

Принцип сотрудничества четко отражен в документе «Цели для Устойчивого Развития», однако на настоящий момент мы видим, что благотворительная отрасль скорее на словах поддерживает эту инициативу, а не на деле. В то время, как ЦУР предлагает организациям объединить свои усилия для совместного развития, многие фонды неоднозначно относятся к такой инициативе. В некоторых случаях фонды ждут четких указаний от властей или от представителей своей отрасли следовать политике ЦУР в рамках национальной стратегии.

Благотворительность, власть и гражданское общество

Власти стремятся поддерживать гражданское общество и благотворительную отрасль в тех случаях, когда они работают по направлениям, интересным для государства. Однако, власти все в большей степени предпринимают шаги по ограничению НКО, когда их деятельность затрагивает более политически чувствительные отрасли. Эти ограничения проявляются как в форме официальных запретов, так и неофициальных притеснений. Все это влияет на благотворительную отрасль, поскольку те НКО, деятельность которых государство не одобряет, не получают должной поддержки.

На НКО оказывается все больше давления и по другим направлениям. Одними из факторов воздействия являются невозможность заменить зарубежные источники бюджетирования внутренними, несоответствие современным требованиям в области благотворительности, прямая реализация программ действующими фондами и конкуренция со стороны социального предпринимательства за получение поддержки и бюджетирования.

Некоторые страны освобождают от уплаты налогов либо доноров, либо организации-благополучателей, или же и тех, и других. Несмотря на то, что широко распространено мнение о том, что налоговые льготы не являются основным мотивом для частных доноров, в таких странах частные лица могли бы выделять больше денег на пожертвования.

Инфраструктурные организации

Крайне неравномерно распространены благотворительные инфраструктурные организации – 80% средств, направляемых на инфраструктуру, сосредоточены в Северной Америке. Зачастую, инфраструктурных организаций не хватает как раз в тех странах, где благотворительный сектор только зарождается, и где они наиболее востребованы.

Спектр ключевых задач инфраструктурных организаций включает в себя правозащитную деятельность, проведение исследований, сбор информации, обмен передовым опытом, проведение обучающих мероприятий, отстаивание каких-либо точек зрения. Они также могут привносить новые идеи, поднимать на повестку дня сложные вопросы, содействовать сотрудничеству. Эти организации сталкиваются со сложной задачей – представляя благотворительный сектор, они должны лишь транслировать насущные вопросы, но не формировать повестку дня. Большой проблемой является отсутствие достоверных данных в секторе благотворительности.

Существует реальная проблема, будет ли жизнеспособной «бизнес-модель», которую используют многие инфраструктурные организации – предоставление технических или информационных услуг в обмен на ежегодный членский взнос – особенно в условиях того, что требования потребителей этих услуг растут. Основная задача для инфраструктурных организаций – продемонстрировать их ценность для сектора.

1

Введение

В этой главе рассматривается термин «филантропия», который имеет различные значения и оттенки в разных частях света. Этот термин находит отражение в «западных» идеях, часто противоречащих местным традициям в сфере благотворительности. Он также иллюстрирует некоторые внешние проблемы, с которыми сталкиваются благотворительные, инфраструктурные организации и человеческая раса в целом.

ЗНАЧЕНИЕ ФИЛАНТРОПИИ

Большая часть терминов в сфере благотворительности заимствована от англосаксов, вне зависимости от того, насколько эти термины соответствуют другим языкам. Существует некоторая неоднозначность в определении самого понятия благотворительности даже тогда, когда кажется, что дополнительных разъяснений не требуется. Когда необходим перевод какого-либо слова или понятия, эта неоднозначность еще более ярко выражена.

Помимо того, как этот термин переводится в разных странах мира, в прямом и переносном смысле, возможно, что оттенок значения термина «филантропия» серьезно изменится даже в странах глобального Севера и что это изменение случится уже при следующем поколении. В начале этого года Хилари Пирсон, представляющая благотворительные фонды Канады, и Жан-Марк Фонтан из Квебекского университета в Монреале писали о том, что они допускают, что «благотворительность больше не относится только лишь к совершению пожертвований. Речь идет об оказании воздействия на сложные проблемы, с которыми столкнется следующее поколение».

Как широко оно используется?

«Термин филантропия в основном ассоциируется с благотворительностью, и в целом несет негативный подтекст» – говорит Андре Дегенжан из Института Ибирапитанга, бывший генеральный секретарь GIFE. Это происходит отчасти из-за прошлых коррупционных скандалов с участием благотворительных учреждений, в результате которых в общественном сознании термин благотворительность стал означать «сочетание низкой эффективности и недоверия. В общем, это не тот термин, с которым люди себя идентифицируют». По этой причине термин частные социальные инвестиции обычно является более предпочтительным. Он отмечает еще одну причину для этого: в Бразилии филантропия тесно связана с корпоративным сектором, и «язык инвестиций и прибыли ближе к мышлению людей, представляющих такие учреждения».

Интересно отметить, что в отчете по ряду латиноамериканских стран[1] участники из Бразилии и Аргентины используют термин частные социальные инвестиции и подчеркивают его транзакционный характер.

Организация GIFE в Бразилии считает, что это благотворительный перевод частных пожертвований в пользу социальных, экологических и культурных проектов, представляющих общественный интерес, и который осуществляется контролируемым и систематическим образом. Для организации GDFE в Аргентине это «ответственное, дальновидное и стратегическое использование частных ресурсов, при этом ожидаемый результат – это благосостояние сообщества и долгосрочное развитие». В Мексике люди используют термин благотворительность и подчеркивают его эмоциональную и моральную стороны: «Это выражение щедрого порыва».

Янни Пенг из фонда Нарада считает, что в Китае термин филантропия практически не используется за рамками благотворительного сектора. В законе о благотворительности, принятом в 2016 году, используется термин, который буквально переводится как благотворительность, но есть еще один китайский термин, который означает общественное благо.

В то время, как в странах арабского мира широко распространена практика пожертвований, а также совершаются крупномасштабные пожертвования, благодаря системе Вакуфов, термин «благотворительность» используется в основном людьми, которые подвергаются воздействию Запада, говорит Аталлах Куттаб из организации SAANED.

По словам Басака Эрсена, филантропия в Турции в основном понимается как благотворительность и обычно несет традиционный и религиозный подтекст. Согласно недавнему исследованию, проведенному TUSEV[2], большинство турецкого населения считает филантропию какой-либо формой помощи отдельным лицам: 40% считают, что это «помощь бедным и нуждающимся», а 28,5% описывают это как «помогать другим, делать добро». Интересно, что в то время, как многие считают именно конкретные действия проявлением благотворительности – предоставление стипендий, строительство школ и т.д. – они не рассматривают «образование» в целом, как категорию благотворительной деятельности. Эта тенденция меняется, но, как и везде, более «западное» понимание этого термина, в основном, присуще профессионалам в области благотворительности.

> “Благотворительность больше не относится только лишь к совершению пожертвований. Речь идет об оказании воздействия на сложные проблемы, с которыми столкнется следующее поколение”

«Филантропия» и местные традиции пожертвований в Африке

Халима Магомед, независимый консультант в сфере благотворительности, отмечает, что в Южной Африке слово «филантропия», в основном, используется только профессионалами. Но даже в этом случае, он несет оттенок патернализма, поэтому «мы пытались изменить эту терминологию и донести до людей то», что «если вы собираетесь использовать термин филантропия, вы должны четко понимать, что вы имеете ввиду». Филантропия – это не просто, когда богатые учреждения совершают пожертвования бедным людям; это происходит каждый день среди обычных людей, и они просто не называют это филантропией: «Люди называют это благотворительностью, они называют это помощью. Они используют пожертвования, а также местные термины, такие как Ubuntu, или специальные термины, такие как Stokvels[3]. Они используют то, что знают и с чем знакомы».

Один из участников семинара в Йоханнесбурге разделяет эту точку зрения: все еще существует разница между тем, что институциональные доноры называют благотворительностью, местными традициями совершения пожертвований и другими формами поддержки. Эту разницу в трактовках еще предстоит успешно преодолеть, несмотря на то, что о ней всем уже давно известно. Наблюдатели говорят о важности традиционных форм благотворительности, но нечасто получается их классифицировать, найти способы их развития и направить их в общепринятое русло благотворительности, несмотря на плодотворную работу Сьюзен Уилкинсон-Мапоса и других экспертов по «горизонтальной филантропии».

Магомед видит «возможность для инноваций в сфере частных пожертвований, но мы должны подумать о том, как поддержать это направление, не разрушая его. Существует некая напряженность, вызванная противоречием между терминами благотворительность и филантропия. Причиной служит трактовка, используемая в странах глобального Севера, где благотворительность вызывает негативные ассоциации, а филантропия – положительные. Прогрессивные учреждения начинают задумываться о том, как улучшать жизни людей в целом. Гендерное насилие, патриархат, экономика и система труда пересекаются друг с другом, и невозможно решать только одну из этих задач по отдельности. Кроме того, нельзя игнорировать то, что происходит с людьми прямо здесь и сейчас, фокусируя все внимание только на долгосрочной перспективе». Она считает, что этой проблеме уделяется недостаточно внимания.

На самом деле, использование термина «филантропия» часто подчеркивает разницу между рациональными, неэмоциональными профессиональными терминами, относящимися к пожертвованию и более спонтанной, милосердной реакцией к тем, кто нуждается, которая может быть выражена либо в денежной форме пожертвованичя, либо другими проявлениями щедрости.

Власть и филантропия

Дженни Ходжсон из Международного фонда фондов местных сообществ считает этот вопрос ключевым для данного отчета и для WINGS. Слово «филантропия» вызывает слишком много разногласий. У этого термина так много интерпретаций понятий власти, неравенства и привилегии. Как правило, существует взаимное чувство недоверия между филантропией и гражданским обществом, потому что «люди, которые создают фонды, ранее работали именно в тех учреждениях, которые являются причиной появления проблем. Так что если мы говорим о том, что благотворительность является частным ресурсом для общественного блага, добровольного пожертвования, сопереживания и т. д., нам нужно задать себе вопрос – для чего?».

Таким образом, утверждают ли прогрессивные представители благотворительной сферы, что данный термин «идет от народных масс», или они находятся в нескончаемом поиске более подходящего термина? Она говорит, что в Африке «распространено следующее суждение: «люди всегда совершали пожертвования, в мире не существует континента, который бы лучше понимал, как у нас совершаются пожертвования и проявляется солидарность между людьми, это в нашей ДНК и т.д.», Но когда дело касается того, как организуются конференции, кто на них выступает – все это люди, которые сделали деньги в бизнесе, и все это не имеет ничего общего с вышеприведенным суждением. Эти вещи не обязательно должны быть несовместимы между собой, но в этом случае они не имеют ничего общего – африканское суждение имеет ввиду одно, а на деле все происходит по-другому.

ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ ФИЛАНТРОПИИ

Респондентов в рамках данного исследования спросили, в чем они видят основные внешние задачи, над которыми должны будут в ближайшее время работать благотворительный сектор в целом и благотворительные инфраструктурные организации. Эта часть основана на их ответах. Это проблемы, с которыми все мы сталкиваемся, в зависимости от того, в какой части света мы живем. Как отмечает Кэрол Мак из Ассоциации благотворительных фондов, проблемы благотворительности – это проблемы, стоящие перед обществом.

Изменение климата и неравенство

Две наиболее очевидные и наиболее важные проблемы являются глобальными и были упомянуты всеми опрошенными: изменение климата и растущее неравенство. Последствия обеих этих проблем огромны, и они имеют непосредственное отношение ко многим более локальным вопросам, о которых говорили респонденты.

Конфликты и миграция

Конфликты и миграция представляют собой серьезную проблему для филантропии. «У нас сейчас больше беженцев, чем когда-либо со времен Второй мировой войны», - отмечает Барри Габерман из Oxfam America. Он предполагает, что одним из краеугольных камней по поводу того, как разрешаются конфликты, проблемы внутренней миграции, и какие шаги по этому поводу предпринимаются со стороны благотворительной отрасли, является Колумбия. «Эта ситуация и другие подобные ей демонстрируют все, что мы узнали о Комиссиях по установлению истины и примирения».

Аталлах Куттаб согласен с тем, что вопрос беженцев крайне важен, но в его основе часто заложен вопрос выживания самих стран арабского региона. «Весь регион фрагментирован. Мы теряем те учреждения, которые связывают различные сообщества. Ситуация в странах Персидского залива, которые считались одними из самых стабильных в арабском регионе, стала нестабильна с того момента, как Саудовская Аравия начала войну в Йемене, и в последнее время разразился конфликт между Бахрейном, Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Катаром».

Джерри Салоле из Европейского центра Филантропии рассматривает миграцию как общеевропейскую задачу. «Как заставить людей понять, что миграция не прекратится? Как сделать так, чтобы людям было проще интегрироваться? Если мы не сможем ответить на эти вопросы, у нас будет много проблем».

Хилари Пирсон заостряет внимание на проблеме примирения с коренными общинами Канады. Они формируют быстро растущий сегмент населения, где непропорционально скопились социальные проблемы. Сейчас настал решающий момент для решения этого вопроса. Только недавно была образована комиссия по установлению истины и примирения и избрано правительство, стремящееся прийти к примирению.

Безработица

Благодаря развитию форм углубленного обучения и других форм искусственного интеллекта, работа, выполняемая в настоящее время высококвалифицированными профессионалами, может быть автоматизирована. Автоматизация труда и аутсорсинг уже оказывают влияние – количество рабочих мест сокращается, и, вероятно, эта тенденция будет усиливаться в будущем. В Испании безработица – это большая проблема, говорит Роза Гальехо из Испанской Ассоциации Фондов (Asociacion Espanola de Fundaciones), «которая тесно связана с неравенством». Существует большая коалиция фондов, государственных учреждений и других организаций, которые ищут возможности трудоустройства обездоленных людей, и выясняют, почему существующие механизмы трудоустройства людей неэффективны и как благотворительность может помочь в решении этой проблемы. Она видит возможность для Asociación Española de Fundaciónes (AEF), «протянуть руку и привлечь другие заинтересованные стороны, однако мы все еще далеки от этой цели».

Радикализм и отсутствие толерантности

Как считает Лоуренс Лиен из Lien Foundation и Asia Philanthropy Circle, в Юго-Восточной Азии безработица играет ключевую роль в вопросе распространения радикализма и, в частности, консервативных религиозных форм, порождающих нетерпимость. «Одним из элементов этого является жестокий экстремизм. Чем больше распространяется радикализм, тем больше вероятность того, что будут проявления жестокого экстремизма, и ряд членов Asia Philanthropy Circle действительно обеспокоены этим».

Он говорит, что реакция представителей филантропии должна быть: «плыть по течению и следить за тем, чтобы в общинах не было лишений», поскольку чувство лишения является причиной возрастания радикализма. «Если вы чувствуете, что ваш уровень жизни должен достигать определенной планки, а на деле она намного ниже, вы начинаете злиться. Весомый вклад вносит система образования. Выпускники оказываются не готовы к работе. Безработица среди молодежи огромна во многих странах нашего региона, в некоторых случаях она приближается к 20%, этот показатель намного выше, чем всемирный уровень безработицы. Если молодые люди голодны и находятся без работы, в будущем это приведет к катастрофе».

Режим жесткой экономии, децентрализация и Brexit

Кэрол Мак считает, что режим жесткой экономии, децентрализация, Brexit и технологическая революция являются одними из самых значимых трендов в Великобритании, на которые фонды неизбежно должны будут реагировать. «В Великобритании есть четыре региона с различными администрациями, и в Англии наблюдается повышенная децентрализация государственного бюджета и политической власти. Это представляет проблему для фондов, т.к. они хотят повлиять на проводимую политику, но не понимают, к кому именно обращаться». Возможно, если действовать более локально, эта тенденция может предоставить новые возможности, отмечает она. Она говорит, что «благодаря локальному подходу легче достичь каких-то изменений, но британским фондам достаточно сложно это осмыслить».

Среднее образование и переизбыток населения

Самой большой проблемой для Пакистана является демография, за ней проблема среднего образования. По словам Шазиа Амджад из пакистанского центра благотворительности, в стране «наблюдается огромный рост населения в возрасте от 18 до 35 лет». Опасность заключается в том, что это приведет к большему неравенству. Учитывая ограниченные возможности государства, филантропия должна принять участие в решении этой задачи.

По словам Нармина Адиля, другой важной проблемой для Пакистана является среднее образование. Правительство фокусируется на начальном образовании, а филантропия, в свою очередь, могла бы внести свой вклад в развитие среднего образования. Важной отправной точкой могла бы стать модель межсекторального партнерства в области образования в Пенджабе.

2

Частное пожертвование

Объемы частного пожертвования растут почти во всем мире. В начале главы мы рассматриваем пожертвования со стороны людей среднего класса и такие новые формы, как онлайн-пожертвования и краудфандинг, посредством которых, вероятно, в будущем будет направляться большой объем пожертвований. Затем мы переходим к рассмотрению вопроса о пожертвованиях со стороны состоятельных лиц и, наконец, говорим о денежных переводах и пожертвованиях от диаспор.

Частное пожертвование, как со стороны обеспеченных, так и со стороны менее обеспеченных слоев населения, занимает все большую долю от всего мирового объема благотворительности. Для этого есть несколько причин. Первая и самая очевидная – объем частных пожертвований. С точки зрения выделенных средств, их объем почти повсеместно больше, чем объем институциональных пожертвований (Китай является одним из нескольких исключений из этого правила), хотя большая часть частных пожертвований не поддается учету. Во-вторых, поскольку на другие источники финансирования для НКО оказывается давление, частные пожертвования рассматриваются в качестве потенциального альтернативного средства оказания поддержки. В-третьих, появление новых, более прямых форм коммуникаций и пожертвований означает, что люди могут быстро оказать поддержку или даже инициировать сбор средств и, таким образом, иметь более непосредственное влияние на вопросы политики и развития. В-четвертых, завоевывает популярность более целостный взгляд на филантропию, в рамках которого пожертвования не рассматриваются просто как инструмент предоставления ресурсов, а как способ укрепления доверия и чувства наличия общей цели среди групп и общин. По крайней мере двое из респондентов упоминают о важности изучения и стимулирования традиционных форм пожертвований в качестве способа развития этого направления.

> Главная задача заключается в том, как в целом простимулировать сектор частного пожертвования, а не отдельные его элементы, для того, чтобы добиться устойчивого развития”

ПОЖЕРТВОВАНИЯ СО СТОРОНЫ ЧАСТНЫХ ЛИЦ

Практически повсеместно хорошо укоренилась привычка делать пожертвования. По большому счету, она остается традиционной по форме и часто имеет религиозную основу. Одна из основных проблем, связанных с рассмотрением этого вида пожертвований, заключается в том, что оценить их объем возможно только на основе «наиболее близких предположений». Как говорит Халима Магомед о Южной Африке, «религия является очень большим мотиватором совершения пожертвований, и их объем вообще невозможно измерить. Он не задекларирован в налоговых документах, но он огромен. В то же время, много людей делают пожертвования напрямую – тому, кто беден, тому, кто нуждается в помощи. Все это является большим пробелом в попытках оценить масштаб таких пожертвований».

Религиозные пожертвования

«У нас сильные традиции религиозных пожертвований во всех основных религиях. Вероятно, даже самый бедный индиец кладет немного денег в ящик храма и делает ежегодные взносы в Индийский Фонд Закята (Zakat Foundation Of India) и так далее», – говорит Ингрид Шринат из Университета Ашоки. Большая часть пожертвований приходится на арабский регион, говорит Аталлах Куттаб. Он говорит, что «главная задача заключается в том, как в целом простимулировать сектор частного пожертвования, а не отдельные его элементы для того, чтобы достичь устойчивого развития. Сейчас это больше похоже на обычную раздачу средств».

Даже в светских странах Западной Европы объем религиозных пожертвований по-прежнему занимает значительную долю. В Нидерландах, например, объем религиозных пожертвований составляет 40% от объема всех частных пожертвований.[4] В Канаде, по подсчетам Хилари Пирсон, около 50% пожертвований идут на церкви, мечети и в другие религиозные организации. Но она напоминает, что религиозные пожертвования носят слишком массовый характер, чтобы точно оценить их объем. «В конечном счете эти деньги могут идти транзитом через церкви на социальные услуги, на помощь бедным, на международное развитие. Все это говорит о том, что религиозные учреждения по-прежнему являются очень привлекательными посредниками для частных благотворителей».

Халима Магомед также отмечает то, что у благотворительного сектора нет определенных характеристик. Гуманитарная организация в Южной Африке может быть создана мусульманином, и хотя «люди могут делать в ее пользу пожертвование исходя из религиозных побуждений, она не является религиозным учреждением. Существует Национальный фонд «закята» (исламский благотворительный налог). Многие мусульмане отдают свой ежегодный «закят» фонду, который затем распределяет его».

Какие направления наиболее распространены?

Многие факты говорят о том, что определенные направления пожертвований являются доминирующими практически повсеместно. По данным CAF UK, больше всего частных пожертвований в Великобритании в 2016 году было направлено на медицинские исследования. Аналогичная ситуация в Нидерландах, где наибольшее количество доноров делают пожертвования на здравоохранение, медицинские исследования и больницы. Тем не менее, как уже было замечено, самые большие суммы выделяются на религиозные пожертвования. Помимо религиозных пожертвований, говорит Шринаф, «гуманитарная помощь и пожертвования для общественных работ могли бы быть традиционными формами благотворительности, и они, вероятно, по-прежнему являются доминирующими формами частного пожертвования для Индии в целом».

Интересно, что в нескольких европейских странах картина совершенно иная. В Германии и Бельгии, например, международная и гуманитарная помощь была приоритетным направлением в 2013 году, составляя 74% от общего объема пожертвований в Германии и 61% пожертвований в Бельгии.[5]

Пожертвования в пользу организаций и частных лиц

Здесь выделяют две конкурирующие тенденции. В то время, как во многих странах проявляется явное нежелание совершать пожертвования в пользу организаций, в некоторых осознают необходимость их поддержки. Так, например, как говорит Нармин Адиль из Центра филантропии Пакистана (PCP), в то время как большая часть пожертвований в Пакистане совершается частными лицами в пользу частных же лиц, организации и доноры считают необходимым наращивать объем пожертвований

в пользу организаций. «Мы будем свидетелями того, как организации, будут пытаться использовать ресурсы, которые традиционно выделяются для частных лиц. Так, например, существуют организации, прилагающие сознательные усилия, чтобы получить деньги, направленные на «закят». И организации начинают осознавать, что существует возможность небольших регулярных пожертвований вместо того, чтобы искать возможность получать большие пожертвования».

Андре Дегеншайн отмечает «растущее ощущение того, что люди должны быть ближе к организациям, которым они доверяют, в работу которых они верят». Поскольку произошел рост экономики Бразилии, международное финансирование сократилось ввиду того, что доноры обращают свое внимание на другие страны (это общее явление в странах с развивающейся экономикой). «Форма поддержки со стороны правительства также изменилась, и предоставление грантов от благотворительных учреждений находится на более низком уровне, чем мы хотели бы видеть, поэтому люди начинают понимать, что в долгосрочной перспективе индивидуальные пожертвования могут служить надежным и устойчивым источником финансирования». Одна или две организации добились успеха в привлечении средств от частных лиц, но и здесь существуют определенные сложности. Во-первых, для того, чтобы это работало, требуются большие инвестиции, значительная инфраструктура и опыт. Во-вторых, бразильцы неохотно делают пожертвования бразильским НКО. По обеим этим причинам успешными организациями являются хорошо обеспеченные ресурсами международные организации. Поразительно, но самая большая группа получателей частных пожертвований в Турции – это уличные попрошайки. В исследовании TUSEV на 2016 год,[6] 88% респондентов сказали, что они предпочитают делать пожертвования напрямую нуждающимся. Басак Эрсен считает, что отчасти это связано с тем, что людям нравится видеть немедленные результаты. Только 12% сказали, что предпочитают совершать пожертвования через организацию.

Почему люди не доверяют НКО?

Зачастую нежелание поддерживать НКО основано на недоверии. Эрсен считает, что недоверие лежит в основе всех аспектов взаимоотношений между благотворительной отраслью, правительством, гражданским обществом и общественностью.

Исследование TUSEV отмечает общий недостаток доверия в турецком обществе. Только 1 из 10 респондентов сказал, что доверяет людям не из своей семьи или ближайшего окружения. Несмотря на это, люди будут делать пожертвования учреждениям, но только тем, в которых они уверены.

Ингрид Шринат отмечает, что, хотя существует «класс городских, западных, образованных людей, которые делают пожертвования организациям», объем таких пожертвований растет медленно, и это сильно зависит от самой организации. «Уровень доверия к НКО резко упал. В зависимости от того, с кем вы говорите, люди считают их либо неэффективными, либо неэффективными и коррумпированными, либо, в конце концов, неэффективными, коррумпированными и антигосударственными». В то время, как в Восточной Азии Сингапур является исключением, поскольку это хорошо регулируемый рынок, «во многих других странах существуют большие проблемы» – говорит Лоуренс Лиен. «Многим некрупным НКО очень трудно собирать пожертвования от людей, которые их не знают, поскольку люди в основном не доверяют НКО в плане того, куда будут направлены их пожертвования».

Это в большей степени дело самих людей, каким организациям доверять. «Зачастую, встает вопрос доверия к организациям», – говорит Халима Магомед. «Но что вы подразумеваете под организацией? Разве религиозное учреждение не является формой организации? Люди делают пожертвования тому, что знают, это может быть нечто формальное или неформальное, и все это имеет отношение к доверию». По ее мнению, люди избирательны в своих пожертвованиях, поскольку они доверяют некоторым организациям, а другим не доверяют. Возможно, нечто местное и неформальное больше привлекает людей, чем формальное и более отдаленное, физически или в перспективе. Исследование CAF Southern Africa[7], проведенное в провинции Гаутенг в Южной Африке, показало, что 84% опрошенных, которые отдают пожертвования организациям, делают это в пользу неформальных групп и только 16% - официальным НКО.

Другие причины, по которым НКО не желают поддерживать

Сомнение в честности НКО – не единственная причина того, почему люди не желают отдавать им свои пожертвования. Каролина Суарес из Ассоциации

> Одной из причин того, что НКО, особенно те, которые работают в спорных областях, повсеместно сталкиваются с трудностями, является нежелание со стороны частных лиц передавать пожертвования организациям”

Корпоративных Фондов (Associacion de Fundaciones Empresariales) считает, что «НКО должны быть более профессиональными, более бережливыми. Иногда они удивительно бюрократичны, что делает их накладные расходы высокими. Если я спрошу членов моей организации, почему они не работают с НКО, они ответят, что не хотят тратить много денег на покрытие их административных расходов.

Также, иногда происходит так, что работая через НКО, компания-донор остается анонимной. Но компании, как правило, хотят использовать благотворительные проекты в маркетинговых целях, и им необходимо, чтобы все знали об их участии».

В 1990-х годах бразильское гражданское общество часто было невидимым, хоть оно и сыграло решающую роль в установлении демократии в стране, считает Ана Валерия Араухо из бразильского Фонда по правам человека. По этой причине общественность по-прежнему не знает о важности НКО. НКО также не оказались способны сами себе помочь в этом отношении, поскольку они не предавали гласности свою деятельность.

Аталлах Куттаб отмечает, что позиции НКО в арабском регионе пошатнулись, т.к. они стремились угодить своим донорам, а не бенефициарам, вследствие чего их благополучатели не имеют с ними ничего общего. По его словам, по отношению к НКО в Египте принимаются все более строгие законы, но «мы не видим, чтобы люди выходили на улицы в их защиту, потому что, зачастую, они не считают НКО неотъемлемой частью своей жизни, люди видят в них подрядчиков или субподрядчиков фондов или правительств».

Одной из причин того, что НКО, особенно те, которые работают в спорных областях, повсеместно сталкиваются с трудностями, является нежелание со стороны частных лиц передавать пожертвования организациям. Мы продолжим эту дискуссию в главе 7, посвященной филантропии, правительству и гражданскому обществу.

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЖЕРТВОВАНИЙ

По мнению Хилари Пирсон, появление новых форм пожертвования в интернете, посредством краудфандинга, текстовых сообщений означает, что «модель благотворительности будет изменена до неузнаваемости. Мы не знаем, как именно она изменится, но сейчас она определенно переворачивается с ног на голову». Однако, новые формы пожертвований развиваются медленно, так что пройдет некоторое время, прежде чем нынешняя форма благотворительности будет окончательно изменена.

Онлайн-пожертвования

Мы видим, что объем онлайн-пожертвований, как и масштаб, в котором это направление развивается в разных странах, оценивается по-разному, но почти повсеместно наблюдается единое мнение по поводу того, что этот тренд, хоть его появление и ожидается в будущем, еще в полной мере не наступил. Эта тенденция быстро набирает обороты в Турции, отмечает Басак Эрсен, «потому что технология совершенствуется, и молодые люди, как правило, используют ее все более и более эффективно. Вероятно, через пять лет объем пожертвований в интернете удвоится или даже утроится, но на данный момент это, вероятно, лишь небольшая доля от всех пожертвований». На самом деле, согласно данным исследования TUSEV, только 1,9% населения Турции делают пожертвования в интернете и 7,5% - через мобильные приложения, в то время как к краудфандингу прибегает 1,3% населения.[8]

Халима Магомед считает, что для влияния на поведение людей обстоятельства будут так же важны, как и технологии. «Люди будут делать пожертвования на те вещи, о которых они осведомлены и исходя из тех потребностей, которые они видят вокруг себя. «Если вы живете в сельской местности, то, скорее всего, сделаете пожертвование напрямую человеку или общине. Учитывая, что тенденция делать пожертвования в интернете только зарождается, их объем увеличивается только в определенных городских районах». Она добавляет, что в Кении «взлетел объем пожертвований посредством мобильных телефонов, потому что технологические платформы намного проще. Сейчас мы видим нечто подобное, как, например, появление сервиса SMS сообщений для сбора пожертвований на то или иное благое дело».

В то время, как в Пакистане прямые формы пожертвований остаются приоритетными, Шазия Амджад отмечает, что «сейчас каждая организация обращает свой взор на такое направление, как пожертвования в интернете, и одна из вещей, над которой мы работаем – разработка онлайн портала, который будет объединять организации на одной площадке». Более крупные, более сложные в административном устройстве организации уже начинают работать по этому направлению. Например, Гражданский Фонд (Citizens Foundation) «обнаружил, что его объемы онлайн пожертвований за последние несколько лет многократно увеличились, потому что они инвестировали в направление сбора средств в интернете». В то же время, есть ряд препятствий, которые необходимо преодолеть. Один из них – это обычай: «люди не привыкли делать пожертвования в интернете». Кроме того, отмечает она, «не у всех есть доступ к онлайн-банкингу или им неудобно им пользоваться». Это может быть особенно актуально в сельских районах развивающихся стран.

В некоторых странах сегмент онлайн пожертвований получил дальнейшее развитие. Лоуренс Лиен видит, что в Сингапуре он быстро набирает обороты. Сайт Giving.sg уже собрал 2 миллиона SGD (около 1 484 000 долларов США) в 2008 году, за год до того, как Национальный центр добровольцев и филантропии поглотил его, а Лоуренс Лиен стал его генеральным директором. Сегодня этот показатель вырос до 20 миллионов SGD (14 840 000 долларов США). В США семейная школа филантропии Лилли в рамках своего исследования, проведенного в 2017-18г, отмечает, что «объемы пожертвований высшим учебным заведениям и частным школам были особенно высоки в онлайне».

В рамках исследования, проведенного в 2015 году CAF India и Ethica, предполагается, что через два года 20% от всех пожертвований в Индии будут сделаны в интернете, а через 10 лет – 50%.[9] Ингрид Шринат отмечает, что объем онлайн-пожертвований и пожертвований, сделанных без использования интернета, как правило, продолжает расти в Индии просто из-за роста благосостояния людей и приходящего осознания того, что нужно совершать акты благотворительности.

Исключение составляет Китай, где частные пожертвования, вероятно, составляют наименьшую долю от всех пожертвований. Тем не менее, его объем резко возрос за последние два или три года благодаря онлайн-пожертвованиям, говорит Янни Пэн. Основными причинами такого роста стали Фонд Алибаба и WeChat, мобильное приложение для социальных сетей, разработанное TenCent, которое используют более 900 миллионов человек. В сентябре 2015 года TenCent инициировал День пожертвований, и эта же акция в следующем году привлекла 100 миллионов юаней (15 миллионов долларов США) в течение трех дней, из которых 6 миллионов юаней (911000 долларов США) были переведены онлайн.

Барри Габерман, член правления Oxfam America, видит, что все больше частных пожертвований в пользу его организации делается в интернете. Более того, «это целая группа новых людей, демографически более молодое поколение. Я никогда не сделаю пожертвование в интернете. Мои дети, я полагаю, часть пожертвований делают в интернете. Мои внуки, вероятно, будут делать пожертвования только онлайн».

Краудфандинг

Краудфандинг по социальным причинам, в общем, находится в том же положении, что и сектор пожертвований в интернете. Андре Дегенжен считает, что объем средств, направляемых на краудфандинг, «не столь значителен», но, говорит он, - «краудфандинг начинает играть очень важную роль, потому что он внезапно дал людям возможность собирать деньги с других людей на какие-либо цели, а раньше такой возможности не было».

Аталлах Куттаб считает, что в арабском регионе краудфандинг недостаточно развит, хотя к этой сфере проявляется повышенный интерес. Основным препятствием является то, что «очень сложно создать платформы для сбора денег». Он описывает процесс помощи в создании краудфандинговой платформы для помощи беженцам в регионе. «Ливан был единственным местом, где мы могли это сделать, и площадка для сбора средств JustGiving в Лондоне будет собирать средства только на помощь в Ливане».

Совершение пожертвований посредством СМС

Согласно отчету CAF Russia за 2017 год, совершение пожертвований посредством СМС сообщений стало самым популярным способом благотворительности среди россиян (40% сказали, что они совершили пожертвования таким образом в предыдущем году), а такой способ, как пожертвования в интернете, оказался несколько менее популярным.

> Пожертвования в интернете и краудфандинг сделали процесс более демократичным. Удобство новых форм совершения пожертвований создает возможность для людей участвовать в благотворительности и чувствовать, как исполняется их воля без какого-либо реального участия в этом процессе”

Преимущества и недостатки онлайн-пожертвований

Существует мнение, что пожертвования в интернете и краудфандинг сделали процесс более демократичным. Это мнение было высказано на семинаре в Йоханнесбурге, и Дэнни Срискандараджах также разделяет эту позицию.

Однако, несмотря на огромный потенциал этих новых форм пожертвований, не следует относиться к ним со слишком большим энтузиазмом. Халима Магомед чувствует, что удобство новых форм пожертвований создает возможность для людей участвовать в благотворительности и чувствовать, как исполняется их воля без какого-либо реального участия в этом процессе.

Пожертвования в интернете, особенно краудфандинг, часто являются результатом спонтанного всплеска чувств сострадания или жалости, а не осмысленного участия. Эти направления популярны в Сингапуре, говорит Лоуренс Лиен, когда происходят катастрофы, особенно когда это напрямую касается какого-либо человека. Человек склонен делать пожертвования «тем, чьи трагичные истории освещаются в СМИ. По остальным поводам не удается собрать существенные суммы посредством краудфандинга».

Барри Габерман поднимает вопрос об оплате накладных расходов, которые вряд ли будут финансироваться за счет онлайн-пожертвований, особенно краудфандинга. Он видит в этом «моральный аспект. Вы не можете сделать так, чтобы учреждение, которому вы пожертвовали средства в первую очередь на поддержку его благотворительных программ, использовало их точно по назначению, потому что вы не желаете оплачивать его накладные расходы. Вы должны заплатить за доставку».

Хилари Пирсон также упоминает об опасности того, что основные потоки финансирования будут сокращаться из-за давления таких организаций, как United Way, «являющиеся посредническими учреждениями, которые дают деньги небольшим благотворительным организациям. Я уверена, что эта тенденция также наблюдается в США и, возможно, в некоторых странах Европы», – добавляет она.

«Поскольку сейчас люди делают пожертвования без посредников, а по телефону или через интернет, такие организации, как United Way, которые были очень важны для покрытия основных расходов небольших благотворительных организаций, больше не в состоянии это делать».

Измерение солидарности

И Дэнни Срискандараджах, и Башак Эрсен просят обратить внимание на тот факт, что помимо того, что новые формы пожертвования аккумулируют больше средств в благотворительной сфере, они также несут в себе нечто очень важное. «Когда мы говорим о пожертвованиях в интернете, краудфандинге и т. д., мы говорим о чем-то другом. Речь идет не о классе состоятельных людей (HNWI) или крупных фондах, а о людях, поддерживающих друг друга, и эта поддержка проявляется какой-то финансовой транзакцией». Это изменение потенциально может стать радикальным. В некотором смысле, появление новых форм пожертвования несет в себе не создание новой базы для благотворительности, а скорее возрождение гораздо более старой идеи солидарности и взаимопомощи с учетом новых технологических аспектов.

В Турции, несмотря на то, что «в особенности среди молодого поколения растет осознание того, что важно выделять больше средств на благотворительность», говорит Эрсен, в турецком обществе, в результате повсеместной атмосферы недоверия, «молодые люди не любят объединяться в рамках традиционных ассоциаций, фондов, и даже политических партий. Они скорее объединятся на таких мероприятиях, как благотворительные забеги, и я думаю, что это новый способ объединить людей». Он рассматривает такую форму свободного объединения «в качестве нового направления политики в Турции, и это направление сильно развивается. Если вы не можете делать что-то на законных основаниях, и вы не хотите нарушать закон, вы должны найти какие-то другие способы».

ПОЖЕРТВОВАНИЯ СО СТОРОНЫ ОБЕСПЕЧЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ (HNWIS)

Пожертвования от обеспеченных людей составляют значительную долю от числа всех частных пожертвований, хотя зачастую они создают фонды для того, чтобы институционализировать этот процесс. В Пакистане, например, крупные доноры «установили стандарт для оказания медицинских услуг», говорит Шазия Амджад. Бизнес-школа Университета Управления Лахор, университет Хабиб и больница Индус финансируются кругом обеспеченных лиц. Зачастую есть и другие источники поступлений, но первоначальный капитал исходит от класса обеспеченных людей.

Существует не так много статистики, но в таких отчетах, как the Coutts Million Dollar Donor Report, the BNP Paribas Individual Philanthropy Index и the Major Giving Index, составленных организацией Wealth-X, содержатся необходимые показатели. Отчет Coutts за 2015 год отмечает, что в трех регионах – США, Великобритания и Ближний Восток, было сделано 2,197 пожертвований в размере не менее одного миллиона долларов (или эквивалентно в местной валюте) на общую сумму 56 миллиардов долларов. Восемьдесят пять процентов этой суммы, говорится в докладе, было переведено частными лицами.

Индекс частной благотворительности BNP Paribas за 2016 год включает в себя доноров, которые пожертвовали активы на сумму более 5 миллионов долларов США. Неудивительно, что индекс, разработанный по четырем параметрам, включая текущий и прогнозируемый объем средств, выделяемых на благотворительность и инновации, ставит США на первое место в целом и по всем параметрам в частности, за ними следуют Европа, Азия и Ближний Восток.

В целом, в соответствии с тенденциями по другим направлениям благотворительности, объем пожертвований от обеспеченных и очень богатых людей идет по восходящей линии после того, как наблюдалось падение во время кризиса с 2008 по 2011 год. Согласно Major Giving Index, количество людей, которые на протяжении своей жизни пожертвовали по меньшей мере 1 миллион долларов на благотворительность, увеличится с 18 500 человек в 2015 году до 27 000 человек в 2020 году, и также объем средств, который они выделяют на благотворительность, увеличится. 57% из этих основных благотворителей находятся в США.

Так, в секторе частных пожертвований, основными направлениями благотворительности для обеспеченных людей являются образование и здравоохранение, согласно данным Major Giving Index. BNP Paribas выделяет здравоохранение в качестве основного направления благотворительности в трех из четырех изученных регионов (США, Европа и Ближний Восток), а богатые азиатские доноры предпочитают жертвовать на защиту окружающей среды.

Влияние следующего поколения

Эти индексы отображают другие вероятные изменения, в особенности, влияние следующего поколения. Молодежь вносит изменения в то, как обеспеченные слои населения жертвуют деньги на благотворительность, «открывая новые модели, которые сочетают в себе традиционные фонды с элементами коммерческих организаций и социальных предприятий».[10] В отчете BNP Paribas, основанном на изучении следующего поколения филантропов[11], также отмечается рост интереса среди молодежи в «других формах финансирования, нежели гранты, таких, как долевые инвестиции и кредиты, часто направленные на социальные предприятия». Фонд Джейкобс, под руководством 36-летнего председателя, «вложил 2.5 млн швейцарских франков (около 2.5 млн долларов США) в новые формы благотворительности, и планирует увеличить эту цифру до 6 млн франков (6 млн долларов США) к 2020 году».

Признаком таких частных изменений, если не направлений в целом, является то, что богатые молодые люди хотят отойти от существующих традиций в благотворительной отрасли. Исследование BNP Paribas приводит в пример Лейта Знибера, основателя Impact Lab в Марокко, который решил не следовать примеру своей матери в благотворительности, полагая, что «интеллектуальный бизнес действительно может решить глубокие социальные проблемы».[12]

Отношение общественности и СМИ к пожертвованиям со стороны богатых слоев населения

Благотворительность со стороны обеспеченных людей, в той мере, насколько возможно ее различить, высоко ценится в Пакистане. Они, как говорит Шазия Амджад, являются «лидерами-донорами» и уже замотивировали ряд существенных организаций заниматься благотворительностью в сферах здравоохранения и образования. Однако, Нармин Адиль из Центра Филантропии Пакистана отмечает, что обеспеченные люди нечасто присутствуют в медиа пространстве, потому как они не любят говорить о суммах, которые они дают на благотворительность. Они, скорее, будут говорить про организации, которые они поддерживают, но не будут называть вложенные суммы.

Частные пожертвования в арабском регионе более развиты, чем корпоративные, но не намного: «когда какая-либо известная личность или организация делает пожертвование, это освещается в средствах массовой информации. Однако, эти акты благотворительности могли бы получать еще большую огласку, Несмотря на юридические тонкости и некоторую социальную изолированность, есть много достойных примеров благотворительности, о которых можно написать. У нас недостаточно журналистов».

Проведенное в Великобритании исследование о том, почему богатые люди делают пожертвования, показывает, что британские СМИ с цинизмом относятся к их мотивам. Кэрол Мак говорит, что в США, наоборот, распространен более благосклонный взгляд на крупные пожертвования, хотя не исключено, что циничный тон СМИ не совсем точно отражает взгляды общественности. Ясно, что СМИ, ставя под сомнение мотивы благотворителей, с трудом могут призвать филантропов более публично освещать свою деятельность и выступать в качестве примера для подражания.

> “Появление новых форм пожертвования означает, что модель благотворительности будет в корне изменена”

В Испании тоже зачастую с цинизмом относятся к крупным пожертвованиям. Ранее в этом году Амансио Ортега, владелец Zara и человек, занимающий четвертое место в списке Forbes, объявил о своем намерении пожертвовать 400 млн. евро (476 млн. долларов США) системе общественного здравоохранения на приобретение оборудования для диагностики и лечения рака. «Вы не можете себе представить вспыхнувший объем критики», – говорит Роза Гальехо. «Во-первых, люди думают, что система здравоохранения должна финансироваться за счет государственных средств и не зависеть от частных денег; во-вторых, что богатые люди должны платить больше налогов вместо того, чтобы платить низкие налоги и раздавать деньги». Это мнение, о том, что большее количество средств от богатых людей должно идти на общественные цели через налоги, и что государство должно нести ответственность за обеспечение благосостояния, находит широкое признание и за пределами Испании, а также является причиной, по которой люди не хотят давать деньги НКО.

В Китае, по мнению Янни Пэна, СМИ в целом благосклонны в этом вопросе, но они моментально начинают высказывать критику, когда происходит скандал. Это влияет на общественные взгляды по поводу благотворительности и ставит под сомнение ее прозрачность. Желание повысить прозрачность в этой отрасли стало одной из причин появления китайского Центра фондов, который создал Индекс Прозрачности Фондов.

Крупным филантропам необходимо говорить о своей деятельности

Кристиан Зайберт из Philanthropy Australia отмечает, что одним из наиболее эффективных инструментов увеличения крупномасштабных пожертвований является то, «когда филантропы рассказывают о своей деятельности и говорят, почему они это делают». Несмотря на то, что филантропы действительно в какой-то степени это делают, крупные доноры могут стесняться публичности, потому что отношение общественности к крупным пожертвованиям может быть противоречивым. Хотя в Австралии филантропы, как правило, хорошо известны и пользуются всеобщим почтением, есть признаки того, что по отношению к их деятельности может возникнуть легкое подозрение. Он говорит об обещании Эндрю и Николы Форрест, сделанном в середине 2017 года, выделить 400 млн. долл. на благотворительность. Реакция СМИ была в целом позитивной, но также присутствовала некоторая критика, причем один журналист утверждал, что филантропия по своей сути недемократична, и что Форресты должны платить больше налогов. Исходя из этих предпосылок, он считает, что важно постоянно обсуждать роль филантропии в обществе, как она использует свое положение и власть, и как она может сохранить легитимность перед обществом на осуществление своей деятельности».

Ингрид Шринат, в свою очередь, отмечает, что в Индии прослеживается «некоторый дискомфорт при публичных разговорах о пожертвованиях. Мистер Тата и господин Премджи практически не фигурируют в СМИ». В некоторой степени фонд создает организационную прослойку между донором и деньгами, выделенными на благотворительность, и это помогает отвлечь внимание общественности. Она также отмечает «большое нежелание говорить о суммах пожертвований и т.д.». С другой стороны, она считает, что текущая ситуация меняется. Этому отчасти способствует более широкое освещение благотворительности благодаря премиям таких журналов, как Forbes и Economic Times. Азим Премджи недавно стал первым индийским филантропом, награжденным медалью Карнеги за благотворительность. Шринат также отмечает, что чувства негодования или цинизм, которые часто присущи в других странах по отношению к крупным донорам, в Индии, как правило, отсутствуют. Появление крупных доноров, как ей кажется, пока рассматривается исключительно как неоспоримое благо.

В Китае, говорит Янни Пэн, «меняется представление о том, что благотворительность следует осуществлять без привлечения лишнего внимания». Такие люди, как Джек Ма, с удовольствием рассказывают о своей благотворительной деятельности, в целях повышения осведомленности общества о целях филантропии.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ПОЖЕРТВОВАНИЯ СО СТОРОНЫ ДИАСПОР

Достаточно сложно точно оценить объем денежных переводов, однако, на основании имеющихся данных, можно сказать, что они очень значительны, в особенности, учитывая то, что денежные переводы рассматриваются отдельно от средств, выделенных в качестве благотворительных пожертвований. По данным Индекса Глобальной Филантропии и Денежных Переводов за 2016 год, составленного институтом Гудзона (Hudson institution) [13], в 2014 году денежные переводы из 13 стран-доноров в развивающиеся страны составил 224 млрд. долларов США (по сравнению с суммой 147 млрд долларов США, направленной на помощь в развитии). Эта цифра достаточно стабильно увеличивалась, за исключением непродолжительного периода в начале нулевых.

Здесь следует отметить два интересных момента. По данным Всемирного банка, что касается денежных переводов[14], объем средств, переведенных между странами глобального Юга (34% от общего числа) ненамного меньше, чем аналогичный объем, переведенный из стран глобального Севера в страны глобального Юга (38%). Во-вторых, возвращаясь к индексу института Гудзона, можно проследить значительные объемы частных благотворительных пожертвований из стран, не входящих в КСР (те, которые не являются частью Комитета Содействия Развитию ОЭСР и, как следствие, не считаются основными странами-донорами), в пользу развивающихся стран. Хотя, размер этих пожертвований гораздо меньше, чем объем денежных переводов. Корпоративные и частные благотворители Бразилии пожертвовали 34 млн. долларов США развивающимся странам в 2014 году. В Индии этот показатель составлял 249 млн. долларов, в Индонезии – 129 млн. долларов и в Турции 267 млн. долларов. В совокупности эти результаты свидетельствуют о том, что частные доноры начинают выделять больше денег на благотворительность, и это касается даже тех стран, где филантропия традиционна была не так развита.

> “Частные доноры начинают выделять больше денег на благотворительность, и это касается даже тех стран, где филантропия традиционна была не так развита”

“Необходимо, чтобы в обществе постоянно обсуждали то, какую роль играет благотворительность, как она использует свое положение и силу, и как она может поддерживать свое «право на осуществление деятельности, полученное от общества”

3

Корпоративное пожертвование

В этой главе основное внимание уделяется фондам: их растущему числу, особенно в Европе и некоторых странах глобального Юга; рассматриваются традиционные направления фондов; постепенное распространение практики предоставления грантов и стратегической филантропии. В этой главе также пойдет речь об известной склонности фондов к риску; кое-где встречающемся негативном восприятии корпоративной филантропии; и о будущей роли фондов и тенденциях.

Ввиду отсутствия четких юридических определений, довольно сложно оценить масштабы благотворительного сектора. Благотворительные учреждения в Южной Африке, например, «могут быть зарегистрированы как трасты, как компании, созданные согласно Статьи 21, или как организации гражданского общества, и все они регулируются различными законами». Таким образом, несмотря на то, что по всей видимости, масштабы сектора растут, этот рост достаточно сложно определить, потому что «большинство фактов несерьезны», – говорит Халима Магомед.

В арабском регионе фондом может быть НКО или ассоциация. И это не является недоразумением. В некотором смысле, такое положение вещей несет в себе философский смысл и выражает то, как люди видят корпоративную благотворительность и ее роль. В широком смысле разница заключается в том, считает ли благотворительная отрасль себя составной частью гражданского общества или же отдельным элементом. Барри Габерман считает, что организованная форма благотворительности является частью некоммерческого сектора. Он признает, что «некоторые склонны рассматривать благотворительность как самостоятельный сектор, который не связан с более широким гражданским обществом, но я всегда чувствовал, что в этом суждении кроется доля лукавства». Возможно, эта неоднозначность отчасти вызвана двойственностью отношения филантропии к власти.

> Сейчас это своего рода норма, если вы IT-миллиардер, то у вас должен быть фонд”

ФОНДЫ - РАСТУЩИЙ СЕКТОР

Фонды в Европе и США

По оценкам DAFNE (сеть доноров и фондов в Европе), в Европе насчитывается в общей сложности 129 000 фондов, многие из которых были созданы относительно недавно. Срок существования половины швейцарских фондов составляет менее 20 лет. С 2001 по 2014 год число французских фондов увеличилось более чем в два раза.[15] Более 70% фондов Германии были образованы после объединения страны в 1990 году. В Испании более 69% фондов существуют не больше 18 лет. В Италии в период 1995-2005 годов число фондов выросло на 133%.

Интересным примером является Италия. Создание банковских фондов путем приватизации сберегательных банков в 1990 году привело к созданию ряда очень крупных фондов. Их число составляет всего 2% от всех итальянских фондов, но они владеют примерно половиной активов в стране, направленных на благотворительность, и около 10% от активов всех европейских фондов. Эта ситуация вызвала огромный дисбаланс в Италии. Большинство сберегательных банков были сосредоточены в северной Италии и их фонды продолжают работать в основном в своих регионах. Это означает, что эти регионы являются основными получателями благотворительной помощи, а остальная часть страны от нее отрезана.

В США, напротив, объем сектора благотворительных фондов остается довольно стабильным. Веб-сайт Foundation Center насчитывает 86,000-87,000 фондов, их число немного колебалось в период с 2012 по 2014 годы, а объем средств, которые фонды направляют на благотворительность, понемногу увеличивается.

Фонды в странах глобального Юга

Во многих странах глобального Юга сектор благотворительных фондов увеличился за первые два десятилетия нового тысячелетия, но темпы роста были неравномерными.

КИТАЙ В Китае объемы сектора стремительно выросли после принятия в 2004 году документа о Регулировании по Управлению фондами. До этого большинство фондов Китая были государственными и управлялись правительством, но впоследствии частные фонды стали самым быстрорастущим сегментом, и около 60-65% фондов в настоящее время являются частными, оценивает Янни Пэн. Однако, до сих пор существуют различия между государственными и частными фондами, и до 2016 года только государственным фондам было разрешено законно привлекать средства от общественности. В 2016 году новое положение предусматривало, что каждая благотворительная организация, действующая в течение двух лет и отвечающая определенным критериям, может подать заявку на получение лицензии на сбор средств. Новая политика окажет давление на общественные фонды, так как успешным НКО больше не нужно будет работать через них, а возможно будет осуществлять сбор средств непосредственно с общественности.

ИНДИЯ В Индии, в то время как трасты Tata «существуют уже более 100 лет», стали создаваться «более организованные благотворительные фонды, в которые пришли новые деньги из IT сектора» – говорит Ингрид Шринат. «Сейчас это своего рода норма, если вы IT-миллиардер, то у вас должен быть фонд».

РОССИЯ В России больше распространены фандрайзинговые фонды, чем фонды, построенные по англосаксонской модели, говорит Оксана Орачева из Фонда Потанина. Пока большинство людей все еще делают пожертвования напрямую по какому-либо поводу или непосредственно конечному благополучателю. Тем не менее, прослеживается растущий тренд переводить пожертвования фондам и другим учреждениям, и представители сектора организованной благотворительности пытаются усилить его развитие. В денежном выражении два крупнейших фонда в России – те фандрайзинговые фонды, которые ориентированы на здоровье детей. В то же время, существуют частные фонды, играющие важную роль (не в последнюю очередь сам фонд Потанина), но их пока немного.

СИНГАПУР Несмотря на рост сектора благотворительных фондов, он, как правило, играет менее значимую роль в Сингапуре, говорит Лоуренс Лиен, потому что не существует никаких налоговых льгот для создания фонда в стране, в которой и так очень низкий уровень налогообложения.

Он говорит, что «люди просто делают пожертвования напрямую – это намного проще, это не вводит вас в какие-то рамки. Это все еще превалирующая форма совершения пожертвований, в отличие от использования посредников». По его мнению, основная причина основания

фонда в Сингапуре заключается в создании наследственности, появлении чувства преемственности в убеждениях и взглядах семьи или группы людей.

ПАКИСТАН В Пакистане концепция фонда также недостаточно четко выражена, и в основном она связана с корпоративными фондами. Тем не менее, по словам Шазии Амджад, недавно были созданы несколько частных фондов состоятельными лицами или семьями. Существует два крупных социальных фонда, которые, по сути, выступают в качестве общественных фондов. Один из них занимался борьбой с бедностью – «на самом деле, могла иметься в виду работа в области образования, санитарии, чего угодно»; он получил огромный объем финансирования от государства и выступает посреднической организацией, работающей через местные организации гражданского общества. Существует также ряд региональных фондов, таких, как фонд общинного развития в Синде, который финансируется правительством провинции и предоставляет гранты малым и средним НКО, работающим в Синде.

Корпоративные фонды

Корпоративное пожертвование становится самым развитым направлением благотворительности в Латинской Америке, где большинство фондов являются корпоративными, а также в России, где корпорации по-прежнему являются основными участниками благотворительности, особенно когда речь идет о поддержке фандрайзинговых фондов и НКО. Их бюджеты, как считает Оксана Орачева, больше, чем у частных фондов. Она видит как растущую вовлеченность, так и все большую изощренность российского бизнеса «не только в сферах, где у них есть деловые интересы, но и за их пределами. На недавней конференции состоялась дискуссия о том, почему бизнес нуждается в НКО и насколько лучше для бизнеса инвестировать в сектор НКО по разным направлениям, предоставляя гранты, переходя от прямых пожертвований к финансированию НКО и используя методики фондов, такие как грантовые конкурсы». Корпоративное пожертвование также является самым быстрорастущим сектором в Турции, где экономика значительно выросла.

Как отмечает Башак Эрсен, в основном оно выражено в виде деятельности в рамках КСО (корпоративная социальная ответственность) и

> “Корпоративное пожертвование также является самым быстрорастущим сектором в Турции, где экономика значительно выросла”

«большинство крупных компаний сейчас имеют программы КСО».

В Индии роль корпоративного пожертвования потенциально может значительно увеличиться после принятия в 2013 году Закона о компаниях, который в обязательном порядке принуждает компании, достигшие определенных масштабов, инвестировать не менее 2% от их чистой прибыли на различные направления в рамках КСО (хотя в Индии в целом наблюдается такой рост благотворительности, что удельный вес корпоративных пожертвований во всей благотворительной отрасли упал до 15% с 30% в 2011 году[16]).

Роза Гальехо видит, что отношения корпоративного и некоммерческого сектора в Испании развиваются. Меняется подход со стороны корпоративных доноров, что, в свою очередь, может заставить некоммерческий сектор пересмотреть свое видение: «на самом деле, корпорации являются крупными спонсорами НКО. Но после кризиса они уже не готовы просто жертвовать деньги, а говорят: «нам нужно ценное предложение от вас».

Следует отметить, что во многих странах (Турция, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и большая часть Латинской Америки) нет выраженных отличий корпоративных фондов от других типов фондов.

И компании, и фонды все еще, в основном, находятся в руках определенных семей, или же они тесно связаны с семьями, которые их основали, и интересы фонда не рассматриваются отдельно от интересов компании. «Многие из самых богатых людей в Турции имеют фонды, названные в из честь, но зачастую в их делах участвуют их компании», – говорит Басак Эрсен. Такие фонды часто не связываются с политически рискованными направлениями деятельности, поскольку это может поставить под угрозу их бизнес, особенно, когда государственные контракты являются важным элементом этого бизнеса.

Что заставляет развиваться сектор благотворительных фондов?

В странах глобального Юга главным стимулом, по-видимому, стало увеличение благосостояния отдельных лиц и корпораций. В Европе эта причина также может отчасти быть связана с демографией: семьи становятся меньше, а люди более склонны отдавать на пожертвования часть их средств для помощи в тех сферах, которые их интересуют, и все это сочетается с повышенным чувством ответственности в обществе к социальным и экологическим проблемам. Это также частично связано с тем, что правительства этих стран поддерживают благотворительную отрасль, поскольку бюджетные средства для оплаты социальных нужд сокращаются.

В Европе рост объема благотворительности зачастую происходил за счет сокращения объема капитала, необходимого для создания фонда, и сокращения использования целевого капитала. Это послужило причиной появления множества небольших фондов. Один из наиболее ярких признаков благотворительного сектора в Испании – широкое представительство фондов с небольшим капиталом. «Наш членский взнос составляет 600 евро (714 долларов США), – говорит Роза Гальехо из Asociación Española de Fundaciónes, «тем не менее, существует много организаций, которые не могут себе позволить стать нашими членами. У нас есть организации-члены, годовой бюджет которых составляет 6 000 евро (7 140 долларов США)». Более 80% польских фондов в 2013 году не имели целевого капитала.

Несмотря на то, что сокращение объема капитала, необходимого для создания фонда, стало причиной для роста благотворительного сектора, это нововведение, возможно, также сделало фонды более уязвимыми к экономическим потрясениям.

В Испании фонды с бюджетом менее 30 000 евро (35 700 долларов США) серьезно пострадали от финансового кризиса, и их доля в секторе была значительно снижена в период с 2008 по 2012 год.

Достаточно спорным является тот факт, что большое число некрупных фондов является неким преимуществом, хоть эта система и отличается финансовой устойчивостью. Дэнни Шрискандараджа отмечает, что в Новой Зеландии насчитывается «400 неоднозначных фондов в стране с населением 4 миллиона человек, и я считаю, что это слишком много. Если вы являетесь организацией гражданского общества, это сложная задача сделать срез информации по 400 веб-сайтам и заполнить 400 различных типов форм».

Следует отметить, однако, что это довольно частая практика, когда в стране присутствует несколько крупных фондов и множество более мелких. В США крупнейшие 50 фондов (из более, чем 86,000-87,000) аккумулировали почти треть общего объема пожертвований от фондов США в 2014 году.

> Число фондов в странах глобального Юга не просто увеличивается, эти фонды ставят перед собой амбициозные задачи”

ПО КАКИМ НАПРАВЛЕНИЯМ ФОНДЫ ДЕЛАЮТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ?

«Образование является самым масштабным направлением», – говорит Хилари Пирсон, за ним идут медицина и социальные службы. Эти же направления всплывают снова и снова, иногда немного в другом контексте – в виде здравоохранения, образования и «социальных услуг», как принято это называть в США. «Вся полученная статистика свидетельствует о том, что больше всего средств идет на самые безопасные направления – образование, защиту детей, здравоохранение, а не на права человека, например», – говорит Оксана Орачева. Басак Эрсен делает акцент на предоставлении стипендий в Турции. Исключение составляют Нидерланды, где церковь, международная помощь и здравоохранение являются основными направлениями, по которым идут средства фондов.

В большинстве азиатских стран сектор благотворительности по-прежнему очень традиционен, считает Лоуренс Лиен, отчасти потому, что за пределами Сингапура существует много явлений, которые он называет «низко висящими фруктами», очевидные вещи, которые необходимо сделать, но которые неуместны по политическим причинам. Фонд семьи Лиен является одним из немногих фондов, который пытается доказывать необходимость каких-либо нововведений и влиять на политику (в области дошкольного образования и ухода за престарелыми).

Стоит отметить, что некоторые вопросы являются весьма неоднозначными. Пойдут ли средства доноров, которые делают пожертвования на сферу образования, на строительство новой школы или учреждения? Или на улучшение качества преподавания? Или на получение стипендии? Редко представляется возможным проследить эти моменты настолько подробно. Как указывает Пирсон: «фонд мог бы предоставить грант университету, который в конечном счете мог бы быть направлен на проект с коренными общинами Канады, но этот грант был первоначально направлен в университет, потому что большинство коренных общин не имеют зарегистрированных благотворительных организаций».

По словам Дженни Ходжсон, число фондов в странах глобального Юга не просто увеличивается, эти фонды ставят перед собой амбициозные задачи. Она отмечает новую глобальную стратегию фонда Потанина и Азима Премджи, получившего медаль Карнеги, как результаты такого рода изменений. «Раньше все думали, – говорит она, – что это было задачей, стоящей перед странами глобального Севера. Теперь мы видим, что российские и китайские фонды ставят перед собой глобальные задачи. «Часть Потанинской стратегии, – замечает она, – не просто воспроизвести модель фонда, характерную для стран глобального Севера, но стать «фондом другого типа».

Участвуют ли фонды в вопросах социальной справедливости?

Американские фонды в большей степени будут затрагивать общественную политику, чем в большинстве других стран. Фонд Билла Гейтса, яркий тому пример, исключителен по размерам своих активов и расходов. Фонд активно участвует в реформе образования США с 1999 года, когда он начал с постройки школ, а затем перешел к повышению качества преподавания и реформе учебных программ. Результаты были неоднозначными, в результате чего генеральный директор Фонда Сьюзан Десмонд-Хеллман недавно признала, что «Фонд Гейтса не имеет ответов на все вопросы».

Кроме того, такие вмешательства также подвергались критике в том смысле, что в результате этой деятельности частные средства потенциально оказывают влияние на те аспекты, которые находятся в поле деятельности государства. Автор статьи в Los Angeles Times считает, что «государственные чиновники не должны позволять им задавать политическую повестку дня для государственных школ страны».[17] Уже давно ведутся споры по этому вопросу, но в США, вероятно, этот вопрос стоит наиболее остро.

В то время, как в ЮАР не существует никаких официальных ограничений в плане того, на какие сферы корпоративные фонды должны направлять пожертвования, международные фонды, по-видимому, больше, чем местные, поддерживают проблемы, связанные с социальной справедливостью, считает Халима Магомед. Предпринимаются «согласованные усилия заставить местные фонды задуматься о широком круге вопросов социальной справедливости. Это довольно медленный процесс. Независимым фондам легче идти на риск, когда дело касается вопросов о правах человека».

Иногда фонды могут оказать поддержку по спорным вопросам, взглянув на них с другой стороны. Например, фонд в Бразилии фокусируется не на гендерных дискуссиях, а на мобилизации ресурсов для женщин.

В чем проявляется активная поддержка корпоративной благотворительности?

Ингрид Шринат считает, что в Индии новое законодательство «отодвинуло благотворительный сектор в сторону». Несомненно, в секторе больше денег, но «правительство подчеркивает, что есть определенные направления, которые желательно было бы профинансировать, и, корпорации строго держатся в рамках заданных правил». Кроме того, структура отчетности не позволяет работать на долгосрочную перспективу, так что «на программы выделяются большие деньги, они рассчитаны на 12 месяцев, помощь оказывается напрямую благополучателю, локально эта помощь оказывается в том районе, где расположена компания, фабрика или завод, и ничего не делается на долгосрочную перспективу. Такого рода деятельность является правовой и стратегической, в рамках политики оказания помощи непосредственно в том месте, где в ней нуждаются».

Некоторые из этих проблем есть и в Южной Африке. Поскольку законодательство о расширении экономических прав чернокожих (BEE) стимулировало благотворительную отрасль в Южной Африке, сейчас существует определенная заинтересованность в этой работе. Компании, работающие в рамках BEE, внушают доверие и претендуют на получение контрактов в рамках реализации программ BEE. Точные данные отсутствуют, но Халима Магомед вполне уверена, что законодательство BEE «не способствует развитию благотворительности, потому что оно предписывает строго следовать букве закона, а не актуальным нуждам. Фактически деятельность ведется, но она не оказывает какого-либо реального воздействия». Она отмечает, что «вопросом о том, как процесс пожертвования можно сделать более системным и стратегическим», должны задаваться представители всех фондов, а не только корпоративных.

В Сингапуре «стало нормой то, что вы должны считаться достопочтенным корпоративным гражданином», – говорит Лоуренс Лиен. Опять же, одна из проблем заключается в том, что делается то, что ожидается, а не то, что необходимо. Другая проблема – подход многих компаний является не очень продуманным.

Речь должна идти об «использовании ваших активов, ваших сильных сторон. Нет никакого смысла заставлять высокооплачиваемых инвестиционных банкиров красить стены, когда вы могли бы нанять целую армию, чтобы

> “В Сингапуре стало нормой то, что вы должны считаться достопочтенным корпоративным гражданином”

сделать это и сделать эту работу лучше».

В арабском регионе, считает Аталлах Куттаб, «политика корпоративной социальной ответственности по-прежнему является пиаром, и мы по-прежнему делаем один шаг вперед, и два шага назад. Я был очень оптимистичен в 2012-2013 годах по поводу того, что у нас увеличиваются масштабы социальных инвестиций, социального предпринимательства, но бизнесом скорее управляют деньги, а не ценности».

Таким образом, у корпоративных пожертвований есть определенные ограничения, несмотря на то, что они, вероятно, будут становиться все более и более важным элементом глобальной филантропии. Помимо того, что корпоративный сектор склонен следовать тенденциям, а не потребностям, он неохотно финансирует те сферы, которые могут привести к конфликту с властями, а его направленность к реализации своих собственных программ означает, что он не вносит никакого вклада в создание экосистемы гражданского общества.

На самом деле, корпоративные пожертвования могут по факту ослабить контролирующую роль НКО. Там, где замешаны большие деньги, НКО будут неохотно контролировать деятельность корпораций. Это мнение поддержал Амитабх Бехар из Национального фонда Индии. В сентябре 2016 года он написал в Alliance, что наблюдает взрыв в благотворительном секторе, и также отметил роль Акта о Компаниях, который повлиял на увеличение ресурсов, полученных в результате работы в рамках корпоративной социальной ответственности. Но он добавляет: «крайне редко те средства, которые были инвестированы таким образом, достигают элементов гражданского общества, которое борется за права человека, подотчетность государства, за право достойной жизни для всех или проводит кампанию за расширение прав и возможностей обособленных и маргинализированных общин».[18]

ГРАНТОВЫЕ ФОНДЫ ИЛИ ОПЕРАЦИОННЫЕ?

В США в 2014 году из общего числа 86 726 фондов только 3 687 были операционными.[19] Однако за пределами англоязычного мира фонды, предоставляющие гранты, по – прежнему составляют меньшинство. По оценкам Басака Эрсена, «99 процентов турецких фондов являются операционными.» Чаще всего это объясняется недоверием к НКО, но есть и другие причины. «Во-первых, это не в наших традициях, мы любим все делать сами, - говорит Басак Эрсен, – и гражданское общество в Турции существует еще не так долго». Тем не менее, он считает, что «через десять лет» в Турции будет больше программ по предоставлению грантов, даже один или два фонда по предоставлению грантов».

Роза Гальехо говорит, что в Испании тоже очень мало грантодателей. «Во-первых, фонды реализуют свои собственные программы, во-вторых, подавляющее большинство фондов Испании в других странах считались бы благотворительными. Это организации, которые собирают средства и осуществляют программы».

Очень немногие китайские фонды в настоящее время предоставляют гранты другим некоммерческим организациям: 43,5% предоставляют некоторые гранты местным организациям, но только 9% из них являются исключительно фондами, предоставляющими гранты.[20] В Колумбии также в основном распространены операционные фонды, то же самое относится к Филиппинам и Индонезии.

Ингрид Шринат отмечает, что в Индии новые фонды чаще являются операционными, а не грантовыми. Она видит, что большая часть денег для благотворительности в Индии и во многих странах с развивающейся экономикой идет от доходов процветающих IT – компаний, и, по крайней мере, среди учреждений это породило технократический стиль осуществления благотворительной деятельности. Результатом этого становится нетерпимость к существующим подходам и акцентирование внимания на рыночных подходах, достижениях и инновациях, которые можно измерить. Как Шринат излагает свою позицию в недавнем докладе CIVICUS[21], акцент делается на «технологичных решениях более сложных политических подходов, отвращение к которым испытывают многие новые филантропы». На конференции AVPN 2017 года Шуичи Оно из Фонда

Мира Сасакавы говорил о том, что предоставление грантов создает зависимость у НКО.

Рост объемов предоставления грантов

Видны признаки того, что в разных странах, возможно даже в небольших пропорциях, начинают расти масштабы предоставления грантов, поскольку доноры понимают важность грантов, как в качестве стимулирования жизнеспособного гражданского общества, так и для обеспечения более эффективного способа помогать нуждающимся. Дженни Ходжсон считает, что фонды развивающихся стран будут заниматься предоставлением грантов вслед за несколькими ведущими организациями в Китае, России и других странах, которые показывают на своем примере, что предоставление грантов является эффективной стратегией, и «это не просто процесс раздачи денег, это лучший способ получить результат».

В Бразилии, например, в основном распространены операционные фонды, но тенденция предоставления грантов постепенно набирает обороты. Здесь стоит отметить работу Благотворительной Сети Социальной Справедливости, в которую входит ряд учреждений, предоставляющих гранты. Сингапур, как это часто бывает, является исключением среди своих соседей: его фонды, как правило, предоставляют гранты.

Сейчас, говорит Ходжсон, «похоже, что пик предоставления грантов был пройден. Люди прошли путь от простой реализации к гораздо более рыночным инвестиционным подходам. Я думаю, что мы должны вернуться к практике предоставления грантов, потому что речь идет о деньгах, которые могут оказаться там, где они могут на что-то повлиять».

Она также считает, что это повлечет переосмысление того, «что представляет собой потенциал гражданского общества. Под потенциалом подразумевается способность получить грант от Фонда Форда или выполнить условия аудита DfID». Она также видит, что организации больше стремятся быть актуальными, получать поддержку на местном уровне и иметь возможность получать и распределять ресурсы как извне, так и на местном уровне. «Получение денег от фонда из развивающейся страны, а не от организации типа USAID означает, что гражданское общество выглядит и мыслит по-другому и включает в себя гораздо больше составных частей, нежели раньше».

Видны признаки того, что в разных странах, возможно даже в небольших пропорциях, начинают расти масштабы предоставления грантов, поскольку доноры понимают важность грантов, как в качестве стимулирования жизнеспособного гражданского общества, так и для обеспечения более эффективного способа помогать нуждающимся”

Почему модель операционных фондов набирает популярность?

Существует ряд причин, по которым предпочтение отдается операционной модели. Во-первых, НКО рассматриваются либо как недееспособные, либо как ненадежные. Во-вторых, корпоративные доноры часто предпочитают реализовывать программы собственными силами. В-третьих, растет число частных доноров с предпринимательским прошлым, которые часто хотят делать что-то сами, а не позволять посредникам делать это за них.

Лоуренс Лиен отмечает важный недостаток этого подхода. «Осуществляя собственные программы, вы фактически обрекаете НКО на смерть. Вы должны наращивать потенциал этих НКО, чтобы взять на себя эту работу. Только представьте себе ситуацию, когда каждый фонд имеет свою образовательную программу для начальной школы, и каждый разрабатывает свою учебную программу – это пустая трата времени. Таким образом, более развитая экосистема будет означать присутствие более сильных НКО и посредников, которые помогут укрепить их, филантропов, думающих о стратегическом предоставлении грантов, которые объединяются, чтобы взрастить перспективные благотворительные организации, НКО и развивать организации по наращиванию потенциала».

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ФИЛАНТРОПИЯ

Это не новая идея, но она набирает обороты как в качестве ориентира, так и практики. В Австралии Кристиан Зайберт замечает, что «конечно, существует фокус на стратегическом развитии благотворительности, постановке целей, а затем структурированной и целенаправленной работе по их достижению в партнерстве с другими. Тем не менее, все еще существуют фонды, которые работают с использованием более традиционного подхода, основанного на милосердии». Участники семинара в Йоханнесбурге отметили, что процесс совершения пожертвований более целенаправлен, а работа сектора более «организована, систематизирована, видима и измерима». Отчасти это обусловлено стремлением к большей эффективности использования ресурсов, отчасти повышением требований к прозрачности.

Оказание давления ради достижения результатов

Но оказание давления ради достижения результатов, чтобы продемонстрировать «больше точности в абстрактном искусстве», как говорит Джерри Салоле, может иметь свои недостатки. Он говорит, что «иногда это означает, что они начинают считать в качестве достижений те вещи, которые не имеют значения, и такая демонстрация результатов может превзойти долгосрочную стратегическую работу. Это неудачная идея, потому что она заставляет фонды быть гораздо более транзакционными. Поверхностные критики считают, что традиционная филантропия менее ориентирована на стратегическое развитие, менее вдумчива, не оценивает, но я никогда не встречал фонда, который открывает окно и выбрасывает деньги. Его не существует».

К сожалению, продолжает он, погоня за результатами означает, что «более спокойная работа, работа, о которой вы не можете говорить, которая включает в себя некоторый риск и, следовательно, некоторые ошибки, теперь уступает место более краткосрочно ориентированной работе, где вы можете показать результаты, но эти результаты заранее предсказуемы». В этом он видит одно из самых серьезных противоречий в секторе европейских фондов. «Люди, которые были вовлечены в какую-то деятельность, разочарованы тем, что они больше не могут выполнять долгосрочную работу, а их просят слишком быстро показать результаты».

> Более спокойная работа, работа, о которой вы не можете говорить, которая включает в себя некоторый риск и, следовательно, некоторые ошибки, теперь уступает место более краткосрочно ориентированной работе, где вы можете показать результаты, но эти результаты заранее предсказуемы”

Эта тенденция более присуща ЮАР, говорит Халима Магомед, частично из-за требований программы расширения экономических прав и возможностей чернокожих (BEE), которая стимулирует местные организации осуществлять финансирование и набирать баллы в соответствии с программой BEE. «Организации гражданского общества и даже благотворительные организации, которые получают финансирование из других источников, считают, что их работу нельзя измерять таким образом, но для того, чтобы получить финансирование, они должны попытаться прыгнуть выше своей головы, не задумываясь о более сложных вещах, которые гораздо труднее измерить. Но именно по этому направлению мы должны вкладывать средства».

Какие есть пути решения? Отчасти, решение этой задачи лежит на тех международных спонсорах, которые финансируют местную благотворительную отрасль и говорят: «мы доверяем вам в использовании наших денег, мы хотим, чтобы вы решали, какие критерии измерения должны быть».

СКЛОННОСТЬ К РИСКУ ИЛИ УКЛОНЕНИЕ?

На семинаре в Мехико были определены четыре формы риска для фондов: политический, финансовый и репутационный, а также риск потерпеть неудачу. Мы брали интервью у двух представителей политических и финансовых кругов.

«В каждом секторе есть определенный набор отличительных признаков, которые определяют его сравнительные преимущества», утверждает Бэрри Габерман. Одно из самых существенных преимуществ благотворительной отрасли заключается в том, что «благотворительность не сталкивается с риском в такой же степени, как общественный и коммерческий секторы, и ее представители могут рисковать и терпеть неудачу. Классический случай – разработка контрацептивов», – говорит он. «Когда мы перешли от фундаментальных исследований к прикладным исследованиям, правительство США не стало бы развивать это направление, равно как и некоммерческий сектор из-за боязни нести ответственность, и именно сектор благотворительности разработал таблетки и внутриматочные устройства».

Однако, как он продолжает, «загвоздка заключается в том, что, по большей части, филантропия склонна к риску, она, как правило, не берет на себя те аспекты, которые касаются политики, и она склонна следовать моде. Для меня это упущенная возможность». Участники семинара в Мехико пришли к выводу о том, что, в общем, фонды склонны к риску больше, чем они об этом заявляют. В качестве снижения степени риска возможно использовать посредника, а именно, делать пожертвования через другую организацию.

Восприятие рисков в странах глобального Юга

Аталлах Куттаб считает, что в 2012 году в арабском регионе представители благотворительного сектора «не были склонны идти на риск». «Местные филантропы и диаспора вкладывали средства по таким направлениям, как Ливия, помогая писать конституцию, привлекая местные организации для обсуждения тех аспектов, которые они хотели бы привнести в новую конституцию и т. д. Это было действительно очень рискованной деятельностью для местных филантропов, делающих свои первые шаги в этой отрасли». Но эта возможность вскоре ушла по завершении Арабской весны. Причина заключалась в страхе того, что это может повлиять на их бизнес. «В 2012 году люди думали, что близость к власти может негативно повлиять на их бизнес, а у большинства частных доноров в регионе есть свои бизнес-интересы. Теперь мы вернулись к такой ситуации, что безопаснее быть на стороне правительства. Крупные фонды и крупные частные доноры рассматриваются как естественное продолжение правящей семьи или богатой семьи, и эти организации находятся заодно с правительством, вместо того, чтобы погружаться в новые области, подталкивая правительство к пересмотру своего взгляда на положение вещей».

Аналогичным образом, в Индии представители корпоративной филантропии «крайне неохотно» идут на политический риск, отмечает Ингрид Шринат, за исключением одного или двух фондов. Причины аналогичны уже приведенным.

«Это правительство, в частности, показало, что оно может быть крайне мстительным, поэтому любое инакомыслие вызовет действительно жесткий ответ – будь то в форме

налогового расследования или судебного иска. Они будут вставлять вам палки в колеса, если вы перейдете им дорогу». Во-вторых, как и везде, все новые основные потоки средств на благотворительность исходят от людей, которые все еще занимаются бизнесом, и риски для их бизнеса велики. Другая причина, по ее мнению, заключается в недостатке сплоченности, «не существует способов что-то правильно сказать или сделать, не понеся при этом личную ответственность».

Однако, Шринат отмечает большую готовность идти на финансовый риск, «делая большие ставки, как сказали бы на Западе, а также готовность попробовать что-нибудь новое в погоне за общей целью». Она приводит в пример учреждение, в котором она работает, недавно созданный университет Ашока. Каждый из девяноста филантропов «предоставил более 100 миллионов индийский рупий (примерно 1.6 млн. долларов США) для финансирования некоммерческого университета свободных искусств, не обладая уверенностью в том, что этот эксперимент удастся».

В Китае частные фонды чуть более склонны к риску, нежели государственные фонды, деньги которых поступают от населения. В результате они подвергаются более строгому общественному контролю, в то время как частные фонды подотчетны только собственному правлению. Несмотря на это, национальные фонды очень осторожно относятся к финансированию правозащитной или природоохранной деятельности, и такое финансирование, как правило, поступает от иностранных доноров. Нежелание финансировать эти направления только возросло с тех пор, как в 2015 году правительство подавило деятельность НКО, занимающихся защитой прав трудящихся.

Каролина Суарес хотела бы, чтобы колумбийские фонды были более склонны к риску, но эти фонды связаны с корпорациями. Она добавляет: «председатель правления фонда должен понимать, что его роль заключается не в том, чтобы быть генеральным директором или должностным лицом корпорации. Она совершенно иная. Он должен, как истинный филантроп, сказать, что если мы хотим добиться социальных изменений, мы должны рисковать, внедрять больше инноваций, мы должны все время думать о том, что мы делаем».

… А также в Европе и США

В целом, испанские фонды не занимаются политическими вопросами, говорит Роза Гальехо, хотя существуют и исключения. Она говорит, что «в области поддержки людей с ограниченными возможностями фонды проявляют большую активность, и некоторые фонды совершенно открыты к политике.

Но здесь речь идет скорее о защите прав личности, чем о защите гражданского общества». Тем не менее, она предвидит необходимость того, что представителям корпоративной филантропии в Испании, возможно, потребуется стать более политически активными, чтобы их деятельность оставалась актуальной. «Интересно, что в Испании такое явление, как ведение благотворительной деятельности на местах, действительно появилось после кризиса. Есть много местных сообществ, работающих во многих городах. Мне интересно, является ли это началом изменений в том, как мы собираемся вместе и участвуем в жизни общества. Эта тенденция может означать, что в какой-то момент люди будут готовы дать больше денег, или они будут просить организации больше уделять внимание определенным вещам».

В Великобритании была широко освещена следующая проблема. Фонды возглавляются попечителями, «которые, в общем-то, являются самостоятельными личностями, делающими это на добровольной основе», отмечает Кэрол Мак, «и я слышал, что некоторые фонды ссылаются на то, что на их попечителей было оказано давление, и это ограничивает ту степень риска, которую эти фонды готовы на себя принять, когда давление становится очень навязчивым».

В Турции, отмечает Басак Эрсен, отношение общества к тем или иным вопросам может помешать фондам выявить наиболее острые проблемы: «они не любят противостоять обществу».

> “Вы должны прежде всего максимизировать свои способности – к терпению, партнерству, способность фокусироваться и следовать стратегии”

> “Интересно, что в Испании такое явление, как ведение благотворительной деятельности на местах, действительно появилось после кризиса. Есть много местных сообществ, работающих во многих городах. Мне интересно, является ли это началом изменений в том, как мы собираемся вместе и участвуем в жизни общества”

Насколько важным для фондов является принятие на себя рисков?

Если вы не берете на себя риски, необходимо задаться вопросом, действительно ли вы имеете дело с теми вещами, где требуется помощь, задался вопросом один участник семинара в Мехико. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся, требуют инноваций, а инновации сопряжены с риском. Несмотря на то, что некоторые инновации присутствуют в том, каким образом люди осуществляют финансирование, их не так много в том, что именно они финансируют. Однако, как Аталлах Куттаб, так и Шазия Амджад отмечают, если отдавать предпочтение финансовым услугам, а не кампаниям по защите прав, то это не всегда связано с риском. Хотя большая часть денег на благотворительность в Пакистане идет на традиционные области образования и здравоохранения, Амджад считает, что это происходит потому, что зачастую считается, что эти сферы больше всего нуждаются в помощи. «Эти сферы защищены, но я не думаю, что это главная причина, по которой их поддерживают».

В конечном счете, фонды – это индивидуальности, и у них есть свои характеры, утверждает Хилари Пирсон. «Большинство фондов, – говорит она, – никогда не пойдут на риск, так же как и большинство людей». Она считает, что для них важнее их способность использовать другие свои качества: «вы должны прежде всего максимизировать свои способности – к терпению, партнерству, способность фокусироваться и следовать стратегии».

РОЛЬ ФОНДОВ В БУДУЩЕМ

На основании комментариев наших респондентов о роли корпоративной филантропии можно выделить четыре ключевые роли фондов, и все они в той или иной степени зависят от готовности фондов идти на риск.

Инновации

Одной из ключевых ролей является инновация, или, по крайней мере, она должна ей быть. Каролина Суарес говорит: «Наша роль – внедрять инновации, создавать пилотные проекты и иметь независимый голос». Очевидно, что есть пределы тому, что может сделать филантропия. «Многие вещи, которые нужно делать в стране с очень сложной географией, – это инфраструктурные проекты, такие как дороги. Филантропия не может этого сделать, это работа государства».

«Нельзя полагаться на правительство как на ключевого источника инноваций», – говорит Лоуренс Лиен. «У нас одно из самых эффективных правительств в мире, но правительства бюрократичны, они не рискуют, и они не хотят ни в чем потерпеть неудачу, потому что неудача – это политическое поражение». Однако, по его мнению, филантропия всегда была слишком осторожна, чтобы принять этот вызов.

Заполнение пробелов

Вторая роль фондов заключается в заполнении пробелов, и не только ради оказания помощи там, где это требуется, но и также, чтобы привлечь общественное внимание к этим вопросам, «мобилизовать людей, чтобы показать, что существует какая-либо проблема. В некотором смысле, это своего рода пропаганда, поскольку правительство прислушивается к людям, так как народное давление может оказать влияние на результаты выборов».

Поддержка гражданского общества

Третья роль – поддержка гражданского общества. Этот аспект ведет к ответу на более философский вопрос – поддерживаете ли вы сектор гражданского общества из-за того, какие функции оно выполняет или потому, что оно является важнейшим элементом плюралистического общества? Одно не противоречит другому, конечно, оба аспекта важны. «Наличие гражданского общества в то же время означает, что прогрессивной частной благотворительности пришел конец», утверждает Дэнни Шрискатдаражах. «Основная цель корпоративной филантропии, – считает он, – заключается в поддержке разнообразного и жизнеспособного гражданского общества как для собственных целей, так и для тех, кто наиболее маргинализирован в обществе».

Решающее значение имеют такие качества, как разнообразие, поскольку мы видим, как развиваются крупные НКО, которые «в недостаточной степени подотчетны» и плохо подготовлены, чтобы выражать интересы самых маргинализованных членов общества, и устойчивость, потому что «независимое гражданское общество все больше подвергается угрозе посягательства как со стороны правительств, так и тех же крупных действующих благотворительных организаций. Барри Габерман считает, что главный аргумент состоит в том, что гражданское общество важно само по себе, потому что оно «представляет еще один институт, который защищает от авторитаризма».

Действия, направленные на долгосрочную перспективу

Наконец, фонды играют определенную роль в построении долгосрочной деятельности. «Конечно, есть направления, по которым нужно действовать незамедлительно», - признает Кэрол Мак. «Кроме того, фонды творчески подходят к тому, как они могут использовать свой временной потенциал для достижения наилучшего эффекта». Джери Салоле отмечает, что европейские фонды все активнее предоставляют отрасли высококлассных специалистов.

> Основная цель корпоративной филантропии заключается в поддержке разнообразного и жизнеспособного гражданского общества как для собственных целей, так и для тех, кто наиболее маргинализирован в обществе”

БУДУЩИЕ ТРЕНДЫ

Модель Чан Цукерберг

Хотя благотворительные фонды по-прежнему являются привлекательной моделью, некоторые респонденты считают, что в будущем ее популярность может уменьшиться. «Я думаю, что существует некая угроза, которую я не могу понять, того, что следующее поколение не будет использовать такую модель, как благотворительный фонд. Так же новые поколения отвергают устои, согласно которым жили их бабушки и дедушки или даже родители», – думает Хилари Пирсон. Дэнни Шрискандаражад говорит о том же. Он приводит в пример инициативу Чан Цукерберг, и созданное основателем Facebook и его женой в 2015 году общество с ограниченной ответственностью, и отмечает, что модели организаций, созданных Цукербергом и его соратниками, «вполне могут не быть частью мира, который мы знаем, и что это значит для мира, который мы знаем?».

Он продолжает: «Многие из тех, кто недавно заработал свой капитал, разрушили традиционные институты. Эти люди появились в то время, когда доверие к долгосрочным институтам стало уменьшаться, так зачем же их создавать? Существует несколько способов, как можно изменить ситуацию в отрасли, и вы можете не замечать, что продвинутые фонды наиболее эффективны в этом плане».

Кэрол Мак также отмечает эту тенденцию в Великобритании: «мы видим, что люди предпочитают осуществлять пожертвования не через благотворительные организации, а через компании, оказывающие финансирование непосредственно из своего бюджета, а не в рамках политики корпоративной социальной ответственности, или через донора по типу Марка Цукерберга, предпочитая делать пожертвования как частные лица, а не создавать ради этого фонд. Я не думаю, что объемы этого направления достаточно велики, чтобы назвать это тенденцией, но оно было актуальным, по крайней мере, в течение одного десятилетия».

Рост числа крупных фондов

С другой стороны, Барри Габерман прогнозирует увеличение количества крупных фондов (здесь два варианта - альтернативные фондам организации и более крупные фонды, которые не взаимоисключают друг друга). По его словам, в настоящее время существует четыре мега – фонда с активами от 20 миллиардов долларов США: Gates,

IKEA, Welcome и La Caixa. «Во многих отношениях эти мега-фонды очень разные, потому что они могут быть, практически как целые государства. Гейтс является крупнейшим частным донором Всемирной организации здравоохранения». Он предвидит, что в следующем десятилетии или, по крайней мере, в ближайшие годы, «число этих фондов, вероятно, удвоится».

Осуществление благотворительности посредством приватизации

Барри Габерман отмечает еще одну тенденцию – то, что Лестер Саламон называет «осуществлением благотворительности посредством приватизации». Благотворительность посредством приватизации можно определить как сделку, в которой государственные или квазигосударственные активы полностью или частично трансформируются в благотворительные пожертвования и находятся, по сути, под контролем автономных благотворительных учреждений. Эта тенденция распространена в большей степени, чем обычно принято думать. Помимо таких известных примеров, как фонды, работающие в сфере здравоохранения в США, и сберегательные банки в Италии, Саламон и его исследователи разработали более широкую классификацию, которая включает в себя «долговые свопы, включающие в себя деньги от коррупционной деятельности и так далее». Эти эксперты выявили во всем мире более 500 примеров осуществления благотворительности посредством приватизации, и некоторые из этих организаций, такие как La Caixa в Испании, «довольно значительны». Он говорит, что «для него этот тренд представляет значимость, поскольку ресурсы ограничены, и это потенциально является важным новым источником дохода, поступающим в сферу частной филантропии».

ВОСПРИЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ФИЛАНТРОПИИ

Благотворительность, осуществляемая частными лицами, а именно пожертвование товаров, денег или времени на благо других, как правило, широко практикуется и находится под пристальным взором общественности. Если рассматривать благотворительность с корпоративной точки зрения, подразумевающей структурированный подход к пожертвованию, картина часто меняется. Хилари Пирсон говорит: «В 2016 году мы провели исследование, чтобы узнать у влиятельных людей в Канаде, а не у обычных граждан, что они знают об организованной благотворительности и о фондах. Выяснилось, что они ничего не знают об этом. Мы просили их назвать какой-либо фонд, но они не смогли. Они действительно не имеют никакого представления о работе благотворительного сектора, или о том, почему благотворительность важна». Она считает, что, в отличие от США (часто являющимся эталоном для благотворительных фондов по всему миру), канадские фонды слабо развиты. Здесь не существует мега-фондов; не наблюдалось никакого серьезного вмешательства в государственную политику со стороны канадского фонда, как, например, делал Фонд Гейтса касательно системы образования США. Но Хилари понимает, что эта ситуация изменится: «мы должны быть готовы к этому, и у нас должны быть основания, чтобы доказать, что наличие благотворительных фондов небезосновательно, и, что эта работа важна, и что благотворительный сектор заслуживает доверия и законного признания. Нам предстоит много работы. Вот почему важно собирать данные и проводить исследования, чтобы мы могли вести аргументацию при помощи цифр, а также приводить конкретные кейсы».

Кристиан Зайберт также считает, что обычный человек в Австралии «имеет мало представления о корпоративной филантропии, кроме того факта, что эти люди приходят в больницу или галерею, и видят, что какое-то крыло здания названо в честь кого-то или, возможно, время от времени они слышат историю в новостях о крупном пожертвовании. Зачастую, когда я говорю, что работаю в благотворительной сфере, я встречаю немного пустой взгляд».

Аталлах Куттаб отмечает, что организация, которую он основал в 2006 году, форум арабских фондов, «имеет самый крупный пул фондов среди своих членов, но мы не внесли свой вклад в индустрию. Вероятно, что люди на улице даже никогда не слышали о нас».

Даже в тех случаях, когда люди что-то знают о фондах, их мнение о них не всегда положительное. В то время как испанские СМИ «в большей степени нас игнорируют, нежели показывают свое негативное отношение», говорит Роза Гальехо, часто именно плохие новости – коррупционные скандалы и так далее – привлекают внимание СМИ. Недавно AEF провел опрос общественного мнения об отношении

> “В 2016 году мы провели исследование, чтобы узнать у влиятельных людей в Канаде, а не у обычных граждан, что они знают об организованной благотворительности и о фондах. Выяснилось, что они ничего не знают об этом”

людей к фондам, который показал, что «чем больше люди чувствуют, что фонд является корпорацией, тем хуже к нему относятся. Аналогичным образом в Колумбии о корпоративной благотворительности либо ничего не известно, либо к ней относятся с подозрением, за исключением тех сфер, где очевидны результаты ее деятельности. «Если вы спросите о фондах, например, людей в Боготе, - говорит Каролина Суарес, – все они, вероятно, скажут, что фонды были созданы для налоговых целей».

Одна из проблем, которая, по мнению Джерри Салоле, стоит перед лицом корпоративной благотворительности, – завышенные ожидания, которые на нее возлагаются «правительством, общественностью и СМИ. Они считают, что фонды в условиях истощения ресурсов государства смогут каким-то образом взять на себя решение ряда задач. У фондов в распоряжении находится «малая толика» средств, по сравнению с ресурсами правительств, обладающими «огромными» денежными ресурсами. Фонды обладают очень ограниченными ресурсами, которыми они могут очень умело и разумно пользоваться, и, надеюсь, они смогут распоряжаться и другими ресурсами, но пока у них есть только крохи. Он отмечает, что многие рассматривают сектор благотворительности как некое хранилище денег, у которого нет собственного плана, нет опыта и который ждет следующей отличной идеи для финансирования». Этого же мнения зачастую придерживается и правительство. Вследствие этого был сделан упор на предоставление грантов, – говорит он, – «и создался миф о том, что главной целью фонда стали деньги, которые он распределяет. Мы на самом деле что-то сделали так, чтобы спровоцировать появление этих нереалистичных ожиданий. Я думаю, эта проблема является важной, потому что ее очень легко упустить из виду».

4

Благотворительность местных сообществ

Эта глава посвящена фондам местных сообществ и более неформальному типу благотворительности на базе сообществ, здесь также рассматривается широкий спектр задач, который выполняют общественные благотворительные организации – от создания сообществ до предоставления донорских услуг.

Фонды местных сообществ являются преобладающей формой институционализированной общественной филантропии, поскольку они адаптированы к местным требованиям и условиям. Фонды местных сообществ предоставляют гранты для общественных благотворительных организаций в целях улучшения жизни людей в определенных географических регионах. Эти фонды распределены крайне неравномерно, в одних странах они развиваются, а в других нет. Также на уровне общин неофициально проводится большое количество благотворительных мероприятий. Халима Магомед говорит, что во «всей южной части Африки сохраняется много традиционных, религиозных, общинных и индивидуальных обычаев, и они продолжают существовать, даже если и меняются по своей форме.» Все чаще общественные фонды, которые не находятся в прямом контакте со своими общинами, рискуют стать неактуальными.

ФОНДЫ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Согласно Global Fund for Community Foundation's Community Foundation Atlas, существует 1864 «фондов местных сообществ». Большинство из них являются небольшими, у многих в штате менее пяти наемных работников. Несмотря на то, что они встречаются почти повсеместно, распределены они очень неравномерно. Так, в США их более 1000, а в Латинской Америке только 11. Несмотря на то, что они носят общее название, на практике они часто адаптируются к местным условиям по целому ряду направлений – начиная с того, что они работают в качестве канала для местных пожертвований, заканчивая тем, что они привлекают внимание к проблемам общин и их деятельности. Излишне говорить, что эти направления вполне схожи, и многие считают, что делают и то, и другое.

Общественные фонды получили развитие там, где это было достаточно неожиданно, например, порядка 70 общественных фондов появилось в России. Они образовались в довольно прохладном политическом климате. В России существуют общественные фонды в относительно крупных городах, таких как Пенза и Тольятти, которые, вероятно, являются примерами для остальных, но большинство из этих фондов находятся в небольших городах и сельской местности, отмечает Оксана Орачева, где нет крупных корпоративных доноров, и они часто фальшиво заявляют о том, что сфокусированы на общественной деятельности.

Несмотря на то, что сектор общественных фондов в Канаде хорошо развит, он не считается растущим сектором, говорит Хилари Пирсон. Она считает, что даже общественные фонды, обычно будучи успешными в сборе средств, не будут защищены от своего рода давления, с которым столкнулась UNITED WAY (некоммерческая организация, которая собирает и инвестирует средства ради улучшения уровня жизни в своем сообществе), поскольку все больше людей делают пожертвования напрямую. Преимущество пожертвований через фонд местных сообществ заключается в том, что фонд лучше знает потребности своего сообщества, но Пирсон считает, что фондам придется очень много работать, чтобы продемонстрировать свою осведомленность».

В других странах общественные фонды работают хуже. В Австралии их относительно немного, поскольку отсутствие правовой базы не дает им развиваться. В Турции есть только один общественный фонд, который был создан TUSEV. А Башак Эрсен считает, что «у фондов местных сообществ есть огромный потенциал, наша работа с ними не увенчалась успехом, потому что это новая модель. Существует недоверие к учреждениям, и люди не понимают важности общественной работы. Самое главное, люди не хотят давать деньги учреждению, которое они не знают и не понимают».

В Испании, как считает Роза Гальехо, рост сектора благотворительности в сообществах сдерживается ввиду преобладающего мнения о том, что государственный сектор несет ответственность за благосостояние: «мы должны отказаться от такой установки, чтобы фонды местных сообществ могли процветать в этой стране».

РОЛЬ ФОНДОВ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Создание сообщества

«Нынешние политические вопросы на повестке дня – популизм, миграция, на самом деле связаны с общинами и с тем, как они функционируют. Это выдвигает на первый план вопрос о том, что делают фонды местных сообществ», – говорит Дженни Ходжсон. «Эти проблемы заставят проявить большую креативность. Другая сторона этого вопроса заключается в том, что если вы являетесь фондом местного сообщества, и вы не поддерживаете связь со своим сообществом, вы потеряете лигитимность». Она считает, что работа общественных благотворительных организаций должна перейти от предоставления грантов или услуг к созданию и восстановлению чувства солидарности и доверия в сообществе, что является ключевым аспектом в отчете «Нечто большее, чем бедный родственник?» от Глобального Фонда общественных фондов».[22]

Многие фонды местных сообществ уже делают это. Канадские фонды местных сообществ, например, впервые применили метод жизненно важных показателей. Опираясь на информацию, полученную от местных общин, используется ряд показателей для оценки благосостояния этих сообществ. Помимо того, что эта инициатива выявляет текущие проблемы, она также способствует укреплению местных связей. Эта методика зародилась в 2005 году, и в настоящее время она широко используется по всей Канаде и за ее пределами.[23]

Нынешние политические вопросы на повестке дня – популизм, миграция, на самом деле связаны с общинами и с тем, как они функционируют. Это выдвигает на первый план вопрос о том, чем занимаются местные сообщества”

Решение вопросов сообществ при помощи местных учреждений и ресурсов

Ходжсон считает, что основным направлением развития благотворительности местных сообществ, является «своего рода многокомпонентное гражданское общество, уделяющее особое внимание местным учреждениям и ресурсам как не менее важным, если не более важным источникам финансирования, чем деньги, полученные из внешних источников». Она считает, что это действительно работает, и общественные благотворительные организации выполняют не только функцию сбора средств, но и выступают инструментом укрепления доверия и связей».

Она видит, что здесь кроется вопрос: какие организации и учреждения находятся в контакте с людьми? «Этот процесс не должен касаться денег, приоритетом должны являться люди, их ресурсы, потребности, и что необходимо предпринять для их реализации. Такой подход действительно возвращает нас к предоставлению грантов, как к эффективному способу демонстрации возможностей филантропии».

Объединение институциональной и частной благотворительности

Благотворительность местных сообществ также является областью, где различные формы филантропии, институциональные и частные, пересекаются для достижения еще большего эффекта. Ходжсон приводит пример Фонда общинного развития Кении (KCDF). «Очевидно, что этот фонд является институциональным, так как он объединяет различных участников, и его финансовая база состоит из средств внешних и местных доноров. К местным донорам относятся люди со значительным достатком, которые не обязательно хотят создавать фонд, люди среднего класса, жертвующие различные суммы; и сообщества, которые собрали деньги и инвестировали их в KCDF». Такой подход является примером того, как небольшие фонды могут «выделять значительные ресурсы таким образом, чтобы этот процесс был эффективен и деньги были направлены на потребности людей, а не просто предоставлялись в виде одного гранта для успешной НКО».

Предложение донорских услуг такими организациями, как DAF

По мнению Хилари Пирсон, преимущество фондов местных сообществ перед другими организациями-посредниками, заключается в том, что они продвигают фонды для доноров (DAF), которые побуждают их совершать пожертвования на постоянной основе. Фонд Сообществ Сингапура фактически действует как хранилище для фондов DAF (сейчас он включает в себя более 100 DAF, говорит Лоуренс Лиен, и каждый год добавляется 10-12 новых). Он собирает пожертвования и дает советы крупным благотворителей, которые хотят сделать пожертвование, но не знают, как. «Мы пытаемся понять, как мы можем сделать его более демократичным, самостоятельным и направленным на интересы общин».

> Общественные благотворительные организации выполняют не только функцию сбора средств, но и выступают инструментом укрепления доверия и связей”

КАК СРЕДСТВА ДОНОРОВ ИЗ СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО СЕВЕРА МОГУТ ДОЙТИ ДО ГРАНТОПОЛУЧАТЕЛЕЙ В СТРАНАХ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА

Передача полномочий «фондам-посредникам»

Одним из путей достижения этой цели является работа через посредников в странах глобального юга. «Мы должны убедить доноров, находящихся в странах глобального севера, не использовать свое влияние и передать ответственность за финансирование учреждениям, которые находятся ближе непосредственно к благополучателям», – говорит Дэнни Шрискандаражах.

Он называет их «фондами-посредниками», и имеет ввиду финансирование посредников, чьей задачей является направлять донорские средства напрямую благополучателям: «я думаю, что основной задачей на ближайшие годы будет строительство следующего поколения «фондов-посредников». Нам нужно продумать, как мы будем создавать эффективные благотворительные учреждения так, чтобы они были ближе к тем проблемам или регионам, куда мы направляем финансирование, желательно, чтобы это происходило при участии других форм предоставления грантов. Такая модель бросает вызов устоявшимся отношениям власти в мире доноров».

Фонды местных сообществ из стран глобального Севера и их пожертвования в другие страны

Барри Габерман отмечает, что все большее число американских фондов местных сообществ теперь направляют средства на пожертвования в другие страны. Располагая активами на сумму более 8 млрд долларов США, Общинный Фонд Силиконовой долины (SVCF) часто входит в топ-10 международных благотворительных фондов США (он был вторым после Фонда Гейтса в 2014 году).

Это является частью тенденции «постепенного увеличения в США суммы благотворительных пожертвований, направленных на международную деятельность. Еще более значительным, по его мнению, был рост средств, которые идут непосредственно учреждениям в пределах конкретной страны, а не к посредникам из развитых стран». Выводы Foundation Center-Council по поводу отчета о деятельности фондов[24], опубликованные ранее в прошлом году, подтверждают это явление. Как говорится в исследовании, в период между 2011-2014 г. общий размер грантов крупных фондов местных сообществ в рамках международных программ увеличился более чем в два раза, со 103 млн долларов США в 2011 году до 223 млн долларов США в 2014 году.

«По моему мнению, еще одним важным моментом является то, что сообщества переосмыслили роль многих из этих учреждений», – говорит Габерман. «Эта роль определяется не только с точки зрения географического расположения учреждения, но и с точки зрения общности интересов и, безусловно, в этом плане SVCF является своего рода визитной карточкой».

“Благотворительность местных сообществ не должна касаться денег, приоритетом должны являться люди, их ресурсы, потребности, и что необходимо предпринять для их реализации. Такой подход действительно возвращает нас к предоставлению грантов, как к эффективному способу демонстрации возможностей филантропии”

5

Что существует помимо грантов: различные виды использования благотворительных средств

В этой главе рассматриваются различные финансовые средства, которые благотворительные организации все чаще используют для достижения своих целей. К ним относятся венчурная филантропия, импакт инвестирование и социально ответственные инвестиции. В ней также рассматривается рост социального предпринимательства/ социального бизнеса, который во многих странах считается весьма значительным. Наконец, обсуждаются последствия все большего «размывания границ» между некоммерческим и коммерческим секторами.

Собранные на благотворительность деньги используются различными способами, и это становится все более важным аспектом в мире. Речь идет не только о деньгах, но и о растущем понимании того, что традиционные финансовые организации могут приносить больше пользы, чем просто выделять гранты. Все чаще отличительной чертой организаций, работающих на благо общества, становится гибридность, «размывание границ» с организациями, имеющими различные правовые формы и использующими различные методы работы.

К сожалению, порой сложно четко обозначить эти новые явления из-за отсутствия ясности в терминологии. «Такие термины, как влияние благотворительности, программные инвестиции, целевое инвестирование, венчурная филантропия, социальные предприятия и т. д., как правило, взаимозаменяемы», говорит Бэрри Габерман. В результате, из-за отсутствия ясности, все эти различные подходы могут быть восприняты скептически. Так, в Южной Африке «еще есть скептики, которые говорят: «почему мы смешиваем бизнес и филантропию?» Тем не менее, Габерман считает, что работа Лестера Саламона Leverage for Good является важной и первой попыткой «придумать последовательную терминологию».[25]

Несмотря на то, что в Азии институциональная благотворительность развивается не так давно, как в Европе и США, этот регион, вероятно, является наиболее прогрессивным, когда речь идет о развитии того, что Азиатская Сеть Венчурной Филантропии (AVPN) называет «социальными инвестициями», или всех видов использования капитала, включая гранты, для создания социальных благ. Согласно опросу AVPN за 2016 год, в рамках которого были опрошены 111 членов этой организации, 2.17 миллиардов долларов США «были распределены во всех секторах и на всех рынках».

> Все чаще отличительной чертой организаций, работающих на благо общества, становится гибридность, «размывание границ» с организациями, имеющими различные правовые формы и использующими различные методы работы”

ВЕНЧУРНАЯ ФИЛАНТРОПИЯ

Согласно веб-сайту Европейской ассоциации венчурной филантропии (EVPA), венчурная филантропия характеризуется тремя основными параметрами: индивидуальные направления финансирования, организационная поддержка, измерение степени воздействия и управление им. Основатели EVPA и представители связанной с ним организации AVPN приняли инклюзивный подход к существующим способам ведения филантропии (рассматривая венчурную филантропию как один из многих подходов, не настаивая на ее исключительности), и это, несомненно, помогло развитию венчурной филантропии. В любом случае, основные направления деятельности венчурной филантропии достаточно схожи с теми, которые присущи большинству фондов. Основной характеристикой венчурной филантропии является предоставление грантов, а не использование активов фонда, а также предоставление нефинансовой поддержки.

С момента своего создания в 2004 году, организация EVPA быстро росла. Она теперь включает 210 членов организации. Несмотря на некоторое первоначально двойственное отношение со стороны более традиционных европейских грантодателей, она стала общепринятой частью благотворительной отрасли, и это случилось именно тогда, когда некоторые существующие фонды приняли подход венчурной филантропии. AVPN, основанный в 2010, развивается еще быстрее, и уже насчитывает 385 членов.

Возможно, наиболее популярная критика венчурной филантропии заключается в том, что она имеет отношение к НКО – поддерживает организации гражданского общества для выполнения конкретной функции, а не поддерживает напрямую гражданское общество, как общественное благо. Ее сторонники утверждают, что венчурная филантропия делает упор именно на создание организаций, а не на поддержку проектов, хотя определенные функции этих организаций остаются ключевыми.

СОЦИАЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ

Инвестирование с целью получения социальной и финансовой отдачи в широком смысле можно определить как использование иных активов, помимо грантового финансирования. Это определение можно было бы также применить к термину «социально ответственное инвестирование» (SRI), о котором пойдет речь в следующем разделе. По данным Net Impact,[26] «основные различия между ними заключаются в стратегиях, используемых для достижения положительных результатов, а также в ожиданиях финансовой отдачи». В рамках инвестиционного анализа SRI ссылается на практику интеграции экологических, социальных и управленческих факторов (ESG), чтобы избежать инвестирования средств в те компании, которые оказывают негативное воздействие на окружающую среду и/или общество. «Принцип повышения отдачи от инвестиций, кроме того, заключается в том, чтобы делать инвестиции в организации, компании и/или фонды, основная миссия которых, наряду с получением финансовой отдачи, заключается в оказании влияния на социальные и/или экологические аспекты».

Принцип импакт инвестирования развивается, но эта идея, определенно, еще не достигла зрелости. Хилари Пирсон считает, что эта тенденция развивается, но «я не могу сказать вам, что это происходит значительным образом среди фондов. Как ассоциация, мы работаем над этой идеей, и у нас в настоящее время есть проект, совместно с нашими коллегами в фондах местных сообществ Канады, о создании онлайн-руководства по улучшению импакт инвестиций, где мы пытаемся ответить на некоторые основные вопросы от фондов».

В Австралии наблюдается большой интерес к импакт инвестированию, отмечает Кристиан Зайберт, «и многие из наших фондов хотят его внедрить. Это небольшая часть их портфеля, но многие небольшие фонды заинтересованы в том, чтобы быть полностью ориентированнами на импакт инвестирование. Он считает, что дело доходит до того, что если фонд не делает этого, люди начинают интересоваться, почему.

Кэрол Мак использует термин «социальные инвестиции», который она определяет как «кредитование организации по ставке ниже рыночной». Вы будете ожидать, что некоторые или все эти деньги вернутся в фонд, и вы также будете ожидать некоторую социальную отдачу». В Великобритании «происходило довольно много всего по этому поводу», – считает она. «Когда мы проводили исследование несколько лет назад, ACF (Ассоциация благотворительных фондов) зафиксировала 50 миллионов фунтов (около 67 миллионов долларов США) сделанных инвестиций, и увидела, что удивительно большое количество трастов и фондов совершили социальные инвестиции». Она также отмечает, что социальные инвестиции могут быть не заменой грантов, а способом сэкономить бюджет грантов. «Некоторые фонды считают, что гранты сейчас являются таким дорогим удовольствием, что если вы можете что-то получить, сделав социальные инвестиции, а не грант, то вы должны это сделать».

Дэнни Шрискандаражах считает, что социальное инвестирование имеет место быть, но это не обязательно происходит через фонды. «Есть много людей, которые разделяют цели частной филантропии или традиционной филантропии, – говорит он, – но они не обязательно делают социальные инвестиции традиционным путем через создание частного фонда».

Потенциал социального инвестирования

Двумя значительными событиями в 2017 году стали запуск Японским фондом мира Сасакава фонда социального инвестирования на сумму 100 миллионов долларов США, который будет сосредоточен на гендерных вопросах, и заявление Фонда Форда о том, что он выделит 1 миллиард долларов США (двенадцатую часть своего капитала) на социальные инвестиции в течение следующих десяти лет. Фонд Нарада в Китае в 2015 и 2016 годах предоставил два льготных кредита социальным предприятиям. Хорошо известно, что американский фонд Heron обязался направить все свои активы на социальные инвестиции. Помимо того, что это заявления сами по себе весьма существенны, они, вероятно, станут поводом для остальных, обратить внимание на социальные инвестиции.

Почему социальное инвестирование медленно прогрессирует?

Тем не менее, социальные инвестиции во многих странах в настоящее время не пользуются особой популярностью. В основном, если фонды и адаптируются к социальному инвестированию, то только отчасти, не уходя с головой в это направление, частично ввиду осторожности и частично из-за отсутствия хороших инвестиционных возможностей. Кристиан Зайберт отмечает, что в Австралии назрела необходимость большего развития по этому направлению, но количество фондов, занимающихся социальным инвестированием, недостаточно велико. Лоуренс Лиен говорит то же самое.

Осторожность не является единственной причиной. Социальное инвестирование в России – это в большей степени лишь обсуждения на конференциях, чем практические действия, считает Оксана Орачева, в основном потому, что большинство российских фондов и НКО недостаточно обеспечены средствами и поэтому не имеют активов для такого инвестирования. То же самое более или менее относится и к Китаю, Испании и Сингапуру, где большинство фондов не имеют значительных активов для инвестиций. Несмотря на то, что по закону китайские фонды должны обладать достаточными активами, говорит Янни Пэн, этот уровень в настоящее время прописан довольно низко. Если вы создали фонд на региональном или провинциальном уровне, нужно только 2 млн. юаней (306,000 долларов США); на национальном уровне вам нужно 50 миллионов юаней (7.6 млн долларов США). Однако ситуация может измениться в конце этого года, когда этот уровень будет поднят до 8 млн юаней (1,2 млн долларов США) и 100 миллионов юаней (15.2 млн долларов США) соответственно

Еще одно препятствие для китайских фондов, использующих свои активы для социального инвестирования, заключается в том, что нормативная среда не дает им импульс развития. Фонды должны делать инвестиции, чтобы защитить свои активы, говорит Пэн, поэтому советы директоров обычно не желают делать рискованные инвестиции. Однако, по ее словам, есть пути обхода. Например, фонд может создать компанию, занимающуюся социальным инвестированием, и заставить компанию делать эти инвестиции.

СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ (SRI)

Джерри Салоле считает, что подавляющее большинство членов Европейского центра фондов (EFC) по меньшей мере, проявляют скепсис – «не финансируйте оружейную отрасль, не финансируйте табачную промышленность, и т.д. – и теперь отрицательное отношение меняется на положительное, и появляются даже те, кто начинает плотно работать с компаниями, в которые они инвестируют, а не уходить из компаний, которые делают то, что им не нравится.» Фонды, – считает он, – работают по всему спектру». Европейские фонды развивались иначе, чем фонды в Великобритании или США, утверждает он (например, Фонд Bosch является владельцем международной компании Bosch, а не наоборот) и «идея того, что вы будете использовать свои общие активы имеет право на существование и начинает иметь некоторую серьезную поддержку».

> “Есть много людей, которые разделяют цели частной филантропии или традиционной филантропии, но они не обязательно делают социальные инвестиции традиционным путем через создание частного фонда”

Движение за запрет инвестиций является важной темой при обсуждении SRI. В то время, как продолжается достаточно увлеченная дискуссия о том, лучше ли отказаться от инвестиций или попытаться повлиять на компании с сомнительными направлениями деятельности, взаимодействуя с ними, число фондов, выбравших отказ от таких инвестиций, растет. Согласно веб-сайту Divest Invest Philanthropy, 155 фондов, семейных офисов и благотворительных организаций подписали обязательство об Отказе Финансирования Филантропии ради прекращения финансирования компаний, занимающихся добычей ископаемого топлива и реинвестирования этих средств на «решения в области глобального климата и новую энергетическую экономику».[27]

Число фондов, выбравших отказ от таких инвестиций, растет… 155 фондов, семейных офисов и благотворительных организаций взяли на себя обязательство прекращения финансирования компаний, занимающихся добычей ископаемого топлива и реинвестирования этих средств на «решения в области глобального климата и новую энергетическую экономику»”

Потенциал SRI

Есть ощущение, что SRI скоро получит сильный толчок к развитию. Хилари Пирсон считает, что «ключевое изменение произойдет, когда в игру вступят крупные институциональные инвесторы. Если пенсионные фонды и банки начнут работать по этому направлению, это изменит рынок, и мы видим, что это уже начинает происходить.» В сентябре 2015 года японский государственный пенсионный инвестиционный фонд, который является крупнейшим в мире пенсионным фондом, с пулом в 240 миллиардов долларов США, подписал документ о Принципах Ответственного Инвестирования ООН и принимает решения, связанные с ESG, по различным направлениям инвестирования.

Точку зрения Пирсона поддерживает Рори Салливан, глава отдела стандартов и долгосрочных инвестиций FTSE Russell, в недавней статье в Financial Times пишет что тенденция к крупным капиталовложениям в эти направления со стороны ведущих мировых фондов указывает на качественный сдвиг. «Оборачиваясь назад, мы увидим, что 2017 год стал переломным для инвестиций в ESG», – говорит г-н Салливан.[28]

Почему развитие идет медленно?

Такой подход может быть достаточно оптимистичен. По словам Маттиаса Фидлера, председателя Отдела этических инвестиций Edge Funders, многие фонды рассматривают свой капитал как средство получения прибыли, а не как «рычаг для изменений», а консерватизм со стороны попечителей и инвестиционных менеджеров является еще одним фактором сдерживания.[29] Многие фонды обеспокоены тем, что инвестиции в ESG могут быть не такими доходными, как традиционные направления, и этим фондам также не хватает опыта в оценке перспектив инвестиций в ESG.

На основании отчета Commonfund, опубликованного в 2016 году Советом по Фондам Социального Инвестирования в США, можно сделать вывод о том, что этот процесс будет развиваться медленно. Было установлено, что из 123 частных и 80 фондов общин, по которым было проведено исследование, только 15 частных фондов и 8 фондов общин стремились делать инвестиции по направлениям, которые отвечали критериям ESG.» Когда было проведено исследование касательно того, какое количество фондов занимается инвестированием по тем направлениям, которые несовместимы с уставом самой организации, соответствующие цифры составили 14 и 17 фондов. Только 25 частных фондов и 20 фондов общин выделили часть своих средств на инвестиции, способствующие выполнению их миссии.

РОСТ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА/ СОЦИАЛЬНОГО БИЗНЕСА

Еще одним важным показателем изменения практики использования капитала в социальных целях является развитие социальных предприятий, которые зачастую получают поддержку в виде социальных инвестиций, а также субсидий, хотя эти два понятия иногда тоже сложно отличить друг от друга. Например, на семинаре в рамках форума WINGS в Мехико в феврале 2017 года больше всего времени ушло на обсуждение того, что такое социальный бизнес, а не на обсуждение его достоинств или недостатков, затем обсуждение перешло к рабочему определению бизнеса, который заинтересован не инвестировать, а возвращать все прибыли и дивиденды обратно в компанию.

Вне зависимости от терминологий, ясно, что это направление все больше присуще многим областям. Несмотря на то, что сектор социальных предприятий в большинстве стран является довольно новым, в докладе AVPN о структуре социальных инвестиций в Азии указано, что в Индии существует 2 миллиона социальных предприятий, в Японии – 51 000, 60 000 на Филиппинах. Тем не менее, Лоуренс Лиен не считает, что этот сектор показывает значительный рост в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Правительства Гонконга, Сингапура, Южной Кореи и Филиппин предпринимают попытки стимулирования социального сектора либо путем смягчения правил для отрасли и облегчения процесса инвестирования, либо путем предоставления стартового капитала для создания социальных предприятий. В Гонконге существует Фонд Социальных Инноваций и Предпринимательства с капиталом 64 млн. долларов США, а в Южной Корее правительство, корпорации и гражданское общество создали совместный фонд для стимулирования развития социальных предприятий.

«Однозначно, отрасль социальных предприятий в Индии развивается стремительно», – говорит Ингрид Шринат. «Ежемесячно появляются десятки новых социальных предприятий. На основании данных отчета FASES, в Австралии насчитывается около 20 000 социальных предприятий.[30] Согласно данным 2015 года, в Великобритании этот показатель составляет около 70 000, а данные нового исследования в сфере социального предпринимательства Шотландии говорят о существовании 5600

социальных предприятий, и в 2016 году их число увеличилось на 400 единиц.

Аталлах Куттаб считает, что в арабском регионе есть много таких примеров-хотя многие так не считают. Например, в Саудовской Аравии «существует много вариантов того, что я бы назвал социальным бизнесом, но это не оформлено как таковое. Строятся рынки, жилье для молодых пар из бедных кварталов-все это делается за счет пожертвований».

Одним из недостатков социального предпринимательства, выявленных на семинаре в Мехико, является то, что оно решает только последствия проблем, а не их причины. Еще одна проблема может заключаться в том, что это направление может отнимать кусок финансирования от таких областей как правозащитная деятельность, которых трудно вовлечь в социальное предпринимательство. Однако, это спорный вопрос насколько те, кто финансирует социальное предпринимательсво будут финансировать правозащитную деятельность.

Потенциал социального предприятия

Куттаб считает, что социальное предпринимательство имеет большой потенциал в арабском регионе. «Во-первых, очень высокая социальная потребность; во-вторых, связь с частным сектором, потому что там есть рабочие места; и, в-третьих, правительство не ограничивает это направление, так что вы можете совершать хорошие дела, не раздражая правительство и, решая важные социальные проблемы»

Говоря о социальном предпринимательстве, он делает больший акцент на его способности создавать рабочие места. «Тут есть свои проблемы, потому что на данный момент много денег тратится на обучение, а не на инвестирование». Для этого требуется больше динамизма и участия частного сектора в выполнении своей роли и в согласовании найма стажеров. Важно то, что он видит в этом потенциально полезную платформу для сотрудничества между филантропией, частным сектором и научными кругами. SAANED продолжает привлекать бизнес для создания более социального воздействия в обычном бизнесе. Если вы хотите иметь какое-либо влияние в обществе, то это именно та деятельность, которой стоит заняться.

Почему социальное предпринимательство развивается медленно?

Одна из причин медленного роста социального предпринимательства в Восточной и Юго-Восточной Азии, по словам Лоуренса Лиена, «это то, что многие не выживают». Это может быть более распространенной проблемой, чем кажется на первый взгляд. Социальное предпринимательство относительно новый сектор, и большинство социальных предприятий являются молодыми, в то время как вспомогательная инфраструктура не успела еще развиться. Кроме того, трудно согласовать социальные и экономические потребности социальных предприятий. Как указывает Лоуренс «иметь две предельных черты сложнее, чем одну».

В Канаде тоже социальным предприятиям предстоит нелегкая борьба. Основным препятствием,согласно отчету за 2013 год[31], является отсутствие четкой правовой структуры. Потенциальные канадские социальные предприятия могут выбрать или благотворительные организации, или бизнес. Если они предпочитают быть благотворительными организациями, им не разрешается получать какую-либо прибыль; если они предпочитают быть компаниями, нет налоговых льгот, и трудно получить доступ к капиталу.

Последнее, по сути, является ключевым препятствием для социальных предприятий на различных этапах их развития во многих местах.

Несмотря на то, что в арабском регионе «много говорят о социальном предпринимательстве, мы не видим, что люди вносят много денег» – говорит Аталлах Куттаб. Одна из причин, это то, что «люди забывают, что социальные инвестиции влекут за собой риск и возможно, прибыль будет только в долгосрочной перспективе, так что необходимо запастись терпением. Когда мы говорим о влиянии инвестиций, люди слышат только слово «инвестиции», забывая, что влияние часто может быть по цене прибыли.

Рабочее совещание в Мехико отметило важную роль для инфраструктурных организаций в объединении традиционной благотворительности и социального бизнеса, чтобы понять, какое воздействие они могут оказать друг на друга. Один из участников напомнил, что некоторые социальные компании настроены столь же скептически по отношению к традиционной филантропии, равно как и последние к социальному бизнесу.

> “Многие социальные предприятия просто не выживают. «Иметь две предельные черты сложнее, чем одну»”

РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ

Эти изменения частично размывают границы между секторами. И Кэрол Мак, и Аталлах Куттаб подчеркивают важность этой тенденции. «Я верю, что это дорога в будущее», – говорит Куттаб. Мы смотрим на очень маленький пирог, который является филантропией, и есть очень большой пирог, который представляет собой весь ВВП, который можно использовать более рациональным способом инвестирования для обеспечения равных социально-экономических возможностей. Все большее количество компаний интересуются социальными целями – отмечает Кэрол Мак. В знак признания этой тенденции к размыванию границ Ассоциация Благотворительных фондов (ACF) пересмотрела свое определение фонда, чтобы включить в этот реестр и те организации, которые вовлечены в социальное инвестирование.

Ингрид Шринат говорит о «целом континууме – социальном предприятии, социальном бизнесе, а также коммерческих вещах, которые имеют социальную цель, и некоммерческих вещах, которые носят более деловой характер». Азиатская Сеть Венчурной Филантропии (AVPN) также работает над тем, что она называет континуумом капитала, где нет четкого различия между коммерческой и некоммерческой деятельностью.

Этому способствует целый ряд факторов:

- Растущее число предпринимателей, которые становятся филантропами и их адаптация деловой практики (то, что они знают лучше всего) – к благотворительности.
- Относительная слаборазвитость профессиональных фондов в странах с формирующейся рыночной экономикой, у которых есть инвестиции, а не просто пожертвования, как лучший вариант для благотворительного сектора.
- Стремление к эффективности. Основатели Европейской Ассоциации Венчурной Филантропии (EVPA), например, были во многом мотивированы желанием сделать их пожертвования более эффективными. Деловой подход для оценки работы НКО помогает в достижении этой цели.
- Осознание того, что для решения многогранных проблем потребуется нечто большее, чем просто опыт и ресурсы, на которые может опираться филантропия.

На конференции AVPN 2017 года Шуйчи Онно из Фонда мира Сасакавы отметил, что мы живем в мире с низкими интересами, и традиционные инвестиции фонда приносят меньшую прибыль, затрачивая больше ресурсов. Аталлах Куттаб тоже отмечает необходимость привлечения как можно большего капитала – то, что он называет «очень большим пирогом» -для того, чтобы справиться с проблемами, которые кажутся огромными и неразрешимыми.

Джерри Салоле считает, что речь идет о гораздо большем, чем просто развивающемся благотворительном секторе. Институциональная филантропия может внести больший вклад в создание хороших обществ, чем просто деньги. Он также отмечает размытые границы определений внутри сектора и развитие гибридных форм. Мы видим тенденцию к большему количеству организаторов, больше людей, признающих, что они не просто спонсоры. Они инвесторы, они партнеры, их способность финансировать независимое мышление используется все больше. Ван Лир, например, становится скорее мозговым центром, чем учреждением по предоставлению грантов.

Он также чувствует, что размытие понятий приносит с собой «меньшую одержимость деньгами, поэтому, вы начинаете видеть фонды, созданные приватизацией государственных ресурсов или, что-то еще более захватывающее, правительства, предоставляющие деньги в фонд, говорят: «Вы можете сделать это лучше, чем мы». Это тенденция, которую он видит в Европе в очень чувствительных областях. Интеграция мигрантов-очень интересная сфера, как и радикализация. Уход от одержимости деньгами, – считает он, – позволяет фондам играть на других своих сильных сторонах.

> “Институциональная филантропия может помочь обществу больше, чем просто деньгами”

6

Сотрудничество

Эта глава посвящена сотрудничеству, как внутри благотворительного сектора, так и между секторами, а также различным причинам, по которым возникают затруднения в сотрудничестве. Также рассматриваются Цели Устойчивого Развития, которые способсвуют развитию сотрудничества.

Сотрудничество между благотворительными учреждениями, так и с другими секторами, все чаще преподносится, как способ максимизации воздействия благотворительности в целом, оптимального использования ограниченных ресурсов и объединения усилий различных секторов самым эффективным образом.

Тем не менее, респонденты этого исследования могли бы дополнить это определение и рассказать почему сотрудничество так трудно воплотить в реальность. Сдерживающие факторы включают в себя сохранение независимости фонда, время,затраченное на достижение результата, а также отсутствие кадровых ресурсов в благотворительных учреждениях. Басак Эрсен однозначен в своем мнении. Существует лишь небольшое сотрудничество между фондами в Турции и никакого сотрудничества с правительством. Фонды не являются исключением в общем тренде недоверия друг к другу, которое Басак видит в основе большинства действий в Турции. «Люди не доверяют фондам, фонды не доверяют людям, а фонды не доверяют друг другу».

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ФОНДАМИ

В Колумбии, Ассоциация семейных и корпоративных фондов (AFE) добилась прогресса, несмотря на тенденцию корпоративных фондов, в частности, действовать в одиночку. Они запустили совместный проект «Учимся работать вместе» (значительное название). Это общий проект, в центре внимания которого находится вода, говорит Каролина Суарес, хотя этот проект будет иметь намного большее значение в плане образования и проектов, приносящих доход и т.д. Смысл проекта заключается в том, чтобы фонды поняли, что они не могут оказывать финансирование только в своих регионах или там, где у них есть интересы. Несмотря на то, что существует независимый механизм, фонды финансирования будут продолжать участвовать в исполнительном комитете и ассамблее с представителями 17 участвующих фондов. Проект направлен на формирование консолидированного видения региона, и это будет движущей силой приверженности проекту участвующих фондов.

«Такое единое региональное видение имеет решающее значение для реализации инициативы в будущем» - говорит Суарес. Мы понимали важность рычагов совместной работы и положительный эффект от работы фонда AFE с целью улучшения качества жизни в сообществах проекта.

В то время как некоторое сотрудничество все же происходит в Южной Африке – «есть сотрудничество по решению конкретных проблем, есть некоторые инфраструктурные организации, которые пытаются поддержать сотрудничество, есть поддержка международных фондов, базирующихся в Южной Африке, а также местных фондов» – этого все равно недостаточно, говорит Халима Магомед. Она видит лидерство как ключевой фактор в создании и поддержание сотрудничества. «Когда вы находите единомышленников, чье мышление ориентировано на одни и те же цели, становится проще сотрудничать».

В Великобритании Ассоциация Благотворительных фондов (ACF) имеет 14-15 тем, включая уголовное правосудие, защиту детей и молодежи, а также предоставление убежища и помощь беженцам. ACF предоставляет достаточное количество ресурсов, чтобы поддерживать эти темы, говорит Кэрол Мак, и у нее также есть платные подразделения, считает она. «В связи с этим мы начали задаваться вопросом, что произойдет, если мы возьмем более межсекторальный подход, поэтому в настоящее время мы изучаем потенциал для совместной работы фондов по борьбе с нищетой. «Главное в сотрудничестве, – считает она, – это идти туда, где есть импульс и где есть интересы».

Для Барри Габермана ключевой вопрос заключается в том, существует ли вовсе подлинное партнерство. Не все то, что выглядит как сотрудничество, на самом деле им является, считает он. Когда группа фондов финансирует деятельность, они говорят об этом, как о сотрудничестве, хотя на самом деле это просто совместное финансирование. Между вами существует партнерство, когда у вас есть разные организации, которые предоставляют ресурсы и те, кто непосредственно выполняют работу. Он отмечает трудности, связанные с такими партнерствами- присущие фондам узость взглядов, неравноправные отношения, которые означают, что люди должны отдать немного своей независимости, но Барри считает, что все меняется к лучшему и есть потенциал для реального сотрудничества.

Сотрудничество может быть способом компенсации риска, поскольку оно делает отдельных доноров менее доминантными. С другой стороны, один из опрошенных считает, что сотрудничество может увеличить риск в некоторых обстоятельствах, так как вы не можете контролировать и отвечать за действия других партнеров.

> “Сотрудничество, между благотворительными учреждениями, так и с другими секторами, все чаще преподносится, как способ максимизации воздействия благотворительности в целом, оптимального использования ограниченных ресурсов и объединения усилий различных секторов самым эффективным образом”

> Миллениалы, которые могут либо создавать фонды, либо ими управлять, как правило, более склонны к сотрудничеству”

Почему так трудно сотрудничать?

По опыту Дэнни Срискандараджи «частные благотворительные организации имеют наименьший стимул к сотрудничеству, и в большинстве случаев, делают только хуже». Они почти не предназначены для сотрудничества, – говорит Дэнни. Они были изначально созданы, чтобы быть независимыми. Каролина Суарес также отмечает, что привычка к отчетной независимости делает фонды мало расположенными к сотрудничеству. Более того, если они являются корпоративными фондами, как члены Ассоциации семейных и корпоративных фондов (AFE), они впитывают дух конкуренции со стороны своих учредительных компаний, считает Каролина.

Джерри Салоле также видит огромный пробел между «хорошо понятной» потребностью в сотрудничестве и реализацией этой идеи. Цифровые Защитники детей (DNA) и музыкальные фонды являются автономными. Они очень гордятся своей способностью быстро адаптироваться и иметь собственные процессы принятия решений, а также быть экспертами в своей области.

Все это означает, что вы очень уверены в своем собственном способе работы и менее уверены в эффективности партнерских организаций – отсюда и нежелание сотрудничать. В противном случае, отказ от власти и сотрудничество-это вызов. Это вечная проблема, но вы должны быть очень открытыми и прозрачными. «Частью работы Европейского Фондового Центра (EFC) является поощрение сотрудничества, но вы должны признать, что эта проблема существует. Вы не можете притворяться, что решить эту проблему будет легко или что это не имеет значения».

В Канаде, говорит Хилари Пирсон, немногие фонды хорошо укомплектованы, и лишь некоторые работники обладают навыками управления сотрудничеством. «Чтобы быть успешными в сотрудничестве, Вы должны быть очень внимательными и обученными». Кроме того, семейные фонды, как правило, управляются закрытыми группами, которым трудно привнести новые идеи.

Она также считает, что «среди некоторых фондов старой школы, которые стояли у истоков благотворительного сектора, есть тенденция считать, что их благотворительность является частной. Однако это может измениться. Миллениалы, которые могут либо создавать фонды, либо ими управлять, как правило, более склонны к сотрудничеству». Однако если вы присоединились к благотворительным фондам Канады (PFC), то значит вы уже замотивированы на сотрудничество. Более того, за последние пять лет мы видели развитие большого количества благотворительных групп, чего раньше не было.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ФИЛАНТРОПИЕЙ И ГОСУДАРСТВОМ

Одним из примечательных примеров межсекторального сотрудничества является инициатива «Динамичные общины» (Vibrant Communities), организованная институтом Tamarack, которая в течение последнего десятилетия и по настоящее время работает в 13 городах Канады, в результате чего бизнес, меценатство и власть вместе на муниципальном уровне разрабатывают стратегии сокращения уровня нищеты. Это пример того, что сотрудничество может быть проще на меньшем, муниципальном уровне.

Еще один хороший пример - работа лондонского фонда Cripplegate Foundation, отмечает Кэрол Мак. Фонд Cripplegate работает в определенной части Лондона и в настоящее время обязался «играть активную роль в местных партнерских объединениях, которые борются с нищетой и неравенством».[32] Так как они не справлялись с объемом, который на них нахлынул, они начали собирать средства и привлекать другие фонды и компании, которые имеют интерес в этой области. Это отличный пример межсекторального сотрудничества. Она также приводит примеры в национальном масштабе. Существует кампания «Я буду», финансируемая большим лотерейным Фондом, Кабинетом Министров и рядом других фондов. Кампания по прожиточному минимуму является как национальной, так и межсекторальной. Если вопрос имеет национальный масштаб, то добиться сотрудничества возможно, считает Кэрол.

В Индии Ингрид Шринат видит два пути, по которым сотрудничество между двумя секторами начинает по немногу происходить, хотя в обоих случаях есть свои недостатки. «Во-первых, правительство поощряет филантропию в направлении, за которое отвечает правительство (тенденция, которая кажется почти универсальной). А также есть «довольно наивное утопическое убеждением филантропов и НКО, что «мы разработаем модель, а затем правительство поможет нам ее интегрировать». Некоторые смогли воплотились свои идеи в жизнь, но в большинстве случаев, они просто выдают желаемое за действительное, считает Ингрид.

Многие виды деятельности фондов в России одобрены местными, региональными или федеральными органами власти, но в большинстве случаев, правительство не принимает никакого участия в благотворительности. Иногда имеет место более активное участие, когда должностные лица фактически участвуют в деятельности НКО. Проблема заключается в том, что участие в благотворительности зависит от личной инициативы, а не продиктована политикой правительства. Большинство государственных чиновников либо нейтральны, либо не заинтересованы. Единственной движущей силой вовлеченности чиновников является их заинтересованность в деньгах.

В Испании, сотрудничество также сильно зависело от денег, хотя сейчас оно кажется более искренним. «После кризиса, когда государственные средства стали очень скудными, – говорит Роза Гальего, – государственный сектор спросил у фондов: «как мы можем сотрудничать?». Это произошло в научной деятельности, с фондами, которые поддерживают исследования. Это привело к созданию совместной национальной рабочей группы. Здесь речь не идет о том, чтобы залезть в карманы фондов, потому что не у многих из этой группы есть деньги», – говорит Роза.

Несмотря на то, что отношения между филантропией и правительством в Пакистане неоднозначны, существуют НКО, которые продуктивно работают с правительством. В Пенджабе, например, где государство не способно поддерживать государсвенные школы, они попросили помощи у НКО. Несколько компаний также поддерживают эту инициативу, говорит Шазия Амджад. Более того, «некоторые из них финансируются правительством, но не все, поэтому благотворительные средства пополняют школьный бюджет. Это продолжается чуть больше года, и это оказалось довольно успешным проектом».

Успех сотрудничества отчасти зависит от тематики. Отношения между правительством и общественными организациями, как правило, лучше в классических «безопасных» областях, таких как образование и здравоохранение.

Партнерство между филантропией и правительством очень редко встречается в Сингапуре, говорит Лоуренс Лиен. Но в Восточной Азии потенциал намного больше.

Лоуренс говорит, что деньги в Сингапуре не проблема. Правительство считает, что у него есть и деньги, и решения проблем. «В соседних странах все по-другому. Они хотят, чтобы филантропия была финансово вовлечена, потому что у них действительно существует дефицит бюджета, и, кроме того, они борются за эффективность «из-за отсутствия потенциала и коррупции». В Сингапуре, по его мнению, более благоприятная почва для реального сотрудничества. «Филантропы- это зачастую люди, которые ведут успешный бизнес,которые могут использовать свои навыки и опыт в благотворительных программах».

На данный момент в Турции сотрудничество с правительством даже не обсуждается. «Смешно даже говорить о сотрудничестве с правительством- говорит Басак Эрсен. - Становится все хуже и хуже. Наоборот, они становятся врагами. Сейчас это улица с односторонним движением. Все исходит от правительства, и вы должны принять это или проигнорировать. Нет никакого реального сотрудничества».

Что мешает сотрудничеству между филантропией и государством?

Несмотря на то, что у обеих сторон есть готовность вступить в дружественные отношения, и начать делать добрые дела, существует некая настороженность в отношениях и склонность ставить собственные интересы выше интересов партнера. Самая распространенная претензия со стороны филантропии заключается в том, что правительство рассматривает филантропию лишь как удобный карман, в который можно залезть по требованию, и доложить из него к основному бюджету. Хотя общеизвестно, что средства Фонда ничтожны по сравнению с государственными бюджетами, факт остается фактом: благотворительность рассматривается во многих правительственных кругах как своего рода чрезвычайный резерв. «С точки зрения межправительсвтенной деятельности, – говорит Дэнни Шрискандараджа, – мы явно находимся на том этапе, когда, государственные средства на поддержку международной деятельности иссякают, и фонды являются частью стратегии спасения, источником средств, которым государство может воспользоваться».

Отчасти это вопрос мотивации: есть ли веские основания для сотрудничества?

Видят ли фонды какой-либо стимул к сотрудничеству, зависит от того, как они видят свою роль, говорит Шрискандараджа. Если они видят свою роль лишь в том, чтобы просто распределять благотворительные пожертвования, «они вряд ли будут иметь сложные или прочные отношения с любыми другими секторами. Но если их целью являются более масштабные изменения, включая политику, им придется научиться лавировать между различными заинтересованными сторонами.»

Лоуренс Лиен считает, что с момента обретения независимости в 1965 году правительство Сингапура не видит большой роли в благотворительности. Существует традиция сильного, отцовского правления, и это имеет тенденцию «вытеснять индивидуальные действия» в формате филантропии. В первые дни правительство национализировало школы, большую часть государственного жилья и здравоохранения. Это меняется, считает он, по мере того, как социальные вопросы усложняются, и правительству уже не так легко справиться с ними. Тем не менее, правительство, как правило, не обращается к некоммерческому сектору для решений задач, но они рады, если филантропия участвует в уже разработанных ими проектах и не «вмешивается в политику».

По его словам, в Сингапуре существует сильная контрактная модель, в которой предоставление услуг передается на аутсорсинг НКО, но опять же правительство очень тщательно ее регулирует, «устанавливая параметры финансирования и контролируя проектные мероприятия.» В той мере, в какой правительство Сингапура хочет поощрять благотворительность, это скорее символическая, чем практическая поддержка – «не столько для инновационных решений, потому что правительство все еще считает, что у него есть большинство решений проблем, но ради содействия более инклюзивному обществу, где имущие, как видимо, отдают неимущим.»

Отсутствие взаимопонимания также является проблемой. В то время как Кристиан Зайберт видит «отличные примеры сотрудничества» в Австралии и «растущее желание обеих сторон делать больше», он также видит ряд проблем по таким вопросам, как: с чего вы начинаете, как вы обсуждаете конечные результаты и каковы соответствующие роли?

Он чувствует, что обе стороны не понимают друг друга настолько хорошо, насколько могли бы. Отчасти причина кроется в опыте. «В США, – говорит он, – многие старшие руководители фондов имеют опыт работы в правительстве, и между этими секторами существует ротация, но в Австралии это не так.»

Для улучшения взаимопонимания и искреннего сотрудничества, Филантропия Австралии проводит ежегодную благотворительную встречу на высшем уровне парламента «чтобы наши члены организации могли поехать в Канберру и поговорить с политиками и, что более важно, с чиновниками, которые работают в секторе. Мы также обсуждали программу по обмену опытом для правительственных чиновников, чтобы они проводили время в фонде и знакомились с его работой. По мере того, как эти чиновники перемещаются по правительственным кругам и растут по карьерной лестнице, они распространяют полученные знания».

Существует ли искреннее партнерство?

Были случаи, когда так называемое сотрудничество между благотворительностью и правительством действительно означало, что правительство ищет поддержку для своей будущей стратегии. В 2016 году, продолжает Зайберт, австралийское правительственное ведомство выпустило брошюру о проектах, которые они выбрали и проверили, приглашая благотворительный сектор, бизнес и общественность поддержать эти проекты. «Я был бы очень удивлен, если бы кто-нибудь заинтересовался». Проекты уже созданы. По сути «партнерам» просто предлагалось оплатить эти инициативы. Как отмечает Зайбер, многие благотворительные спонсоры справедливо чувствительны к тому, чтобы заполнять финансовые дыры за правительством, но они также очень заинтересованы в сотрудничестве и рычагах управления».

Халима Магомед описывает аналогичный пример из Южной Африки. В 2016 году правительство начало исследование, чтобы изучить вопрос, как оно может использовать благотворительность. Исследование было очень ограничено, потому что рассматривало только то, какой вклад благотворительность может привнести на пути к запланированным целям, и не рассматривало перспективы поддержки благотворительного сектора с целью развития на более масштабном уровне.

Она отмечает, что некоторые фонды готовы работать в этой ограниченной области, но все сводится к тому, как фонд видит свою роль. «Видит ли он себя как посредник, между государством и социальной работой, или же он видит себя проводником перемен? Оба примера возвращают нас к точке зрения Барри Габермана об искренном партнерстве. Суть вопроса в том, как сотрудничество трактуется обеими сторонами.

AFE из Колумбии рассматривает сотрудничество между государством и филантропией как нечто большее, чем просто поставщик услуг, «но на данный момент большинство фондов именно так и воспринимают работу с правительством», - говорит Каролина Суарес. Маловероятно, что это изменится после принятия нового закона, который потребует от фондов, работающих над правительственными проектами, 30 процентов софинансирования по проекту. Несмотря на то, что новые механизмы будут предусматривать совместное финансирование, нет никаких предположений о том, что они повлекут за собой сотрудничество в смысле совместной разработки и ответственности.

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ЦУР)

Сотрудничество между секторами рассматривается как важнейшее условие успеха Целей Устойчивого Развития (ЦУР). Что интересно, считает Барри Габерман, так это то, что, в отличие от целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, тут «была предпринята реальная попытка включить в дискуссию коммерческие и некоммерческие сектора, которая была достаточно успешной». Он отмечает платформу благотворительности ЦУР как подлинную попытку связать благотворительность США с ЦУР.

Взаимодействие фонда с ЦУР ...

Как фонды реагируют на ЦУР в остальном мире? Работают ли они поэтапно, согласовывая стратегию или ломают голову? Что касается европейских фондов, то «все вышеперечисленное» – считает Джерри Салоле. «Есть учреждения, которые говорят: «мы наконец-то понимаем, где можем сыграть важную роль, в решении актуальных проблем», в то время как другие говорят:

> “Сотрудничество между секторами является ключевым фактором для успеха устойчивых целей развития”

«Я делаю то, что делаю. Я понятия не имею, как это вписывается в общую картину», но есть и другие, которые заинтересованы в решении таких проблем, но ошеломлены количеством и масштабом целей».

Он отмечает, что есть члены Европейского Фондового Центра, которые участвуют в обоих инициативах: в США Платформа благотворительности ЦУР, возглавляемая Программой развития Организации Объединенных Наций (UNDP) и консультантами по вопросам благотворительности и центром фонда Рокфеллера, а также базирующейся в ОЭСР сетью фондов, работающих в интересах развития (NetFWD). Обе оказывают поддержку институциональным благотворительным организациям, которые ищут способы взаимодействия с ЦУР. Благотворительная платформа ЦУР действует в Колумбии, Гане, Индонезии, Кении, Замбии и Бразилии. NetFWD, созданная ОЭСР в 2012 году, как «глобальная сеть фондов, которая стремится оптимизировать влияние благотворительности на развитие сектора в целом» не была специально разработана для ЦУР, но она активно лоббировала включение филантропии в процесс разработки целей и в настоящее время служит координационным центром для фондов, стремящихся работать над ними.

В Италии Assifero (ассоциация фондов-доноров)является одной из координационных организаций, которые активно продвигают ЦУР. В Испании, с другой стороны, отсутствие активности по ЦУР является «большой ошибкой фондов», считает Роза Гальехо.

Но есть исключения, такие как La Caixa (который, как правило, является исключительным в большинстве случаев), но «Испанская Ассоциация фондов (AEF) на самом деле никак его не продвигает, и поэтому, мы не понимаем, как наши члены организации работают с ними.»

Хорошим примером совместных усилий по достижению целей, в которых участвуют европейские фонды, является коллектив «с девочками и для девочек» по инициативе Фонда «Stars», с партнерами, включая «Mama Cash», «Plan UK International» и Глобальный фонд для детей.

Колумбия имеет особый интерес к ЦУР, говорит Суарес, поскольку они предложили способ активизации развития страны после заключения мира. «Мы являемся местным партнером платформы благотворительности ЦУР», - говорит она. «Для нас необходимо использовать ЦУР в нашей работе, потому что это способ привлечь фонды и общество в целом, выйти за рамки мирного процесса и посмотреть на общую картину реального развития». Координационным центром для этого является 16 ЦУР о мире, справедливости и сильных учреждениях, которые совпадают с Национальным планом развития Колумбии, тремя главными планами которого являются мир, равенство и образование. Как указывалось в докладе Ассоциации семейных и корпоративных фондов (AFE) Колумбии в начале прошлого года,[33] мир-это нечто большее, чем просто прекращение вооруженного конфликта. Переход от насилия к открытому демократичному обществу потребует выполения многих задач.

> “Целью устойчивого развития является способ взглянуть на общую картину реального развития”

AFE запустила карту проектов своих членов (более 1500 участников) и «вы можете отфильтровать их в соответствии с ЦУР и вашими целями» – говорит Суарес. На момент проведения этого исследования AFE планировала провести совместный семинар с Межамериканским банком развития в сентябре, чтобы посмотреть, как колумбийские фонды могут включить ЦУР в свою работу.

... и намерения вступить с ними в контакт

Однако во многих местах реакция благотворительного сектора на ЦУР характеризуется скорее намерением, чем деятельностью. В недавнем опросе грантодателей из арабского региона более 90% заявили, что хотят принять участие в ЦУР, хотя только 37% из них продвинулись дальше внутренних обсуждений (и в основном «продвигаться дальше» означает обсуждения с другими, а не реальные инициативы). Естественно, бывают исключения. Фонд Короля Халида в Саудовской Аравии провел оценку своей программы в отношении ЦУР и сейчас разрабатывает стратегию на выделение больших ресурсов для достижения целей.

Правительство Пакистана недавно создало группу по ЦУР для проведения консультаций с соответствующими заинтересованными сторонами по вопросу о том, каким образом различные партнеры, включая благотворительные, могут способствовать достижению этих целей. Но, говорит Шазия Амджад, «я не думаю, что у правительства есть какая-либо ясность какие существуют типы благотворительных фондов и как их можно использовать». Она отмечает другую проблему: «большинство общественных фондов, за некоторыми исключениями, не знают, что такое ЦУР». Тем не менее, она надеется, что может появиться общая стратегия.

Попытка соединить мировые проблемы с местными

Одна из проблем заключается в том, что местные организации, как общественные, так и благотворительные пытаются согласовать свои собственные приоритеты с формулировками ЦУР. «В Сингапуре например совсем мало используется язык ЦУР», – говорит Лоуренс Лиен. «Как будто это не имеет к нам никакого отношения».

По словам Хилари Пирсон, в то время как инфраструктурные органы Канады, в том числе Благотворительные Фонды Канады (PFC) и фонды местных сообществ говорят о ЦУР, им еще не удалось достичь никаких результатов.

Отчасти это связано с тем, что мы не смогли установить связь между ними и работой, которую фонды проводят на местах. Фонды могут сказать: «у нас есть несколько проектов, направленных на ликвидацию нищеты на местном уровне, но я не знаю, как связать их с каким-то конкретным заявлением Канады о широком воздействии благотворительности.» «Так что это недостающая часть, над которой мы работаем». (Во время сбора данных для настоящего доклада в Оттаве должно было состояться совещание, созванное канадским правительством с участием ряда координационных благотворительных групп с целью установления этих связей. Хилари Пирсон надеется, что к концу этого года «у нас будут некоторые инструменты, которые могут помочь участникам понять, зачем нужна структура и как ее связать с тем, что они делают»).

По данным семинара для арабского региона, правительство недостаточно поддерживает структуры ЦУР, за исключением Марокко. Следовательно, местные НКО также не чувствуют себя обязанными координировать свою работу с ЦУР. В целом, участники семинара сочли, что ЦУР, возможно, не являются наилучшей основой для осуществления реальных и долгосрочных изменений на местном уровне.

Другая проблема заключается в том, что цели, которые явно предназначены быть универсальными в применении, на деле не всегда воспринимаются таковыми. «У нас были дискуссии о том, как ЦУР работает в Великобритании, – говорит Кэрол Мак, – но я вижу, чтобы наше собственное правительство говорило о ЦУР в Великобритании, только в международной обстановке, и я думаю, что то, как правительство подходит к целям, устанавливает рамки для участия в стране в целом».

Насколько важны Цели Устойчивого Развития (ЦУР) для филантропии?

«Мне кажется, – говорит Халима Магомед, – что с прогрессивными благотворительными организациями дело обстоит следующим образом: «вот проблемы, которыми мы хотим заняться. Если есть соответсвие с ЦУР, отлично». Для небольших организаций, которые не имеют прогрессивной повестки дня или больших возможностей, говорит Халима, можно придумать полезный шаблон, «но этим никто не пользуется».

Дэнни Шрискандараджа рассматривает платформу благотворительности ЦУР как «хорошую попытку обеспечить инфраструктуру данных фондов для мониторинга их расходов в сравнении с ЦУР». С другой стороны, «я боюсь, что мы увидим больше подходов для галочки и мало реальных преобразований в плане сотрудничества, и нам, возможно, потребуется внести существенные изменения». По его мнению, «вероятно, единственным вариантом для фондов оказать значительное влияние на ЦУР и устойчивое развитие в целом, – это изменить свою инвестиционную практику, а не вносить некоторые незначительные изменения в их предоставление».

Многие из членов Филантропии Австралии слышали о ЦУР, говорит Кристиан Зайберт «хотя не факт, что они поняли, какое отношение имеют ЦУР к филантропии. В этом плане инфраструктурные организации могут играть образовательную роль, и это то, чем планирует заняться Филантропия Австралии в 2017 году.Тем не менее, он продолжает: «с циничной точки зрения, это куча целей, которые никогда не будут измерены должным образом, или правительства просто выберут несколько показателей, которые они будут измерять, чтобы удовлетворить самих себя. Это подчеркивает важную роль общественных организаций в привлечении правительства к ответственности за работу по достижению поставленных целей».

Дженни Ходжсон тоже неоднозначного мнения. «Если все ЦУР означают, что частные фонды в Замбии, скажем, начнут давать пожертвования ООН, это будет неприемлемый результат.» И речь идет не только о деньгах, но и об усилении существующей динамики власти: «часто местные фонды, которые не доверяют общественным организациям, считают, что давать пожертвования ООН – это верный путь, и я думаю, в этом заключается проблема. Это позволяет избежать вопроса о том, как мы делаем общества более справедливыми, более эффективными, более равноправными». Если вы не можете использовать цели для продвижения некоторых фундаментальных вопросов, таких как равенство и власть, думает Дженни, то все это выглядит как «хорошее упражнение, где все показывают, что они делают важную работу, но в итоге ничего не меняется». Она отмечает «большой разговор» в Кении о ЦУР, но «мне всегда кажется, что одни и те же участники не занимаются одними и теми же фундаментальными вопросами. Структура не обязательно облегчает системное мышление, потому что она была создана конечной системой».

Аталлах Куттаб подводит итог двум противоречивым течениям в мышлении институциональной филантропии. С одной стороны, каждый видит необходимость для комплексного развития: «вы не можете заниматься образованием, здравоохранением и так далее в одиночку. Партнерские отношения очень важны и разные субьекты должны работать вместе. С другой стороны – это цинизм. Фонды считают, что ООН и национальные правительства охотятся только за благотворительными деньгами и не заинтересованы в подлинном партнерстве.

Это произошло с целями в области развития, сформулированными в Декларации тысячелетия «мы возьмем ваши деньги, мы лучше знаем, что с ними делать».

Кроме того, закрытое пространство, в котором работают общественные организации в арабском регионе означает эффективное сотрудничество правительства с «криминализированным сектором». Атталах считает, что «если не будет послабления законов, это просто пустые разговоры. ЦУР будут просто инструментом сбора средств; фонды и НКО будут говорить, что они согласованы с ЦУР, чтобы они могли захватить часть денег, которые могут быть потрачены на ЦУР, не больше и не меньше».

Басак Эрсен знает лишь несколько организаций, которые работают над ЦУР в Турции. Также Оксане Орачевой не известны фонды, работающие над ЦУР в России. В случае с фондом Потанина, говорит Оксана, «они совсем не близки к тому, что мы делаем, может быть, потому, что у них другая риторика». «Возможно это имело бы больший смысл, если бы они были больше интегрированы в масштабную повестку дня, но я пока не вижу изменений». Янни Пэн говорит, что общее мнение об институциональной филантропии в Китае таково: ЦУР – это больше повестка дня международного сообщества. Нет национальной платформы. В Фонде Narada: «мы не позиционируем себя вокруг ЦУР».

> “Нам необходимо эффективное участие многих заинтересованных сторон, а также платформа для диалога, сотрудничества и взаимной подотчетности”

Скоординированная Национальная стратегия?

Австралийские фонды рассматривают варианты, как они могут «достичь намеченных результатов и как Цели Устойчивого Развития (ЦУР) могут это обеспечить в рамках национальной и международной повестки дня», – говорит Кристиан Зайберт. Несмотря на пример Австралии, из того, что было реально сделано, станет очевидным, что скоординированные национальные стратегии немногочисленны и далеки друг от друга, даже в благотворительном секторе.

«Нам нужно эффективное участие многих заинтересованных сторон и платформа для диалога, сотрудничества и взаимной подотчетности, – говорит Дэнни Шрискандараджа, – но я не вижу, чтобы это происходило. Трудно рассчитывать даже на небольшое сотрудничество, поэтому было бы слишком оптимистичным иметь скоординированную Национальную стратегию».

Ингрид Шринат пока не видит платформы для согласованной стратегии или официального сотрудничества. VANI, Национальная платформа НКО в Индии, пытается сформулировать вещи с точки зрения ЦУР, но я не уверена, добились ли они какого-либо результата. Я также не слышу никаких новостей от правительства, поэтому подозреваю, что в основном агентства ООН ориентированы на ЦУР. Ингрид в любом случае сомневается в целесообразности идеи о платформе,поскольку, по ее мнению, это может превратиться в совещательный орган.

ЦУР станут самой большой характеристикой международного ландшафта развития в период до 2030 года, и институциональная благотворительность неизбежно будет иметь к ним какое-то отношение. Форма, в которую будут оформлены эти отношения будут варьироваться от места к месту. Вполне вероятно, что, как минимум, фонды будут сопоставлять то, что они делают, с соответствующими целями. Станут ли они более искренними в своих целях, будет зависеть от того, кто возьмет инициативу на себя на местном или национальном уровне, и могут ли национальные правительства и ООН развеять скептицизм, который существует во многих областях. На данный момент, для многих благотворительных учреждений слова «международная повестка дня в области развития» почти бессмысленны.

> “ЦУР станут лишь инструментом сбора средств: фонды и НКО будут говорить, что они согласованы с ЦУР, чтобы они могли захватить часть средств, которые могут быть потрачены на ЦУР, не более и не менее”

7

Филантропия, государство и гражданское общество

В то время как правительство часто поощряет благотворительность и НКО, когда они делают ту работу, которую оно одобряет,правительство также может быть враждебным, когда речь заходит об их собственных интересах. Эта глава посвящена зачастую двойственным отношениям правительства к общественным организациям и филантропии. В ней также рассматриваются некоторые более позитивные изменения для НКО, а также налоговые льготы и стимулы для доноров и благополучателей.

Общие рамки взаимоотношений между филантропией и гражданским обществом достаточно ясны. Благотворительность осуществляется главным образом через гражданское общество. Как выразился Гарри Габерман: «Филантропия, большую часть своей работы осуществляет за счет действующих организаций гражданского общества. Существует прямая связь, между НКО и благотворительными организациям».

Отношения с правительством более сложные. В докладе WINGS 2017 «Новый мировой образ благотворительных организаций» Адам Пикеринг из CAF отмечает парадоксальную ситуацию, что, хотя многие правительства стремятся поощрять филантропию с одной стороны, они мешают им финансировать то, что нравится, с другой.

Таким образом, с одной стороны, правительство терпимо относится к гражданскому обществу и даже поощряет его в той мере, в какой оно выполняет свою работу, которую оно одобряет, включая фонды, финансирующие общественные организации. С другой стороны, когда общественные организации ставят под сомнение позицию или политику правительства, поддержка часто заменяется враждебностью. В большинстве случаев, результат таких действий отражается в карательном законодательстве. Опасение Габермана, как и многих других, выражается в том, что пока те НКО, которые работают на «безопасной стороне» – социальное обслуживание, здравоохранение, образование, искусство будут процветать, угрозы для общественных организаций приведут к тому, что те НКО, кто занимается провокационными вопросами– социальная справедливость, права человека, независимая политика, анализ – будет все труднее финансировать.

> Угрозы для общественных организаций приведут к тому, что те НКО, кто занимается провокационными вопросами – будет все труднее финансировать”

ДВОЙСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Государственная поддержка общественных организаций и благотворительности ...

Правительства все чаще заключают контракты с НКО на оказание конкретных услуг. Эта практика хорошо себя зарекомендовала в Великобритании и Австралии, и это, например, только начинается в России. «Для многих российских НКО, – говорит Оксана Орачева, это путь к устойчивому будущему.» Оксана видит много областей, где опытные НКО могут достичь гораздо больших результатов, чем правительство, например, в паллиативном уходе или уходе за сиротами. В результате давления со стороны НКО и благотворительных учреждений, заинтересованных в тех или иных областях, было введено новое и усовершенствованное законодательство (хотя, в скобках Оксана отмечает, что закон о благотворительности, принятый в 1996 году, нуждается в обновлении).

«Китайские НКО играют все большую роль в предоставлении услуг, отмечает Янни Пэн, опять же в аналогичных областях – уход за престарелыми, услуги для инвалидов и образование.» Индийское правительство «очень поощряет филантропию до тех пор, пока она соответствует их мнению о том, чем она должна заниматься», говорит Ингрид Шринат. Она отмечает, что используют больше «пряник, чем кнут», и нет никаких формальных ограничений на то, куда вы можете финансировать средства.

Правительство также часто является источником финансирования общественных организаций за счет грантов. Кэрол Мак отмечает, что в 2016 году «впервые за долгое время» Фондовый грант составил 2.7 миллиардов фунтов стерлингов (3.5 млрд. долларов), Фондовые гранты в настоящее время сопоставимы с государственными грантами, для благотворительных организаций, в то время как государственное финансирование австралийского благотворительного сектора в пять раз превышает сумму, предоставленную филантропией.

Дуг Рутцен из Международного центра некоммерческого права (ICNL) упоминает ряд стран, где ситуация для НКО улучшается. Аргентина выступила с совместной инициативой правительства и гражданского общества по совершенствованию законодательства, в то время как в Марокко новые законы позволяют гражданам подавать ходатайства и петиции правительству и законодательному органу, впервые доводя свои тревоги и сведения напрямую.

В некоторых странах улучшение ситуации является скорее вопросом отмены ограничительных законов. «В Кыргызстане был законопроект об иностранных агентах, который прошел два чтения в парламенте но был отклонен в 2016 году», – отмечает он. В Кении в 2015 году были предприняты шаги по ограничению международного финансирования на уровне 15 процентов бюджета организации, в результате чего десятки миллионов кенийцев остались бы без доступа к первичной медико-санитарной помощи. «Парламент отклонил этот законопроект. В Гондурасе, Нигерии, Сальвадоре и других странах ограничительные законы были отменены отчасти из-за участия общественных организаций».

... и враждебность правительства

Несомненно, самая большая угроза общественным организациям, особенно тем, кто занимается агитацией и пропагандой прав человека – это явление, которое называется сокращение возможностей.

Индийское правительство использует закон Об иностранных взносах (регистрации) (FCRA) в качестве средства поддержания правопорядка в секторе НКО, говорит Шринат. Его задача «полностью политическая», говорит она. Очень сложно получить финансирование из внутренних источников, если, как НКО, вы вовлечены в один из «провокационных вопросов» Барри Габермана, а это значит, что на практике вы зависимы от внешнего финансирования. Вот где появляется FCRA. «У вас должна быть лицензия на получение иностранного финансирования, которая действует в течение пяти лет» – говорит Шринат. «У вас должен быть отдельный банковский счет, на котором хранятся иностранные деньги. Информация по этой транзакции должна быть передана в течение 48 часов, и также существуют очень обременительные требования к отчетности. Они могут заморозить счет, так что вы не сможете совершить операцию или вы должны будете получить одобрение, прежде чем сделка может быть завершена. Наконец, вас могут просто лишить лицензии. Эти действия носят произвольный характер».

Она продолжает: «за 40 с лишним лет существования этого закона я не могу вспомнить ни одного случая, когда было обнаружено, что НКО либо отмывала деньги, либо финансировала терроризм, либо другие противозаконные действия. В каждом отдельном случае, когда НКО ставила под сомнения действия правительства, она лишалась лицензии на получение денежных средств или вовсе сокращалась». Аналогичным образом, Рохини Мохан, автор статьи в New York Times в январе 2017 года, ссылается на использование закона, чтобы урезать финансовые потоки правозащитной группе Дели, а именно коллективу юристов, который предоставляет юридическую помощь женщинам, профсоюзным работникам, активистам и другим маргинализированным группам, поскольку, как утверждает Мохан, он критиковал политику премьер-министра Моди.

В России, наряду с государственной поддержкой предоставления услуг НКО, закон Об иностранных агентах требует от НКО, которые получают иностранные пожертвования и занимающихся «политической деятельностью», регистрироваться и заявлять о себе как об иностранных агентах. Это показывает, что со стороны правительсва нет доверия к НКО, говорит Оксана. Одним из результатов этого закона является расширение определения политической деятельности, что создает неопределенность в отношении того, что это такое. Естественно, это приводит к еще большей степени осторожности. «С иностранным финансированием всегда есть риск», – заключает она. Например, Фонд Династия, который впоследствии закрылся, нарушил закон Об иностранных агентах. Один из их грантополучателей был либеральным «мозговым центром», а сама Династия финансировалась за счет иностранных средств, поэтому было легко оказать давление на этот фонд.

Пока китайское правительство поддерживает НКО, которые выполняют роль поставщиков услуг, но оно уже не так воодушевлено, когда фонды занимаются правозащитной деятельностью. До того момента, говорит Янни Пэн, когда местные власти ограничивают въезд правозащитных НКО в районы, где происходит ухудшение состояния окружающей среды. Существуют мнения, что закон о зарубежных НКО, вступивший в силу в начале прошлого года, будет использоваться для дискриминации НКО, работающих в политически чувствительных областях.

Согласно одному из источников, министерство общественной безопасности опубликовало список правительственных организаций, которые будут отвечать за надзор за иностранными НКО, «но список не включает надзорные подразделения для НКО, работающих в таких чувствительных областях, как правовая реформа и правозащитная деятельность. Результатом может быть ситуация, когда большинство иностранных НКО останутся в состоянии правовой неопределенности».

«Правозащитные и местные организации, работающие по направлению социальных изменений в Колумбии, испытывают трудности, потому что финансирование иссякает, и они, вероятно, сейчас не получают значительных пожертвований», – говорит Каролина Суарес.

> “Ряд обществ, которых бы вы назвали активными участниками, теперь проявляют беспокойство насчет благоприятной среды”

Чем более авторитарным будет правительство, тем более жестким и разнообразным будет законодательство, направленное на ограничение деятельности гражданского общества. Дуг Рутцен говорит о «волнах ограничений за последние 12-13 лет. Но, как предупреждает Габерман, ряд обществ, которые были активными участниками, включая США, теперь проявляют беспокойство насчет благоприятной среды». Международный Центр Некоммерческого Права (ICNL) насчитал «98 законов, ограничивающих свободу ассоциации или ассамблеи по всему миру ... предложенной или принятой с 2012 года».

«В Великобритании тоже, – говорит Кэрол Мак, – филантропии приходится отбиваться от нападок». Становится все более неясным, какие благотворительные организации и фонды являются благотворительными в Великобритании – и могут или не могут выступать в преддверии выборов». Вопрос доверия играет здесь значительную роль» говорит Кэрол. Недоверие к учреждениям распространяется и на благотворительный сектор, и «если вы благотворительная организация, к вам сразу начинают относиться скептически» (Только половина респондентов исследования CAF заявили, что доверяют благотворительным организациям).

Осуществление деятельности, а не законодательство, является проблемой, с которой сталкиваются фонды. «В принципе, – говорит Басак Эрсен, – если вы создадите турецкий фонд с законной целью, вы вольны делать то, что вам нравится». Закон О Фонде 2008 года, который Фонд третьего сектора Турции помог разработать, аналогичен тем, которые регулируют сектор в большинстве стран Западной Европы. Но на практике бывают исключения. Всегда трудно финансировать работу в области прав человека». Организации могут получать иностранное финансирование, но им очень трудно работать, если они пытаются это сделать вопреки пожеланиям правительства, и ситуация усугубляется нынешним чрезвычайным положением, которое означает, что «вы не можете делать даже то, что законно, что является вашим правом. У нас нет свободы слова или ассоциации, которые являются основой гражданского общества. Мы не видим будущее. Может стать только хуже».

Причины враждебности правительства

Хотя введение законодательства, ограничивающего общественную деятельность и благотворительность уже широко распространено, мотивы принятия законодательства не всегда одинаковы. Помимо желания подавить оппозицию, Дуг Рутцен указывает на несколько факторов, которые, по его мнению, подпитывают нынешнюю волну ограничений. «Существует группа стран, которые считают, что сами правительства должны играть более активную роль в координации международной благотворительности. И для этих стран речь идет не об ограничении инакомыслия». Один из участников Йоханнесбургского семинара также усмотрел в этом сильный мотив и считает, что в будущем в большинстве стран филантропия, вероятно, будет регулироваться в целях ее интеграции в национальные повестки дня в области развития.

«Второй мотив, говорит Рутцен, это неуместная концепция подотчетности и прозрачности».

> Банки и министерства отслеживают процессы, которые сокращают деятельность гражданского общества”

В США, он отмечает «местную инициативу по расширению применения регистрационного акта иностранного агента США[37] прогрессивными группами, которые пытаются привлечь администрацию Трампа к ответственности – но во имя прозрачности действий они, в конечном итоге, я полагаю, непреднамеренно ограничат деятельность гражданского общества». Наконец, он отмечает «повестки дня вокруг борьбы с терроризмом, вопросы суверенитета» и естественную тенденцию правительств к укреплению власти.

В арабском регионе, считает Аталлах Куттаб, существуют два мотива для законодательства, ограничивающего действия. «Прямой – это политическое Исламское движение. Косвенным является то, что люди изменили свои требования с 2011 года. Теперь, когда безопасность превыше всего, никто и не говорит о свободе, целостности и т. д. Люди принимают ужесточение правил, как средство лучшей безопасности, которое использует правительство».

Джерри Салоле не считает, что контроль благотворительной деятельности вызван исключительно тревогами по поводу финансирования терроризма или политическим дискомфортом с гражданским обществом. Он также видит вопрос легитимности, поднятый над использованием (а не происхождением) благотворительных средств. «Я думаю, что есть критическая оценка, которая ставит под сомнение легитимность частных ресурсов, используемых определенным образом. И есть также подлинное стремление к подотчетности, куда идут деньги и как принимаются решения».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЧЕРЕЗ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЕГО ОТСУТСТВИЕ

Правительства также могут контролировать гражданское общество и благотворительность с помощью бюрократии и нормативных актов, которые могут быть или не быть в первую очередь направлены на ограничение деятельности. Иногда отсутствие регулирования само по себе может быть проблемой.

Как указывает индекс института Гудзона[38], «свободе действий филантропии препятствует растущая распространенность валютного регулирования и контроля над капиталом». В отчете описываются валютные правила Венесуэлы, как «ни что иное, как катастрофа», добавив: «такая политика более выражена в Венесуэле, Аргентине, Боливии и Бразилии, но никоим образом не ограничивается Южной Америкой. Грузия, Египет, Индия, Китай, Мьянма, Пакистан, Россия и Южная Африка имеют системы валютного контроля, влияющие на благотворительную деятельность в своих странах».

Громоздкие бюрократические структуры

В арабском регионе контроль правительства над благотворительным сектором осуществляется «сочетанием неодобрения и формальных ограничений», говорит Аталлах Куттаб. В то время как финансирование таких услуг, как здравоохранение и образование, поощряется, «вам нужны разрешения на гранты, и, если кто-то создает проблему, у вас также будут проблемы». Сама бюрократия может служить эффективным способом подавления поддержки тех проблем, которых государство не хочет афишировать. «Я закрыл свою НКО в Иордании в конце 2016 года, – говорит Куттаб, – потому что я ничего не мог через нее сделать. Разрешения застревали в министерстве. Они не говорили «нет», но и не говорили «да». В то же время становится невозможно получить грантовые деньги извне. Банки находятся под контролем правительства, «все стало еще строже за последние полгода. Другие страны региона в еще худшем положении. В Иордании все не так строго. Поэтому банки и Министерства отслеживают процессы, которые сокращают деятельность гражданского общества».

Банки также играют определенную роль в Индии, говорит Ингрид Шринат; можно обжаловать произвольное действие ограничительных законов. Если у вас достаточное количество средств, вы можете привлечь правительство к суду. Гринпис уже делал это и победил, но все же они так и не смогли эффективно функционировать, потому что правительство использовало все имеющееся в его распоряжении средства, чтобы сделать работу Гринпис невозможной: «банки не хотят вести с вами бизнес, поставщики услуг не хотят вести бизнес с вами, ваши сотрудники не могут получить банковские счета. Это согласованный метод преследования».

В Колумбии сектор гражданского общества является объектом пристального внимания со стороны нескольких государственных ведомств, а именно еще более обременительным для НКО, чем для фондов. Обе подчиняются тем же законодательствам, но у фондов есть юристы и бухгалтеры, а у НКО их зачастую нет, говорит Каролина Суарез, так как же они должны справляться с бюрократией? Пожертвования также не особо поощряются. Вам нужно получить разрешение правительства, чтобы получить средства. Если это происходит, ваши доноры имеют право на освобождение от налогов. Если вы не получите это разрешение, доноры не пройдут квалификацию и не получат освобождение от налогов.

В Пакистане нет ограничений на внутренние пожертвования, но есть рассматриваемый законопроект о более пристальном регулировании международной благотворительности. В настоящее время Государственный банк Пакистана имеет свои правила перевода средств в и из Пакистана, но эти правила теперь становятся более строгими, говорит Шазия Амджад.

Отсутствие регулирования

Даже там, где отношение правительства к благотворительности теоретически имеет позитивный оттенок, законодательство часто нуждается в обновлении, чтобы соответствовать современным требованиям. С одной стороны, говорит Хилари Пирсон, правовая среда в Канаде очень благоприятна из-за очень щедрой системы налоговых льгот. Однако, к сожалению, она также нуждается в модернизации».

Она приводит примеры Австралии и Новой Зеландии, которые «по крайней мере пытались сделать налоговый орган независимым от регулирующего органа и расширить понятие благотворительности», но этого не произошло в Канаде. «Нынешнее правительство публично обещало рассмотреть законодательную базу с целью ее модернизации, но не все члены правительства являются ее сторонниками». Одна из причин, почему они откладывают этот вопрос, считает Хилари, это доступ благотворительного законодательства для правозащитных организаций: «есть множество вопросов о роли благотворительных организаций и нежелание затрагивать эту тему».

Являются ли ограничения на благотворительный сектор обдуманными?

Роза Гальехо считает, что пагубные последствия для филантропии могут быть в значительной степени результатом близорукости со стороны правительства. Так что, несмотря на то, что испанское правительство хорошо относится к благотворительности, «надзорный орган превращает нашу жизнь в ад. Я не думаю, что они это делают намеренно. Я не думаю, что правительство понимает, что эти препятствия фактически подрывают работу фондов».

Однако, если признать тот факт, что правительство имеет долю участия в контроле за валютными потоками в стране и за ее пределами, индекс Института Гудзона предполагает, что ограничения на филантропию, введенные такими правилами, могут быть в какой-то степени преднамеренными. «В Пакистане, России, Турции и Малайзии, растет число доказательств того, что ущерб благотворительной деятельности вовсе не непреднамеренный. В каждой из этих стран принято законодательство, для якобы борьбы с незаконными финансовыми потоками, которое по сути ограничивает автономию благотворительных организаций, расследует и осуществляет наблюдение за группами лиц, критикующими правительство, и препятствует организациям, пытающимся получить доступ к иностранным фондам».

Однако Шазиа Амджад не видит ничего зловещего в предложении Пакистанского правительства ввести новые правила международной благотворительности: они просто соответствуют международным соглашениям по борьбе с отмыванием денег, участником которых является и Пакистан. До этого момента, говорит Шазиа, большинство пакистанских НКО были свободны делать то, что хотели. «Сейчас правительство находится под международным давлением и начинает вводить новые правила. Многие говорят, что благоприятные условия сокращаются, но ведь даже для регулирования движения есть светофоры. Что бы мы делали без светофоров?»

> “Враждебность правительства и «ограниченное поле деятельности» общественных организаций – это не единственные причины, по которым НКО становится все труднее выживать. Многие традиционные источники финансирования попросту перестают существовать”

Она также указывает на географическое расположение Пакистана. «Учитывая, каким буферным государством стал Пакистан, а также нашу чувствительную границу с обеих сторон и геополитическую ситуацию, то объем денег, который перетекал в Пакистан,необходимо было контролировать, особенно учитывая количесто террористических атак».

БУДУЩЕЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Давление, оказываемое на НКО

Враждебность правительства и «ограниченное поле деятельности» общественных организаций – это не единственные причины, по которым НКО становится все труднее выживать. Многие традиционные источники финансирования попросту перестают существовать. Государственное финансирование становится все более дефицитным из-за бюджетных ограничений. В некоторых развивающихся странах, где НКО (особенно те, кто работают с политически чувствительными вопросами) традиционно полагались на финансирование из международных источников, идет стабильное сокращение финансирования в течение последних 20 лет, по причине того, что доноры перешли в страны, которые нуждаются в их поддержке в большей степени.

Утраченное международное финансирование редко удается успешно восполнить за счет местных источников. Отчасти это объясняется тем, что многие НКО не имеют связей с местным сообществом и люди остаются в неведении, чем занимаются фонды; отчасти это из-за недоверия; и отчасти потому, что НКО рассматриваются как организации, способные привлекать внешние средства, а не требующие местных денег. Как отмечает Аталлах Куттаб «на встрече африканских и арабских филантропов, которую я модерировал, мне прямо сказали: мы не даем денег местным НКО, потому что они должны привлекать средства извне».

Есть и другие причины, почему НКО стеснены в средствах. Они часто шагают не в ногу с новой филантропией, считает Дженни Ходжсон, «так что существует очень мало деятельности, которую делают НКО и поддерживают фонды, и нет практически никакого взаимодействия между новыми фондами и организациями, работающими над человеческими правами и правосудием».

Фонды, непосредственно осуществляющие программы, конкуренция социального бизнеса за внимание и поддержку; рост новых, более неформальных средств социальной активности; готовность миллениалов и молодых людей жертвовать в гораздо более широком смысле (например, Kickstarter, B-corps) – все это ставит под

сомнение целесообразность НКО, до такой степени, что Аталлах Куттаб видит их «как неглавный компонент благотворительного сектора». Те оранизации, которые занимаются политически чувствительными вопросами, ощущают эти давления в большей степени.

Общественные движения

Можно очень легко преувеличить давление, оказываемое на НКО, но существуют и более позитивные тенденции, которые могут повлиять на их будущую стратегию. Возможность быстро создавать общественные движения с помощью социальных сетей привлекла большое внимание на форуме WINGS 2017 в Мехико, где участники задавались вопросом о потенциальных последствиях ситуации, когда стимул для изменений, скорее всего кроется в плавном течении обстоятельсв, нежели от инициативы официальной организации.

«Я думаю, что большинство фондов может слится с общественными движениями», - говорит Джерри Салоле. «Подход «давайте посмотрим, чего хотят люди» – является изначальной основой благотворительной деятельности, и в некоторой степени это то, что Дженни Ходжсон делает с Глобальным Фондом Местных Сообществ». (Global Fund for Community Foundations)

Местное управление и ответственность

«Если вы можете доказать, что местное самоуправление пользуется популярностью у меньшинства, и принимает решения от лица людей, продолжает Джерри, - независимо от того, называются ли они фондами местных сообществ или нет, это, вероятно, самый мощный посредник, которому мы могли бы помочь развиваться. В конце концов, вы просто подтверждаете главную идею того, что люди знают лучше всего».

Он также указывает на это, как на другую область, которая оказывает негативное воздействие, а именно сокращение возможностей. «В этом контексте антитеррористическое законодательство усложнит жизнь благотворительному сектору. Вы не можете быть настолько неофициальным, насколько вам бы хотелось в ситуации, когда вы должны изучить, кому вы передаете деньги, и как они будут ими распоряжаться».

Дженни Ходжсон признает, что «для общественности существуют определенные вопросы бытия», но видит позитивные последствия их решений. Дженни «очень сильно верит в необходимость благотворительных организаций, поскольку когда вы садитесь за стол с крупными игроками, какая между вами связь? Даже если у вас большая, успешная краудфандинговая кампания, если вы не существуете как ничто другое, участники встречи не будут воспринимать вас всерьез и взаимодействовать с вами в дальнейшем».

По словам Дженни, необходимы организации, которые будут работать по менее деловому принципу, чем классическая схема поиска грантов, как правило, извне, и затем решение с помощью них проблемы. Если вы начнете собирать деньги на местном уровне, утверждает она, вам придется начать думать о создании собственной аудитории для вашей работы. Это может быть финансовое участие, а «могут быть просто неравнодушные люди, которым будет важно, чтобы вы продолжали свою работу». Дженни видит это «как неизбежное будущее трансформации процесса финансирования благотворительного сектора и снижение возможностей в целом, что эволюционирует в более гибкую систему.» Она верит в необходимость создать «сильные организации, которые могут решать сложные, запутанные вопросы и, которые будут иметь свою собственную аудиторию для своей работы».

Идея Дэнни Шрискандараджа о «fundermediaries» – финансировании посредников, которые существуют для того, чтобы направить средства доноров более эффективно конечному благополучателю – является аналогичной идеей.

Дэнни считает, что диверсификация финансирования будет иметь очень важное значение, и донорам необходимо разработать способы поддержки различных типов организаций. «Если вы сложете все ваши прогресивные идеи в одну корзину, а законодательная среда поменяется не в вашу пользу, но у вас будет затруднительное положение.» Там где нет доверительного отношения к НКО, мы должны “продвигать прогресивные идеи через различные учреждения».

Процветание в отсутствие благоприятных условий

Согласно индексу института Гудзона, в Африке к югу от Сахары «новизна структурированной филантропии» является причиной отсутствия благоприятного законодательства. «Следовательно, в странах Африки к югу от Сахары существуют меньшее количество учреждений-грантодателей, чем в других регионах, а значит и административная инфраструктура для благотворительности остается недостаточно развитой».[39]

Однако такое отставание в развитии, возможно, не является слишком серьезной проблемой. В то время как Южная Африка занимает относительно низкое место по Индексу Филантропической Свободы, Халима Магомед отмечает, что «у нас есть активное гражданское общество, и у нас есть прогрессивные фонды социальной справедливости, которые финансируют прогрессивные НКО, которые, в свою очередь, привлекают правительство к суду и даже побеждают. Наиболее известным случаем была кампания против анти-ретровирусных препаратов, в ходе которой правительство, через суд было обязано предоставить антиретровиальные препараты.» Иногда, говорит Халима, правительственные чиновники недовольны зарубежным финансированием НКО с их непонятными целями, однако правительство не предпринимает никаких шагов проконтролировать их деятельность.

> “Необходимость создать «сильные организации, которые могут решать сложные, запутанные вопросы и, которые будут иметь собственную аудиторию для своей работы»”

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ И СУБСИДИИ

Большинство стран в той или иной форме освобождают от налогов донора, благополучателя или и тех, и других.

Налоги и фонды

В Турции, например, фонды освобождены от корпоративного налога на прибыль, а также существует налоговые льготы для физических лиц, которые хотят сделать пожертвование в официально зарегистрированные общественные благотворительные организации. Фонды пожертвований также освобождаются от налогов, и, если вы завещаете деньги фонду, нет никаких налоговых обязательств на наследство.

Ингрид Шринат считает, в Индии существует недостаточное налоговое послабление для благотворительного сектора. В России также ограничены налоговые льготы. Они применяются к частным лицам, но не к корпорациям или учреждениям. Янни Пэн отмечает, что китайские фонды должны платить подоходный налог в размере 25% от инвестиционной прибыли.

Сингапур имеет очень благоприятную политику, если вы жертвуете на государственные программы или организации. Если вы жертвуете доллар, то 2.50 сингапурских доллара снимаются с вашего налогооблагаемого дохода. Но идея, лежащая в основе этого режима, довольно консервативна, говорит Лоуренс Лиен. Если вы работаете в области, которая приносит пользу преимущественно иностранцам или людям за пределами Сингапура, вы не получите разрешение, необходимое для этого налогового вычета. Точно так же, если вы занимаетесь сбором пожертвований, то большая часть собранных вами средств должна быть потрачена в Сингапуре. «Благотворительность начинается с собственного дома, Сингапур маленькая страна, какую пользу мы можем принести в решении международных проблем?». Это аргумент, который используют в Сингапуре – говорит Лоуренс. Несмотря на некоторые ограничения, он отмечает увеличение числа сообщений, связанных с борьбой с отмыванием денег и терроризмом.

В Испании увеличили налоговое послабление для пожертвований на сумму менее 150 евро (176 долларов США). Фонды не обязаны платить налог на прибыль, они также не должны платить налог с пожертвований. Помимо огромной проблемы с НДС, в принципе, налоговая политика для фондов весьма приемлема, – говорит Роза Гальего. Однако Роза обращает внимание на то, что в Испании все же существует очень актуальная проблема для филантропии. «Когда фонд предоставляет гранты, но не имеет собственных программ, налоговый орган задается вопросом: имеет ли фонд право на такие налоговые льготы, но если грантодатель не имеет права, то кто тогда? Этот вопрос все еще обсуждается». Помимо того, что это пример своего рода бюрократического паралича, который может невольно ограничить деятельность благотворительного сектора, он оказывает очевидное прохладное отношение в отношении предоставления грантов.

Хотя в некоторых странах арабского региона существуют налоговые льготы, их настолько сложно получить, что мало кто рискует ввязываться в эту систему. «Это настоящий кошмар» - говорит Аталлах Куттаб, - поэтому частные доноры, которых я знаю, не используют налоговые льготы. Однако такой проблемы не возникает в Персидском заливе, где сейчас находится основной капитал, поскольку там нет налогов на сектор.

Многие используют налоговые льготы в качестве инструмента регулировки потока денежных средств. «Если вы даете пожертвование негосударственным учреждениям, НКО или фондам, то вы себя никак не скомпрометируете запросив налоговую льготу. Но если это НКО, которая работает вне компетенции правительства, тогда можете даже не мечтать о налоговых льготах. Вот такие вот последствия бюрократии».

Налоги для НКО

Налог является проблемой как для грантополучателей, так и для их доноров. Теоретически китайские НКО могут получить освобождение от уплаты налога на пожертвования, но на практике они часто не могут этого сделать, говорит Янни Пэн. Ситуация складывается следующим образом «нам не нужно платить налог на весь годовой баланс пожертвований при условии, что средняя зарплата нашей организации меньше, чем двойная средняя заработна плата по стране.» По словам Янни, это ограничивает человеческий ресурс фонда, так как «мы не может предложить хорошую зарплату более квалифицированному персоналу для привлечния в сектор». В Индии, – говорит Шринат, – если вы зарегистрированы, как благотворительный фонд, как общество, или как некоммерческая компания, ваш доход не облагается налогом, при условии, что вы используете собранные средства в тот же год, который их получили.

Стимулируют ли налоговые льготы пожертвования?

Во всяком случае, это очень спорный вопрос насколько налоговые стимулы влияют на объем пожертвований. Многие из проведенных исследований показывают, что это не является основным мотивом для отдельных доноров. По словам Оксаны Орачевой, большинство частных доноров в России не претендует на налоговые льготы. В США проводили исследования, говорит Барри Габерман, которые утверждают, что если вы не освободите благотворительные пожертвования от налогообложения, «то вы увидите значительное снижение благотворительных пожертвований. Я не уверен, что это отражает действительность. Более 40% благотворительности идет на религиозную деятельность, и я не вижу, чтобы Налоговый кодекс был основным инструментом принятия решения о пожертвовании».

В докладе CAF[40] говорится, что налоговые стимулы являются важным, но не решающим фактором в увеличении объема пожертвований. В странах с налоговыми льготами 33% людей сделали пожертвование, по сравнению с 21% в странах без них за прошлый месяц. Тем не менее, «правовые условия, в которых работают некоммерческие организации, административные барьеры процедуры пожертвований, а также возможность организаций собирать средства публично, вероятно, являются более важными инструментами для мотивации пожертвований, чем налоговые стимулы».

Тем не менее, несмотря на то, что налоговые льготы не являются единственной причиной, по которой люди делают пожертвования, это может смотивировать людей жертвовать больше средств. Ашиш Даван, председатель Фонда центральной площади Индии и соучредитель университета Ашока, считает, что налоговое послабление может привлечь новых доноров.[41] Фонд Франции пришел к выводу, что налоговые льготы могут повлиять если не на принятие решения совершить пожертвование, то на его размер. Во Франции и Великобритании, говорится в их докладе,[42] «страны с более щедрыми налоговыми льготами, имеют лишь средний показатель количества доноров по отношению к численности населения, зато средняя сумма пожертвования является самой высокой в Европе».

“Во всяком случае, налоговые послабления играют спорную роль в стимулировании пожертвований. Многие из проведенных исследований показывают, что это не является основным мотивом для отдельных доноров”

8

Инфраструктурные организации

Финансирование инфраструктуры благотворительного сектора распределено неравномерно, 80% всех средств сосредоточено в Северной Америке. Эта глава посвящена инфраструктурным организациям, которые поддерживают благотворительный сектор. В этой части рассматривается весь спектр деятельности, который реализуют инфраструктурные организации, и некоторые области, которые могли бы быть более эффективными. Наконец, обсуждается значимость инфраструктурных учреждений для сектора и устойчивость их «бизнес моделей».

В прошлом году WINGS подготовило исследование благотворительных инфраструктурных организаций с подробной картиной состояния дел в мире. Для целей настоящего доклада, были взяты основные выводы из того исследования, что 80% финансирования инфраструктуры сектора сосредоточено в Северной Америке, и что эта инфраструктура филантропии наиболее слаба там, где она наибольше всего необходима.

Организации, составляющие инфраструктуру благотворительности занимаются обширным рядом вопросов. Барри Габерман разделяет их на «членские организации, такие как Совет по фондам (Council on Foundations), Европейский Центр Фондов (EFC) и семьдесят или восемьдесят национальных ассоциаций» и тех, кого он называет «организациями второго аспекта», которые специализируются в конкретных областях», таких как «наращивание потенциала пожертвований, укрепление структуры правления, фандрайзинг и т. д.» В основном, этот отчет будет касаться первой категории организаций, хотя выводы будут очевидны и для более специализированных организаций.

> Инфраструктурные организации в Африке, в основном, являются региональными и имеют весьма ограниченный тематический охват, что означает наличие значительных пробелов в интеллекте системы и данных, на которые может опираться благотворительный сектор”

НЕРАВНОМЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Плотность инфраструктуры в США и Европе

Одной из возможных проблем, возникающих от излишней перегруженности инфраструктуры организаций в Северной Америке и Европе является дублирование деятельности. «Мы замечаем слишком много дублирования» – говорит Джерри Салоле. «У вас есть церкви для широкой аудитории в удаленных местностях, но в то же время, когда вы приближаетесь к Европе и США, у вас повляется более специализированная инфраструктура, часто конкурирующая в той же местности и, возможно, немного агрессивная в своих специфических подходах к решению конкретных проблем». Постоянное давление на инфраструктурные организации с целью получения дохода и демонстрации результатов придает ситуации оттенок коммерции и маркетинга, который вызывает у Джерри «чувство неудобства».

У Барри Габермана есть объяснение ситауции с дублированием. Основываясь на своем опыте, он говорит, что «по крайней мере в США у каждого фонда, финансирующего инфраструктурную благотворительность, так или иначе есть фавориты, так что стратегия по избавлению от перенасыщенности инфраструктуры является проигрышной». У Барри также есть предложение, как с этим справиться. «Мы должны определить для США – но я думаю, это относится к любой стране, – ту внутреннюю зону инфраструктурных организаций, которую мы должны поддерживать. Во второй, внутренней зоне, доноры могут финансировать тех, кому они симпатизируют, что позволит организациям сохранить здоровую конкуренцию в секторе. Если такие организации, представляют ценность для сектора, то они будут существовать. Если нет, то не будут. Но давайте по крайней мере попытаемся определить центральные инфраструктурные организации.

Нехватка инфраструктуры в странах глобального Юга

Если в одних местах инфраструктуры слишком много, то в других – ее слишком мало, особенно в странах глобального Юга. Инфраструктурные организации в Африке, в основном, являются региональными и имеют весьма ограниченный тематический охват, что означает наличие значительных пробелов в интеллекте системы и данных, на которые может опираться благотворительный сектор.

Африканская Благотворительная Сеть, Африканский Форум Филантропии и Ассоциация Доноров Восточной Африки – все имеют региональный характер. У некоторых организаций есть желание создать национальные группы, но «у них нет ресурсов и достаточной поддержки, поэтому им приходиться присоединятся к местным структурам». Отчасти это происходит потому, что те международные доноры, которые финансируют инфраструктурные организации, как правило, выбирают международные организации либо тех, кто находится в соседних регионах. Многие местные доноры либо не знают о существующих инфраструктурных организациях, либо не видят в них необходимости. Инфраструктурные организации, считает Халима Магомед, «должны искать доноров сами, и перестать ожидать, что те сами к ним придут».

В арабском регионе, считает Аталлах Куттаб, существует потребность «в некой структуре в Персидском заливе, состоящей в основном из фондов и социальных инвесторов», в дополнение к трем основным региональным органам инфраструктуры – Центру Герхарта (the Gerhart Center), Форуму Арабских Фондов(the Arab Foundations Forum) и SAANAD (организация, предоставляющая благотворительные консультации в арабских странах.

И Дженни Ходжсон, и Ингрид Сринат указывают на отсутствие национальной сетевой организации, как на существенный недостаток индийского благотворительного сектора. На самом деле, Ингрид определяет отсутствие инфраструктурных организаций как, вероятно, самую большую проблему сектора. Организация Dasra несет на себе некоторые функции поддержки филантропии, но «не является ее представителем». Dasra является очень ценной организацией, но «нам нужна дюжина таких организаций, как Dasra». Bridgespan, CAF Индия и Центр по развитию благотворительности (Centre for the Advancement of Philanthropy) все имеют некую инфраструктурную роль, но Ингрид подчеркивает, «они все несоизмеримо малы, по сравнению с потребностями в регионе». Отсутствие инфраструктуры-это то, «за что сектор уже расплачивается и будет платить дальше, но горазо более высокую плату, если ситация не будет исправлена – за все, начиная

от полного отсутствия достоверных данных до полного отсутствия норм и какой-либо коллективной платформы».

В Сингапуре то, что ранее было представительным органом, было эффективно преобразовано в государственный сектор, говорит Лоуренс Лиен.

«До национализации представительным органом был Национальный Совет Социальных Служб. Теперь это часть правительства, поэтому как такового представительного органа не существует».

За исключением Китайского Фондового Центра, существует дефицит инфраструктуры в секторе, которая и так находится на примитивном уровне, говорит Янни Пэн. Помимо отсутствия данных, существует также острая проблема прозрачности информации, о которой говорилось ранее в настоящем докладе. Китайский Фондовый Центр работает по обоим направлениям, как через сбор данных (Narada Foundation поддерживает Центр для создания базы данных НКО в Китае) и через Фонд Индекса Прозрачности. Также существует большой провал в области правозащитной деятельности и лоббирования. «Возможно, менее пяти организаций лоббируют изменения в политике по отношению к сектору и закону», – говорит Пэн. Человеческие ресурсы также в большом почете. Существуют две организации, которые занимаются подбором персонала для сектора и привлекают деловых людей работать в нем, но Пэн также видит необходимость в посреднике, для того, чтобы объединить коммерческие и благотворительные секторы.

РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Благотворительные организации выполняют разные виды задач. Почти все участвуют в сборе данных, исследованиях, обмене передовых практик, обучении, и т.д. Представители фонда Филантропия Австралии понимают под своей миссией довольно широкий спектр направлений, целью которой является сделать «Австралию более отзывчивой», путем «поддержки благотворительных сообществ для улучшения сектора в целом», говорит Кристиан Зайберт. По этой причине австралийский сектор филантропии столь разнообразен и «мы не выбираем какую-то определенную нишу и не говорим «вот та аудитория, о которой мы будем заботиться».

Представление сектора

В какой степени сетевые организации могут представлять благотворительный сектор, особенно с учетом того, что между членами организации не обязательно будет согласие по какому-либо конкретному вопросу?

Оксана Орачева считает, что «представлять сектор должны инфраструктурные организации, а не отдельные организации. И они должны выражать общую повестку дня – не создавать, а именно выражать ее. Инфраструктурные организации не могут создавать программу, они могут объединить элементы, а затем представить ее».

Кэрол Мак однако утверждает, что партнеры Ассоциации Благотворительный Фондов (ACF) не должны объединяться, чтобы выражать общую точку зрения. Ваша главная задача как членской организации это сделать так, чтобы все мнения были услышаны, это также очень важно и для политики сектора в целом. Наши члены едины в своих ценностях и независимости секторов, именно поэтому мы с особым вниманием относимся к их мнению, прежде чем говорить за них публично.

В будущем Кэрол хотелось бы видеть «свод принципов» лучших практик фондов, которые бы внедрялись в благотворительном секторе повсеместно. В этом заключается часть нашей стратегии на пять лет. Мы также хотим влиять на политический климат. Мы хотим быть уверены, что фонды оценивают по достоинству. Если вы являетесь честным представителем благотворительной отрасли, – говорит Джерри Салоле, – то вы должны показывать. насколько разносторонней является эта сфера и напоминать людям, как много в ней представлено участвующих сторон. Таким образом, вы должны понимать разнообразие участников благотворительного сектора и делиться этой информацией».

Роза Гальего отмечает роль сетевых организаций в создании общей идентичности фондов. Испанская Ассоциация фондов (AEF) собрала воедино разные типы фондов и донесла до них мысль о том, что необходимо стать единый сектором. Даже если фонды совершенно разные по отдельности, у них единая форма учреждения, которая является уникальной формой их идентичности». «Точно так же, величайшим достижением ACF, считает Кэрол Мак, – является создание общей платформы для сообществ фондов, где они могут почувствоать себя частью единого благотворительного сектора и поделиться передовым опытом».

> “Нам необходима структура, которая продвигала бы интересы филантропии среди частных лиц с высоким уровнем дохода”

Очень часто представители других секторов не понимают какую роль выполняет филантропия. Лоуренс Лиен говорит об инфраструктурных организациях, которые представляют сектор правительству – и это может произойти, даже если сектор не хочет взаимодействовать с правительством, говорит Дуг Рутцен. Есть много случаев, когда сектор не хочет иметь профиль, – говорит Дуг, – возможно, потому, что он не хочет взаимодействовать с правительством, или, может быть, он чувствует, что у него нет большого доверия к правительству. Инфраструктурные организации в данном случае могут объединять различные типы организаций и выступать в качестве представителей сектора».

Инфраструктурные организации также могут играть роль рентгена, говорит Рутцен «выявляя, какие ключевые проблемы для филантропии есть в конкретной стране и где есть разумная возможность для изменений. Я думаю, что инфраструктурные организации хорошо подходят для решения этой проблемы, потому что обычно это не входит в обязанности какой-либо конкретной группы».

Слаборазвитая инфраструктура благотворительности в стране или регионе означает, что сектору не хватает коллективного голоса и целостной картины благотворительного сектора. В Латинской Америке, говорит Каролина Суарес, «есть некоторые фрагменты работы, но часто даже на национальном уровне не хватает согласованности».

Правозащитная деятельность, внешняя

Большинство опрошенных рассматривают правозащитную деятельность, как часть своей профессии. Приоритетом для Ассоциации семейных и корпоративных фондов (AFE) в Колумбии является продвижение сектора к «достижению устойчивого развития», говорит Каролина Суарес. «Мы делаем упор на взаимодействие, правозащитную деятельность и коммуникации, поэтому мы работаем с членами нашей организации на улучшение связей с государственными органами, нашими партнерами и международными корпорациями для достижения социальных изменений».

Хилари Пирсон также упоминает «правозащитную деятельность. Я очень вовлечена в общественно-политическую работу и быть представителем Канадского фонда с нашим федеральным правительством, пытаясь одновременно защититься от законов и сделать их мягче, часто вредит ситуации.

Организация SAANED (оказывает консультационные услуги благотворительному сектору) разрабатывала модель Арабского закона о Филантропии в 2013 году. Идея заключалась в том, что в нем содержатся общие элементы, которые хотели бы видеть специалисты-практики и филантропы в регионе, но чтобы он был адаптирован в каждой стране. Хотя до сих пор мало что было достигнуто – как отмечает Аталлах Куттаб, дела на самом деле стали еще хуже-создание такой модели, по крайней мере дает благотворительному сектору согласованную позицию, если наступят лучшие времена.

Инфраструктурные организации также могут играть роль в объединении местной и глобальной благотворительности, говорит Рутцен. Иногда это помогает получить мировую поддержку для конкретной группы лиц или решить проблему в определенной стране. Часто местные группы, особенно за пределами столицы «не имеют доступа к специальному докладчику ООН , хотя его участие могло бы быть полезно, потому что ООН имеет рычаги влияния в этой стране или же может помочь контактами благотворительного сектора в другой стране.

Рутцен отмечает, что способность инфраструктурных организаций решать такие проблемы не всегда определяется ресурсами. Это зависит от страны. Есть некоторые страны, где инфраструктурные организации обладают потенциалом даже при ограниченных ресурсах. В то же время есть случаи, когда должным образом укомплектованные организации просто не имеют достаточного потенциала. Может быть, они не хотят выполнять эту работу или не знают как это сделать, но я думаю, что они должны принять эту роль в некоторых странах.

И внутренняя ...

Правозащитная деятельность имеет как внутреннюю так и внешнюю стратегию, пишет Кристиан Зайберт. Внутренняя стратегия правозащитной деятельности означает «работу с нашими членами организации по внедрению передовых практик», чтобы попытаться переложить их на передовую практику». Лоуренс Лиен говорит о поддержке более стратегической филантропии и пожертвований.

> “Инфраструктурные организации также могут играть роль рентгена, говорит Рутцен «выявляя, какие ключевые проблемы для филантропии есть в конкретной стране и где есть разумная возможность для изменений»”

Некоторые участники рабочего совещания в Мехико отметили, что сетевые организации должны быть готовы предложить своим членам организации варианты, как улучшить свою работу и, в определенной степени, лоббировать различные подходы. Деятельность по защите общественных интересов может быть двусторонним процессом – ваши позиции формируются на основе вклада членов и их обратной связи, но также и вы можете влиять повлиять на их мнения.

Отсутствие подотчетности и прозрачности является большой проблемой для фондов. В Испании, говорит Роза Гальего «часто упоминают о прозрачности и реальной необходимости некоторых фондов разъяснять, чем они занимаются.» Например Испанская Ассоциация фондов (AEF) «изучила все сайты своих членов фонда на предмет публикаций регулярных отчетностей, и советовала предоставлять эти данные в качестве передовой практики. Наши подзаконные акты фактически предусматривают это, но у нас нет никакого способа воздействия. Единственно, что мы делаем, это предоставляем нашим партнерам руководство по кодексу практики.

Внедрение новых идей и решение сложных проблем

«Мы стараемся внедрять новые модели в Турции», – говорит Эрсен. «Это важно, потому что турецкие организации не имеют тесных отношений с аналогичными организациями в других странах. Так, например, мы работаем над базой данных, которая бы объединяла все данные об учреждениях, предоставляющих гранты. Мы также были первой организацией, которая продвигала благотворительность местных сообществ и организовали круговороты пожертвований».

Иногда инфраструктурная организация может позволить институциональной филантропии ответить на вопросы, которых сама предпочла бы избежать. После того, как Кристиан Зайберт присоединился к Филантропии Австралии, ее первой конференцией (2014) «было о том, какая благотворительность хорошая вещь». В 2016 взгляд поменялся и появилась готовность быть интроспективными, и уже на следующей конференции мы не будем бояться обращаться к очевидным вещам, как к недемократической природе филантропии. Если бы нас там не было, этого бы не случилось». Для Кристиана самым большим достижением организации является то, что «его члены чувствуют себя комфортно, будучи самокритичными и открытыми к конструктивному обсуждению».

Джерри Салоле также признает посредничество различных точек зрения в качестве ключевой части развития мышления и практики в секторе фондов: «вы должны понимать, что фонды учатся у себя и своих коллег, и ваша работа состоит в том, чтобы объединить их с коллегами, которые с ними не согласны, чтобы они могли влиять на мировоззрения друг на друга. Им нужно услышать альтернативные мнения. И вы должны держать все под контролем, я думаю, это то, с чем мы прекрасно справляемся в Европейском Фондовом Центре (EFC).

«Мы можем быть посредниками, потому что мы независимы», – говорит Каролина Суарес. «У AFE нет ни коммерческих, ни территориальных интересов, ни связей с какой-либо корпорацией, поэтому, например, фонды, участвующие в программе «Учимся работать вместе», рассматривают нас как системообразующую организацию, поддерживающую философию программы».

Получение и распространение знаний

Обеспечение сектора информацией и знаниями, в которых он нуждается, широко рассматривается, как ключевая роль инфраструктурных организаций. «Мы можем объединить все знания, которые генерируют наши члены, – говорит Кристиан Зайберт, – когда у них не хватает на это время. У них у всех есть своя дневная работа. Поэтому мы организуем мероприятия, фокусируемся на лидерском мышлении и распространяем знания. Координационным центром для всего этого должны быть инфраструктурные организации.

Благотворительные организации также могут поручить проведение исследований самим себе, чтобы попытаться заполнить пробелы, хотя их возможности и ограничены. Например Фонд третьего сектора Турции (TUSEV), Пакистанский Центр Филантропии (PCP), Группа институтов, фондов и предприятий (GIFE) and Институт Развития Социальных Инвестиций (IDIS) в Пакистане уже занимаются такими исследованиями.

Кроме того, появляется новая культура учебных заведений с фокусом на преподавании и исследовании в области филантропии, которые помогут компенсировать дефицит данных и повысить исследовательский потенциал сектора. Это необходимо в местах, где инфраструктура развита слабо: Центр социального воздействия и филантропии в Университете Ашока в Индии и кафедра африканской филантропии в Университете Витс, Южная Африка.

Укрепление сотрудничества

Инфраструктурные организации могут играть важную роль в развитии сотрудничества. Они являются аналитиками, которые могут проанализировать ситуацию и выявить суть, которая всплывет на поверхность, – говорит Джерри Салоле. «Вы можете найти способы организации встреч, и вы должны быть очень опытны в создании сотрудничества». Вы также должны быть очень осторожны в своих требованиях. «Есть хорошие инфраструктурные организации, которые работают в фоновом режиме» – говорит Джерри. В каком то смысле следует замалчивать свои достижения. Люди узнают, что вы сделали, вам не нужно об этом говорить». Это может быть правдой, но достижения также легко и упустить. Этим можно объяснить почему инфраструктурные организации часто проигрывают, когда дело доходит до ресурсов.

Объединение ассоциированных групп сетевыми организациями (и/или оказание им поддержки, как это делает Ассоциация Благотворительных Фондов (ACF) в Соединенном Королевстве) также предлагает способ поощрения совместной работы. Хилари Пирсон считает, что ее организация «могла бы сделать гораздо больше для поддержания развития благотворительных групп и связать их друг с другом. Я вижу, что в течение следующих пяти лет мы будем играть гораздо более активную роль в развитии этого процесса».

В частности, с точки зрения сотрудничества между государственным и благотворительными секторами, ежегодная Встреча Благотворительного сектора с Парламентским Саммитом, созванная Филантропией Австралии (Philanthropy Australia) и Foundations on the Hill в США потребовала немало усилий для создания взаимопонимания между двумя секторами. Хотя такая встреча является скорее возможностью для фондов представить свои интересы законодательной власти, чем обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес.

> “Иногда инфраструктурная организация может позволить институциональной филантропии ответить на вопросы, которых сама предпочла бы избежать”

КАК ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОГУТ РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ?

Сбор достоверных данных по сектору.

«Достоверные данные, безусловно являются недостающим звеном, - говорит Оксана Орачева. Многие респонденты, даже в странах с относительно хорошо развитой инфраструктурой, подчеркивали проблемы отсутствия данных, отсутствия информации и анализа о благотворительном секторе. Хилари Пирсон хотелось бы иметь «гораздо больше инфраструктуры, которая помогает фондам понять их собственную эффективность, как стать более продуктивными» и больше инвестиций в исследования.

В Индии вообще не хватает инфраструктуры и отсутствие данных является самым большим пробелом. «Самый лучший вариант это пока ежегодный отчет «Bain & Co» о благотворительности в Индии и это также является единственной количественной оценкой», – говорит Ингрид Шринат. «Центр социального воздействия и благотворительности готовит данные, но нам потребуется время, чтобы их получить». Шазия Амджад считает сбор данных о благотворительном секторе Пакистана приоритетной задачей на ближайшие годы.

Случается, что данные, собранные определенным способом, не могут быть полезными для сектора. Например в Сингапуре есть много данных, но, по словам Лоуренса Лиена, они собираются правительством, и правительство, в основном, ими не делится. Данные, которые являются общедоступными, как например данные, собранные Благотворительной Комиссией очень масштабные. Они дадут вам представление о благотворительном секторе в целом, общей сумме пожертвований, с разбивкой по секторам, но это все агрегированные данные.

Филантропия Австралии запускает проект «Карты фондов Австралии» в партнерстве с Центром Фондов в США, для решения проблемы нехватки данных. «У нас есть разумные данные о размере сектора,-говорит Кристиан Зайберт, - но у нас нет данных на микроуровне. Он также отмечает «что было бы здорово иметь какую-то постоянную общественную кампанию в Австралии, чтобы поощрять благотворительность на всех уровнях – но для того, чтобы это имело эффект, потребуются значительные

> Достоверные данные, безусловно являются недостающим звеном. Многие респонденты, даже в странах с относительно хорошо развитой инфраструктурой, подчеркивали проблемы отсутствия данных, отсутствия информации и анализа о благотворительном секторе”

инвестиции, и такая поддержка должна исходить от группы фондов, хотя с другой стороны есть веские основания для совместного инвестирования со стороны правительства».

У нас нет общей статистической картины того, как финансируется третий сектор, – говорит Роза Гальехо. «Ежегодные отчеты фондов, показывающие, что они из себя представляют, сколько у них денег и в каких областях они работают, должны быть обнародованы контролирующими органами», – говорит Роза, – «но у них нет для этого ресурсов».

«Практически о любом пожертвовании, - говорит Халима Магомед, – мы знаем только незначительные фрагменты. Некоторые элементы благотворительности имеют свою собственную инфраструктурную организацию, но они имеют только частичный взгляд, ограниченный в их конкретной деятельности». «Никто не имеет целостного представления. И это в ЮАР, где инфраструктура гораздо более развита, чем в остальной южной части африканского континента.».

Аналогичное положение дел и в России. Там представляют годовой отчет на Форуме российских доноров, но Оксана Орачева считает, что «часть данных сомнительного качества». Существуют некоторые исследования, собранные CAF Россия, но только в ограниченных областях. Есть также исследования гражданского общества Высшей школы экономики, которые, хотя статистически обоснованы и надежны, не конкретно о филантропии.

«В странах арабского региона существуют элементы инфраструктуры, – говорит Аталлах Куттаб, – но там нет достоверных данных, поэтому мы не знаем, о чем мы говорим, мы просто гадаем. Среди всего прочего, сектору нужно уделить больше значения самоопределению. Мы должны не только документировать благотворительные учреждения по западному образцу, но и мыслить по-новому и изучить, как происходят пожертвования, как они используются, и как они поступают к конечному благополучателю. Многие практикуют социальные инвестиции, – говорит Аталлах, – но даже об этом не догадываются, – поэтому такой полезный опыт не накапливается. Они делают ультрасовременную работу интуитивно, а не по указанию, что делает их особенно ценными, их опыт должен собираться и документироваться.

Поддержка индивидуальной и местной благотворительности

Несколько респондентов говорили о необходимости содействия филантропии в целом, а не только институциональной филантропии. «Нам нужен орган для продвижения филантропии в целом и особенно среди Частных Лиц с Высоким Уровнем Дохода (HNWIs)» – сказала Роза Гальехо.

Халима Магомед хочет, чтобы инфраструктурные организации оказывали больше поддержки индивидуальной и местной благотворительности. «Мы все время говорим, что идеология была навязана, и что все эти традиции существуют в Африке, и что они действительно символизируют то, что реально означает филантропия, но инфраструктурные организации, в основном, поддерживают институциональную, а не индивидуальную благотворительность. Причина отчасти финансовая: гораздо проще получить финансирование на конференции, куда придут организации или поддержать благотворительные учреждения, чтобы узнать, как работать эффективней.

Это может также легко включать в себя переосмысление старых форм пожертвований и придания им новой формы жизни, как и создание новых. В арабском регионе, Аталлах Куттаб и его организация SAANED пытаются осветить коренную практику пожертвований, которую местные жители из древне применяли, и адаптировать ее к нынешним обстоятельствам. Одним из примеров является практика в стиле эндаумента, известная как AlQard AlHasan (предоставление средств или собственности, которая будет использоваться в течение определенных периодов времени и затем возвращаться дарителю в конце указанного периода). Другим является пожертвование одной трети своего богатства в качестве наследства (строго говоря, поясняет Куттаб, Ислам не поддерживает завещания, но допустимо выделять одну треть своего богатства для общественного блага).

Поддержка организаций гражданского общества

Лоуренс Лиен считает, что помощь в развитии потенциала некоммерческого сектора – это еще одна роль, которую могут с пользой сыграть инфраструктурные организации. Шазия Амджад считает, что необходима поддержка молодых НКО, которые «не нуждаются в деньгах, но нуждаются в организационной поддержке и наращивании потенциала», хотя Пакистанский Центр Филантропии (ПЦФ) не всегда имеет хорошие возможности для их предоставления. Теперь, когда международного финансирования стало меньше, изучение того, как организации гражданского общества могут генерировать средства для обеспечения собственной устойчивости, является еще одной возможной ролью для ПЦФ.

> Для любой отдельной организации, будут несущественными затраты на то, чтобы положить свою долю в банк для поддержки инфраструктурных организаций”

ЖИЗНЕСПОСОБНА ЛИ ЭТА БИЗНЕС-МОДЕЛЬ?

Членские организации во всем мире испытывают трудности. Инфраструктурные организации постоянно пытаются удовлетворить требования, предъявляемые к ним, располагая ограниченными ресурсами. Как говорит Кристиан Сейберт: как вы соотносите ожидания («нас просят сделать много вещей, и трудно сказать нет») с имеющимися у вас ресурсами? У большинства сетевых организаций в штате мало сотрудников. Они не могут предлагать больше услуг, не запрашивая больше ресурсов, что, в свою очередь, повышает ожидания от сотрудников. «Это замкнутый круг».

«Мы постоянно должны доводить до членов нашей организации доводы о том, почему важно нас финансировать», – говорит Хилари Пирсон. Халима Магомед говорит, что инфраструктурным организациям приходится искать деньги, чтобы делать то, что они должны. «У меня ощущение, что мы специально настраиваем наши инфраструктурные организации на провал. Мы постоянно говорим о поощрении благотворительности, но не вкладываем деньги в наши уста».

Барри Габерман рассматривает это следующим образом: государственный сектор и коммерческий сектор никогда бы не подумали о том, чтобы урезать финансирование организаций, поддерживающих их секторы, в то же время, когда дело касается некоммерческого сектора, появляется то чувство неохотного, надоедливого обязательства по финансированию инфраструктуры, что становится неловко. В результате, «когда мы сталкиваемся с проблемой, мы стонем о том, что организации, оказывающие поддержку, и чей потенциал мы не поддержали, не соответствуют задаче защиты сектора. Вы просто не можете получить и то и другое.

По его словам, если есть неохотное желание поддержать инфраструктурные организации, то «есть вдвойне неохотное желание поддерживать тех, кто является координатором инфраструктурных организаций». WINGS и CIVICUS чудом держатся на плаву и вряд ли выжили бы вообще, если бы не несколько ключевых учреждений.

«WINGS нуждается в большем количестве ресурсов, чтобы получить больше кадрового потенциала, ему также необходимо научиться использовать потенциал учреждений, которые являются его членами».

Такие темы возникают, когда некоторые респонденты поднимают важный вопрос для будущего инфраструктурных организаций: является ли «бизнес-модель», которую многие из них внедряют в политику, - предоставление технических или информационных услуг в обмен на ежегодный членский взнос - устойчивой? Если нет, то что должно занять ее место? Эти вопросы также обсуждали участники семинара в Йоханнесбурге.

Каролина Суарес отмечает ответственность членов организации. Слишком часто фонды больше обеспокоены тем, что они могут получить от организации, нежели тем, что они могут привнести. Важно помнить, что фонды также могут вносить свой вклад в организации, а не в одностороннем порядке, что мы просто помогаем им. Фонды могут делиться с нами информацией и опытом».

Решение Габермана вопроса о ресурсах простое: «Если бы мы сказали, «это имеет значение для всех нас в этом секторе, и ответственность также лежит на всех нас», и мы можем придумать формулу, которая будет является своего рода налогообложением», то для любой отдельной организации, будут несущественными затраты на то, чтобы внести свою долю для поддержки инфраструктурных организаций».

Для многих сам факт того, что фонды продолжают существовать, потому что смогли продемонстрировать свою ценность, является большим достижением. «Нашим самым большим достижением является то, что Ассоциация семейных и корпоративных фондов в Колумбии (AFE – Колумбия) является для нас форумом, где мы смогли выработать доверие друг к другу,- говорит Каролина Суарес. Хилари Пирсон считает, что проверка ценностей Благотворительных фондов Канады(PFC) заключается в том, что число ее членов растет с каждым годом с момента ее основания 15 лет назад. «Мы создали социальный голос для этого сектора, мы создали сообщество среди фондов, мы показали им, что есть способы стремиться быть лучше, и мы поддержали их в том, чтобы они стали лидерами – принимая на себя риск, имея стратегическую концепцию и четкий взгляд в будущее».

“Мы создали социальный голос для этого сектора, мы создали сообщество среди фондов, мы показали им, что есть способы стремиться быть лучше, и мы поддержали их в том, чтобы они стали лидерами – принимая на себя риск, имея стратегическую концепцию и четкий взгляд в будущее”

9

Послесловие

Эта глава не претендует на комплексный взгляд на будущее. Скорее, рассматривает несколько основных проблем, которые были подняты в данном отчете, и предлагает некоторые способы, с помощью которых благотворительные учреждения, включая инфраструктурные организации, могли бы их решить. В ней также обсуждается необходимость того, чтобы сама благотворительность разрабатывала всеобъемлющее видение своей роли в мире, а также, чтобы инфраструктурные организации, особенно WINGS, как глобальный инструмент, играли большую роль в привлечении благотворительности к ответственности.

ПОМОЩЬ ОРГАНИЗАЦИЯМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В 7 главе рассматриваются различные виды давления на НКО во многих частях света, которые угрожают не только их деятельности, но даже их выживанию. Что может сделать благотворительность, чтобы помочь?

Обеспечить основное финансирование

«В Великобритании, говорит Кэрол Мак, давление на общественные организации заставляет фонды переосмыслить виды поддержки, которые они предлагают». Теперь мы гораздо больше задумываются о том, как можем помочь тем организациям, о которых действительно заботимся. «Давайте будем давать им основное финансирование, чтобы они могли обеспечить свое устойчивое будущее и искать источники финансирования от других доноров». Кэрол также отмечает развитие дискуссии о том, как облегчить процесс финансирования организаций, которых хотят поддержать спонсоры – упростить процессы, в некоторых случаях публиковать уставы для грантополучателей».

Повышение устойчивости за счет получения доходов и тренингов по фандраизингу.

Семинар в Мехико также определил главные принципы, которые помогут создать более устойчивые организации. Очевидным способом является получение дохода, хотя это имеет свои недостатки, как например риск того, что организация будет отвлечена от своей основной цели. Тренинги по фандраизингу для НКО (и для местных сообществ, в которых не участвует ни одна НКО) тоже являются спорными методами. Экономически эффективным способом сделать это являются курсы электронного обучения, которые могут помочь мобилизовать сообщества как для сбора средств, так и для самих себя. Другая схожая идея - это создать объединенный фонд, в рамках которого, два или более фонда могут создать фонд устойчивого развития с целью поощрения развития устойчивости среди НКО.

Также нужно учесть стресс, который накладывается на индивидуальных работников, а не на организацию в целом. В благотворительном секторе присутствует большая текучка кадров, на почве эмоционального выгорания.

> Как мы будем поддерживать устойчивость сообщества в ближайшие десятилетия? Какие институты нам надо начать создавать сейчас и какова роль сектора традиционной благотворительности в поддержке устойчивого развития сообщества?”

Существует фонд, который финансирует творческие отпуски, чтобы помочь справиться с этой проблемой.

Создание более демократичной формы благотворительности

Дэнни Срискандараджа указывает на возможность того, что краудфандинг предлагает создание более демократичных, более широких форм благотворительности для поддержки сообщества. Таким образом, он считает, что реальный вопрос как для филантропии, так и для инфраструктурных организаций заключается в том, «как мы будем поддерживать устойчивость сообщества в ближайшие десятилетия? Какие институты нам надо начать создавать сейчас и какова роль сектора традиционной благотворительности в поддержке устойчивого развития сообщества?».

Раннее мы видели его информационную кампанию о том, что он называет «фондопосредниками», целью которых является связать напрямую донорские средства с конечным благополучателем. Он утверждает, что «такие группы, как WINGS, могут взять на себя инициативу в этом вопросе, собрав другие фонды, как AWDF и Mama Cash, группы с солидным опытом работы в тесном контакте с сообществами».

Создание форумов для объединения доноров и НКО

Дэнни также предполагает, что инфраструктурные организации могут собирать такого же рода группы из стран глобального Юга, которые видят в своей роли политические аспекты. Он считает, что существует ‘слишком мало возможностей для НКО, так сказать потребителей, вести коллективный и честный разговор с миром доноров. Вместо того, чтобы филантропы отправлялись из Мексики в Варшаву, или куда бы то ни было, и разговаривали друг с другом, нам нужны возможности для общения с людьми из сектора на структурном уровне, а не по конкретной теме или на операционном уровне. Таким образом, это приведет к межсекторальному общению, с организацией которых лучше справятся инфраструктурные организации.

Оставаться вовлеченными, когда финансирование затруднено

Участники форума WINGS в Мехико выяснили, что спонсоры могут сделать, чтобы оставаться вовлеченными, когда официальное финансирование для НКО будет невозможно. Одним из направлений была работа через группы без формального определения для обучения гражданского общества законодательсту, чтобы им было понятно, что легально, а что нет. Например, Фонд «Открытое общество» (The Open Society Foundation) проводит финансовое обучение, потому что на базовом уровне это означает, что государственные аудиторы не могут использовать его отсутствие в качестве предлога для закрытия организации.

Обеспечение соответствия действующему законодательству

Даг Рутцен видит ряд способов, с помощью которых филантропия может помочь в смягчении последствий ограничительных законов. «В любой стране, есть ряд законов, которые могут подловить благотворительные организации и НКО, и мы не хотим, чтобы последние были настолько сосредоточены на законах, чтобы не могли выполнять свою основную миссию. Именно поэтому филантропия должна предоставлять помощь благотворительным организациям, чтобы те продолжали работать».

В авторитарных режимах ограничения часто могут основываться на незначительных технических моментах. Есть примеры, когда «филантропия и другие доноры шагнули вперед и помогли создать инфраструктуру – это реальный пример. Так что именно вы можете помочь с соблюдением правил. Именно Вы можете помочь с адаптацией. Иногда лучше всего делать это не в качестве некоммерческой организации, чтобы доноры могли подумать о том, как они могут взаимодействовать с социальными предприятиями и финансировать их в этом качестве».

Помощь в защите

Даг Рутцен также отмечает множество вещей, которые можно сделать для защиты. Это может быть цифровая безопасность, это может быть обучение физической безопасности, это также может быть помощь с переездом в соседнюю страну. Таким образом, существует целый набор защитных стратегий в зависимости от условий.

КОНФЛИКТЫ И МИГРАЦИЯ

Глава 1 указывает на ряд основных проблем, возникающих в результате конфликтов, которые приводят к перемещению людей. Барри Габерман отмечает здесь ключевую роль Международного центра по вопросам правосудия в переходный период в конфликтных ситуациях. «В эту область очень сложно попасть, есть большие риски, но тема становится все более важной».

Учитывая все сложности, финансирование и поддержка «ряда организаций, которые держат знамя за защиту прав человека и социальную справедливость» становится все более актуальной темой, добавляет Барри Габерман. Однако Аталлах Куттаб видит ограниченную роль благотворительности в решении вопроса о беженцах в Арабском регионе. «Филантропия не может быть полезна в данном вопросе, поскольку мы не утвердили себя, как эффективный инструмент в нашем обществе». Незамедлительным последствием будет то, что «все деньги пойдут на спасательную работу. Я ожидаю, что будет больше потребностей в помощи в результате войн или ситуации с беженцами».

Что могут сделать фонды, для того, чтобы помощь людям признать реальность миграции, и тот факт, что этот процесс не остановить? «Это не работа по финансированию» – считает Гарри Салоле. «Фонды должны взаимодействовать с людьми, разговаривать с ними, создавать площадки, где люди могут вести безопасные разговоры об этой проблеме. Людям нужно чувствовать, что их слушают. Одна из самый очевидных идей, которые исходят от Трампа и Найджела Фараджа, это то, что людям необходимо выражать свое мнение, и, чтобы, кто-то был рядом, чтобы их выслушать. Если этого не происходит, люди проявляют негатив: у них появляется отчужденность от собственной культуры, они становятся чужими в родных городах. Все это должно быть предупреждено и предотвращено».

> “Людям нужно чувствовать, что их слушают... Если этого не происходит, люди проявляют негатив: у них появляется отчужденность от собственной культуры, они становятся чужими в родных городах”

> Влияние цифровых технологий на сектор на данный момент неизмеримо. Но уже сейчас ясно, что оно будет значительным”

Если брать ситуацию в Канаде, где вопрос о коренных общинах стоит более остро, фонды могли бы играть посредническую роль. Как указывает Хилари Пирсон, в то время как правительство часто рассматривается как противник коренными народами, я не думаю, что филантропия рассматривается таким же образом.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Цифровые технологии уже влияют на многие аспекты функционирования благотворительного сектора. Кэрол Мак видит здесь ключевую роль для инфраструктурных организаций и доноров в оказании помощи сектору в переходе на цифровые технологии «в хорошем смысле». Кэрол описывает технологическую революцию, как «действительно большой игровой «чейнджер», особенно цифровые технологии». Это изменило главный тренд, это изменило коммерческий сектор, и это изменит волонтерский и общественный секторы и фонды, являющиеся традиционными донорами инноваций.

Как мы уже поняли, цифровые технологии уже оказывают глубокое влияние на частные пожертвования по мере развития онлайн сервисов по сбору частных пожертвований и краудфандиинговых платформ. Кроме того, как отмечалось выше, Центр Фондов изучает возможность манипулирования большими объемами данных все более сложными методами в своем проекте Фонд Карты. Концепция, которую импортирует фонд Благотврительность Австралии (Philanthropy Australia) и которая, вероятно, будет распространяться в том или ином варианте.

Цифровая лаборатория гражданского общества в Стэнфордском центре филантропии и гражданского общества находится в процессе проведении серии семинаров по всему миру для изучения прогресса и методов цифровых данных и их последствий для гражданского общества. Этот проект рассмотрит возможные нарушения прав их использования, а также возможности для гражданского общества и филантропии. Хилари Пирсон сообщает, что Канадское Налоговое агентство сделало доступным «в цифровом формате огромный сбор данных о благотворительных организациях и фондах».

Ожидаются последствия и для «потребителей» филантропии. Решить проблему нехватки образования! В Азии изучаются способы использования смартфонов для разработки образовательных программ, охватывающих детей, которые не ходят в школу, но у которых есть смартфон. НКО и финансирующие организации будут все чаще изучать новые способы использования технологических достижений.

Влияние цифровых технологий на сектор в данный момент неизмеримо. Но уже сейчас ясно, что оно значительно и будет только усиливаться. Это потребует внимания со стороны практиков филантропии, наблюдателей, студентов и партнерских организаций.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩАЯ РОЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИЛАНТРОПИИ

На глобальном уровне «должно быть гораздо больше абстрактных, основанных на ценностях, предложений о том, что такое филантропия», считает Дженни Ходжсон. Это дело принципа и политики: в то время, как идея глобальной филантропии начинает расти, «ответная реакция будет также глобальной, и вопросы о ее законности, а также обоснования ее вмешательства в политику, станут более заметным. Растущее число коллективных пожертвований и мегафондов/доноров усиливает глобальную дискуссию о неравенстве богатства и источнике благотворительных денег. Поэтому Дженни видит необходимость в глобальной платформе, «которая сможет занять позицию о том, для чего нужна филантропия».

Халима Магомед считает, что инфраструктура должна играть гораздо большую роль, привлекая благотворительность к решению вопросов. По ее мнению, инфраструктурные организации неохотно сталкиваются с вопросом власти и влияния в филантропии, но, если они хотят, чтобы их воспринимали всерьез, им придется. «Люди, которые создают фонды, являются участниками властных отношений, которые доминируют в обществе. Если вы хотите поощрять филантропию по решению проблемы неравенства, вы должны рассмотреть вопрос о том, как она связана с существующими отношениями».

На данный момент инфраструктурные организации говорят: «мы хотим поддержать благотворительность», но «они не задаются вопросом, продуктивна или контрпродуктивна благотворительность, которую они хотят поддержать».

Неразвитость благотворительной инфраструктуры в стране или регионе означает отсутствие форума, на котором можно было бы выработать целостное представление о роли и цели благотворительности (часто бывает, что продуктивных разговоров не происходит из-за отсутствия места, где их можно было бы проводить, считает Ходжсон).

Литературные ссылки

1. AFE, GDFE, Cemefi et al (2015) Частные фонды социальных преобразований: филантропия и частные социальные инвестиции в Латинской Америке сегодня.
2. TUSEV (Сентябрь 2016) Частные пожертвования и филантропия в Турции: www.tusev. org.tr/usrfiles/images/belgeler/Individual_Giving_and_Philanthropy_in_Turkey.pdf
3. Клубы из 12 или более человек, которые действуют в качестве ротационных кредитных союзов или сберегательных схем в Южной Африке.
4. Observatoire de la Fondation de France, Пожертвования в Европе 2015: www.fondationdefrance.org/sites/default/files/atoms/files/philanthropy_ in_europe_2015.pdf
5. Observatoire de la Fondation de France, op cit.
6. TUSEV, op cit.
7. CAF Южная Африка (2015) «я верю, что могу изменить ситуацию»: частные пожертвования «обычных людей», живущих в провинции Гаутенг, Южная Африка.
8. TUSEV, op cit.
9. CAF Индия /Этика (Сентябрь 2015) Онлайн-пожертвования в Индии: Идеи для улучшения результатов.
10. Wealth-X (2016) Изменение филантропии: тенденции изменения в ультра-богатых пожертвованиях.
11. BNP Paribas Individual Philanthropy Report (2017) Передача Факела: филантропы следующего поколения.
12. Ibid.
13. www.hudson.org/research/13314-index-of-global-philanthropy-and-remittances-2016
14. World Bank (13 April 2015) Миграция и денежные переводы: последние события и перспективы, краткая справка по миграции и развитию № 24.
15. Статистика для этого раздела взята из Observatoire de la Fondation de France, Пожертвования в Европе 2015: www.fondationdefrance.org/sites/default/files/atoms/files/philanthropy_in_europe_2015.pdf
16. Bain & Co (2017) Отчет О Благотворительности Индии 2017
17. Gates Foundation выявляет ошибки почему филантропы не должны устанавливать повестку дня государственных школ Америки Los Angeles Times, 1 июня 2016 года.
18. Амитабх Бехар «Какова роль филантропии в Демократической Индии?» Альянс, Сентябрь 2016: www.alliancemagazine.org/feature/what-role-for-philanthropy-in-a-democratic-india
19. http://data.foundationcenter.org/#/foundations/operating/nationwide/total/list/2014
20. «Расцвет фондов: Надежда для гражданского общества на низшем уровне в Китае?» 10 мая 2017: www.chinoiresie.info/the-rise-of- foundations-hope-for-grassroots-civil- society-in-china
21. Ингрид Синат (2017) «Будет ли новая южная филантропия соответствовать своему потенциалу трансформационных изменений?» Доклад о состоянии гражданского общества 2017, CIVICUS.
22. GFCF (2010) More than the Poor Cousin? Возникновение общественных фондов, как новой парадигмы развития.
23. http://communityfoundations.ca/vitalsigns/community-vital-signs
24. Foundation Center/Council on Foundations (2017) Местные общины с глобальным охватом: международные пожертвования американскими фондами сообществ: www.cof.org/content/local-communities- global-reach-international-giving-us- community-foundations
25. Lester Salamon (2014) Leverage for Good, OUP.
26. www.netimpact.org/careers/what-is-the-difference-between-socially-responsible-investing-and-impact-investing
27. divestinvest.org/philanthropy/about
28. Джеймс Кинге, «Этический Инвестиционный Бум», Financial Times, 3 Сентября 2017 Года.
29. Си Эндрю Милнера «Что происходит со всем остальным?» Альянс, Июнь 2017.
30. Social Traders, Поиск сектора социального предпринимательства Австралии, 2016.
31. University of Toronto (Весна 2013) провал в социальных предприятиях.
32. Cripplegate Foundation, Стратегические цели и приоритеты, 2016-18.
33. AFE (May 2017) Мир и устойчивое развитие в Колумбии: роль благотворительности в построении общего будущего.
34. Рохини Мохан, «репрессии Нарендры Моди против гражданского общества в Индии», New York Times, 9 января 2017 года.
35. http://theconversation.com/a-new-law-in-china-is-threatening-the-work-of-international-ngos-70884
36. Hudson Institute, Центр глобального процветания, Гудзонский институт Индекс свободы филантропии, 2015.
37. Любопытно отметить, что прародителем российского закона Об иностранных агентах и других законов, в том же духе может быть закон о регистрации иностранных агентов (FAR) 1938 года в США. Термин «иностранный агент» был взят из закона FAR несколько лет назад адвокатом в Венесуэле, и правительство Венесуэлы впоследствии начало ссылаться на финансируемые из-за рубежа НКО в качестве иностранных агентов. С тех пор этот термин получил широкое распространение благодаря закону в России и аналогичным прогнозам в Израиле, Кыргызстане и Украине. Возвращаясь к США, говорит Рутцен, «назревает спор вокруг взаимодействия администрации Трампа с Россией, поэтому сейчас группы рассматривают это взаимодействие в свете закона 1938 года. Проект по надзору правительства выступило с инициативой, призывая граждан направлять прошения членам Конгресса, чтобы дать власть Министерству юстиции для обеспечения дальнейших действий».
38. Hudson Institute, op cit.
39. Hudson Institute, op cit.
40. CAF (2016) Государства-доноры: международное сопоставление налогового режима пожертвований.
41. See www.bridgespan.org/insights/library/ remarkable-givers/profiles/ashish-dhawan- rejects-the-status-quo/tax-incentives- increase-giving-india-ashish-dhawan
42. Observatoire de la Fondation de France, op cit.
43. WINGS (2017) Инфраструктура в фокусе: новая глобальная картина организаций, обслуживающих филантропию.

Приложение A

СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ДОКЛАДА

Мы хотели бы выразить благодарность следующим представителям благотворительного сектора, которые предоставили большую часть материала для документа:

Andre Degenszaijn, Исполнительный директор, Instituto Ibirapitanga, Бразилия

Atallah Kuttab, Основатель и председатель, SAANED для консультативного благотворительности в арабском регионе

Barry Gaberman, почетный председатель WINGS и бывший вице-президент the Ford Foundation

Basak Ersen, секретарь, Third Sector Foundation of Turkey (TUSEV)

Carol Mack, генеральный директор, Ассоциация благотворительных фондов (ACF), Великобритания

Danny Sriskandarajah, секретарь, CIVICUS

Douglas Rutzen, президент и генеральный директор Международного центра некоммерческого права (ICNL)

Gerry Salole, главный исполнительный директор Европейского центра фондов (EFC)

Halima Mahomed, независимый консультант по благотворительности, Южная Африка

Hilary Pearson, президент, благотворительные фонды Канады (PFC), Канада

Ingrid Srinath, директор Центра социального воздействия и филантропии, университет Ашока, Индия

Jenny Hodgson, исполнительный директор, Глобальный Фонд общественных фондов

Krystian Seibert, менеджер по информационно-пропагандистской деятельности, филантропия Австралия

Laurence Lien, основатель, Фонд Лиен и исполнительный директор, Asia Philanthropy Circle, Сингапур

Maria Carolina Suarez Visbal, исполнительный директор, Asociación de Fundaciónes Empresariales (AFE), Colombia

Narmeen Adeel, научный руководитель, пакистанского Центра филантропии (PCP)

Оксана Орачева, Генеральный Директор Благотворительного Фонда Владимира Потанина, Россия

Rosa Gallego, директор международных отношений, Ассоциация фондов в Испании(AEF)

Shazia Amjad, исполнительный директор пакистанского Центра филантропии (PCP)

Yanni Peng, Генеральный Секретарь Фонда Нарада, Китай

Приложение B

УЧАСТНИКИ СЕМИНАРА

ЙОХАННЕСБУРГСКИЙ СЕМИНАР

Andres Thompson	Social justice & Philanthropy Network	Бразилия
Andrew Chunilall	Community Foundations of Canada	Канада
Ansis Berzins	Community Foundation Movement in Latvia	Латвия
Beulah Fredericks	Southern African Community Grantmakers Leadership Forum	Южная Африка
Bill Lockington	Community Foundations Canada	Канада
Brian Toller	Community Foundations Canada	Канада
Carola Carazzone	ASSIFERO - Associazione Italiana delle Fondazioni ed Enti della filantropia Istituzionale	Италия
Christopher Worman	TechSoup	Соединенные Штаты
Colleen du Toit	Charities Aid Foundation South Africa	Южная Африка
Dajana Berisha	Forum for Civic Initiatives	Албания
Dana Doan	Lin Center	Вьетнам
David Jacobstein	DCHA/DRG Cross-Sectoral Programs Team	Соединенные Штаты
Emmanuel Marfo	GADeF – Global Alliance for Development Foundation	Гана
Florencia Roitstein	Centro de Estudios de Estado y Sociedad: CEDES	Аргентина
Hansa Goolab	Charities Aid Foundation South Africa	Южная Африка
Ian Bird	Community Foundations of Canada	Канада
Janet Topolsky	Aspen Institute Community Strategies Group	Соединенные Штаты
Jason Franklin	Dorothy A. Johnson Center for Philanthropy (GVSU)	Соединенные Штаты
John Harvey	Independent Consultant	Соединенные Штаты
Kathleen McCarthy	CUNY – The Center University of New York	Соединенные Штаты
Kevin McCort	Vancouver Foundation	Канада
Lara Kalwinski	Council on Foundations	Соединенные Штаты
Monica Nkrumah	GADeF – Global Alliance for Development Foundation	Гана
Natalie Ross	Council on Foundations	Соединенные Штаты
Nick Deychakiwsky	The Charles Stewart Mott Foundation	Соединенные Штаты
Olwethu Sizani	SGS Consulting	Южная Африка
Sahar Khajeali	Community Foundations Canada	Канада
Sarah Tansey	Human Rights Funders Network	Соединенные Штаты
Sean Lowrie	The Start Network	Великобритания
Shannon L. Lawder	The Charles Stewart Mott Foundation	Соединенные Штаты
Shaun Samuels	SGS Consulting	Южная Африка
Shazia	Pakistan Centre for Philanthropy	Пакистан
Shekeshe Mokgosi	The Other Foundation	Южная Африка
Stewart Mtulisi Mantula	Community Foundation for Western Region of Zimbabwe	Зимбабве
Titania Fernandez	Community Chest	Южная Африка
Vuyiswa Sidzumo	The Charles Stewart Mott Foundation	Южная Африка

СЕМИНАР В МЕКСИКЕ

Amanda Martin	Australian Environmental Grantmakers Network	Австралия
Amy Taylor	CIVICUS World Alliance	Соединенные Штаты
Ana Valeria Araujo	Social justice & Philanthropy Network	Бразилия
Andres Thompson	Social justice & Philanthropy Network	Бразилия
Angela Bishop	Community Foundation of Nova Scotia	Канада
Anke Paetsch	Association of German Foundations	Германия
Ansis Berzins	Community Foundation Movement in Latvia	Латвия
Armando Casis	Asociación UNACEM	Мексика

Artemisa Castro	Fondo Accion Solidaria, AC	Мексика
Barbara Ibrahim	American University in Cairo	Египет
Bruce Thao	Minnesota Council on Foundations	Соединенные Штаты
Carol Brennan	Charities Aid Foundation	Соединенные Штаты
Christian Tohmé	International Committee of the Red Cross	Швейцария
Christopher Worman	TechSoup	Соединенные Штаты
David Perez Rulfo	Corporativa de Fundaciones	Мексика
Emmanuel Marfo	GADeF - Global Alliance for Development Foundation	Гана
Esther Hughes	Global Dialogue	Великобритания
Florencia Roitstein	Centro de Estudios de Estado y Sociedad: CEDES	Аргентина
Heather Grady	Rockefeller Philanthropy Advisors	Соединенные Штаты
Hideo Tone	The Toyota Foundation	Япония
Iara Rolnik	Grupo de Institutos, Fundações e Empresas - GIFE	Бразилия
Ingrid Srinath	Ashoka University	Индия
Jacinth Morgan Collie	Jamaica Public Service Company Limited (JPS Foundation)	Ямайка
James Magowan	Spanish Association of Foundations	Великобритания
Janet Mawiyoo	KCDF - Kenya Community Development Foundation	Кения
Jason Franklin	Dorothy A. Johnson Center for Philanthropy at Grand Valley State University	Соединенные Штаты
Jessie	Charities Aid Foundation America	Соединенные Штаты
John Harvey	Independent Consultant	Соединенные Штаты
Joyce Teo	The Community Foundation of Singapore	Сингапур
Lorenzo Davids	Community Chest of the Western Cape	Южная Африка
Lourdes Sanz	CEMEFI- Centro Mexicano para la Filantropia	Мексика
Luiza Souza	Institute for Climate and Society	Бразилия
Maggi Alexander	The Philanthropic Initiative	Соединенные Штаты
Maree Sidey	Australian Communities Foundation	Австралия
Marisa Ohashi	Grupo de Institutos, Fundações e Empresas - GIFE	Бразилия
Mizmun Kusairi	GuideStar	Соединенные Штаты
Natalie Ross	Council on Foundations	Соединенные Штаты
Niamani Mutima	Africa Grantmakers' Affinity Group	Соединенные Штаты
Nick Deychakiwsy	The Charles Stewart Mott Foundation	Соединенные Штаты
Nolitha Tiba	African Philanthropy Network	Южная Африка
Oksana Oracheva	The Vladimir Potanin Foundation	Россия
Patricia Lobaccaro	BrazilFoundation	Бразилия
Paula Johnson	Harvard Uwniversity	Соединенные Штаты
Richard Marker	Wise Philanthropy Institute	Соединенные Штаты
Sameera Mehra	Charities Aid Foundation	Великобритания
Sandra Richardson	Community Foundations of Canada	Канада
Sarah Afraz	Ashoka University	Индия
Sarah Tansey	Human Rights Funders Network	Соединенные Штаты
Shazia Maqsood Amjad	Pakistan Centre for Philanthropy	Пакистан
Stigmata Tanga	The Foundation for Civil Society	Танзания
Susan	KCDF - Kenya Community Development Foundation	Кения
Tevfik BaÅŸak Ersen	TUSEV - Third Sector Foundation of Turkey	Турция
Tina Thiart	HGG NPO Sustainability Solutions PTY Ltd.	Южная Африка
Wendy Richardson	Global Fund for Community Foundations	Брюссель

СЕМИНАР В АММАНЕ

Barry Knight	Centris	Великобритания
Atallah Kuttab	SAANED for Philanthropy Advisory	Иордания
Guesturd Haule	Foundation for Civil Society	Танзания
Hannen Khatib	Arab Foundations Forum	Иордания
Helena Monteiro	WINGS	Бразилия
McGill Lauren	Foundation Center	Соединенные Штаты
Larry Bradford	Foundation Center	Австралия
Naila Farouky	Arab Foundations Forum	Соединенные Штаты/ Иордания

WINGS funders and supporters

CHARLES STEWART MOTT FOUNDATION®

The ROCKEFELLER FOUNDATION

Fondation de France

VLADIMIR POTANIN FOUNDATION

CONRAD N. Hilton FOUNDATION

WILLIAM + FLORA Hewlett Foundation

WINGS Knowledge partner

FOUNDATION CENTER
Knowledge to build on.

The opinions expressed in this report are those of the authors and do not necessarily reflect the views of any of these funders.

WINGS
WORLDWIDE INITIATIVES FOR GRANTMAKER SUPPORT

www.wingsweb.org
email: info@wingsweb.org
Tel: +55 11 3078 7299

Address:
Av. Faria Lima, 2391 - Cj 122
Sao Paulo - SP - 01452-905 Brazil